

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

PIETARIN VALTIONYLIOPISTO
«PETROSCANDICA»

HISTORALLISEN MAANTETEEN TUTKIEL

MIA

**Venäjän luoteisosa.
Slaaveja ja suomalaisia**

Toimittaneet: A.S.Gerd ja G.S.Lebedev

PIETARIN YLIOPISTON KUSTANTAMO
2001

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ПЕТРОСКАНДИКА»

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

**Северо-Запад России
Славяне и финны**

Под редакцией А.С.Герда и Г.С.Лебедева

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ББК 63.2
0-95

Авторы:

А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова, А. Гаджиева, А. С. Герд,
И. Е. Гришина, Т. П. Дмитриева (Амелина), Т. А. Зими́на, М. М. Кондратенко,
О. И. Конькова, Т. В. Краснополя́ская, В. А. Лапин, Г. С. Лебедев, М. А. Лобанов, К. К. Логинов,
И. И. Муллонен, В. А. Назаренко, В. П. Орфинский, А. И. Сакса,
В. Н. Седых, А. А. Селин, Л. Си́илин, А. М. Спиридонов, В. И. Хартанович,
К. Хейкинен, И. И. Шангина, В. Я. Шумкин

Tekljät:

A. Ahlqvist, V. A. Bulkin, I. Ju. Vinokurova, A. Gadzhijeva, A. S. Gerd, I. E. Grishina,
T. P. Dmitrijeva (Amelina), T. A. Zimina, M. M. Kondratenko, O. I. Konkova, T. V. Krasnopol'skaja,
V. A. Lapin, G. S. Lebedev, M. A. Lobanov, K. K. Loginov, I. Mullonen, V. A. Nazarenko,
V. P. Orfinski, A. Saksa, V. N. Sedyh, A. A. Selin, L. Siilin, A. M. Spiridonov, V. I. Hartanovitsh,
K. Heikkinen, I. I. Shangina, V. Ja. Shumkin

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета

С.-Петербургского государственного университета

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны /
0-95 А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.; Под общ. ред. А. С. Герда,
Г. С. Лебедева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — 512 с.

ISBN 5-288-02898-2

Коллективная монография продолжает цикл исследований, представленных в монографиях «Славяне: Этногенез и этническая история» (Л., 1989) и «Основания регионалистики» (СПб., 1999). Книга — итог многолетних полевых исследований и творческих поисков ученых России и Финляндии — представляет собой фундаментальный уникальный труд по исторической географии, этнолингвистике, краеведению и культурной антропологии. В ней продолжается развитие идей комплексной реконструкции древнейших историко-культурных зон по данным различных гуманитарных наук. На широком материале в книге воссоздана панорама эволюции таких историко-культурных зон, как Верхняя Русь, Северо-Западное Приладожье, Обонежье, Ярославско-Костромское Поволжье.

В историко-этническом и этнолингвистическом плане монография ориентирована на проблему славяно-финских контактов в области материальной и духовной культуры.

В создании монографии принимали участие ученые Санкт-Петербургского государственного университета, Кунсткамеры РАН, Института истории РАН, Карельского научного центра (Петрозаводск), Российского этнографического музея, Института археологии РАН, Ярославского университета, Хельсинкского университета, Университета Йюэнсуу (Финляндия), Карельского института (Финляндия).

Книга снабжена большим количеством карт.

Для широкого круга историков, филологов, этнографов, историков эволюции культуры.

Без объявл.

ББК 63.2

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Законодательного Собрания и Администрации Санкт-Петербурга

ISBN 5-288-02898-2

© А. С. Герд, Г. С. Лебедев, ред., 2001

© А. Алквист, В. А. Булкин,

И. Ю. Винокурова и др., 2001

© Издательство С.-Петербургского
университета, 2001

ВВЕДЕНИЕ

В книгах «Славяне: Этногенез и этническая история» (1989), «Основания регионалистики» (1999), «Введение в этнолингвистику» (2001) были выдвинуты основные понятия и теоретические положения, из которых исходит и данная коллективная монография. Такими центральными понятиями являются *историко-культурная зона* (далее ИКЗ), *этногенез*, *демогенез*. Обсудим эти понятия еще раз.

Историко-культурная зона как объект исторической географии

Предмет исторической географии — география исторических и демографических процессов, явлений и объектов, связанных с ландшафтами разных типов, это исследование взаимоотношений и взаимосвязей ландшафта и человека, влияния ландшафта на человека и, наоборот, человека, его деятельности — на ландшафт.

Историко-культурная зона — это ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, истории, геологии, географии, а также ряда других дисциплин (фольклористики, этномузыковедения). ИКЗ складываются постепенно, на определенной территории, в условиях конкретного климата и ландшафта и определяются физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи.

Границы ИКЗ достаточно определены на протяжении ряда эпох. В то же время некоторые ИКЗ имеют ареалы взаимоналожения и пересечения: так, ИКЗ Псковского ядра частично пересекается с Западно-Новгородской ИКЗ.

Объект изучения ИКЗ — исследование не отдельных исторических событий, а формирования целостной ИКЗ. Возникнув в глубокой древности, ИКЗ формируются и кристаллизуются на протяжении многих веков вплоть до современности.

Конечно, хронология отдельных лингвистических и этнографических границ, фактов и общая хронология формирования границ — явления разные. Так, все славянские языковые и этнографические материалы по отношению ко времени возникновения и стабилизации этих границ выступают как поздние и вторичные. Однако неоспоримо доказательным является то, что абсолютное большинство даже поздних лингвистических и этнографических явлений вписываются в те же самые старые исторические границы. В чем причина данного явления?

Причина такого странного, на первый взгляд, положения состоит, по-видимому, в том, что в пределах древнейших границ со временем сформировались устойчивые демографические ИКЗ.

В подобном случае определяющим фактором истории таких зон выступают медленная эволюция, смешение, трансформация и билингвизм в языке и культуре. Старое и новое население веками продолжает жить рядом, вместе и через длинную цепь трансформаций переходит в новое языковое и культурное состояние в тех же исторических границах. Народы приходят и уходят, сменяются языки, культуры, но новое население оседает всегда

там же или рядом, где жили до них, подселается в старые, уже существовавшие ранее поселения.

Каждая ИКЗ — итог смешения, и каждое смешение порождает свой тип культуры. Далее этот новый тип продолжает развиваться в тех же границах как свой особый тип смешения и интерференции. Происходящая время от времени миграция извне для ИКЗ — всегда толчок к новой трансформации. В конечном счете, каждая миграция выступает как начальная стадия новой трансформации.

В предмет научной истории ИКЗ входит анализ их эволюции, при котором одна культурная парадигма сменяет другую. Например, Днепро-Двинская ИКЗ прошла такие стадии, как балтийская, балто-славянская (кривичская), восточно-славянская, средnedнепровская, севернорусско-кривичская, северо-белорусская, польско-белорусско-литовская (XIV–XVII вв.), западно-русская, белорусская.

Анализ эволюции ИКЗ показывает не только устойчивость основных исторических культурных ареалов, но и определяющую роль этого ареала во всех процессах, связанных с историей населения в данной ИКЗ.

История границ ИКЗ — это одновременно история формирования границ диалектных и этнографических зон. Диалектные и этнографические зоны вырастают в рамках ИКЗ. При этом история формирования таких диалектных и этнографических зон может быть вскрыта только через определение связей данной ИКЗ с другими зонами.

Таким образом, формирование ареалов многих современных диалектных и этнографических зон, групп шло вместе с эволюцией ИКЗ, а сама история развития диалектов и этнографических групп уходит далеко вглубь, за пределы истории севернорусов и восточных славян. История границ диалектов, этнографических зон не может быть вскрыта только в пределах языкознания или этнографии. Изучение истории границ, истории ареала — это комплексная задача, требующая сотрудничества археологов, филологов, антропологов, этнографов, этномузыковедов, историков, географов, геологов. Диалекты дописменной эпохи могут быть выделены и хронологически расчленены только при условии предварительной экспликации древнейших ИКЗ. В конечном счете история большинства диалектных границ — это и есть история границ той или иной ИКЗ.

Одной из наиболее важных задач является комплексная реконструкция различных историко-культурных типов (ИКТ) как отдельных хронологических состояний, синхронных срезов, характерных для той или иной ИКЗ. При этом каждый такой тип должен выделяться по данным разных наук. Так, например, для Восточно-Новгородской ИКЗ выделяется ИКТ I тыс. н. э., который характеризуется археологической культурой сопок и финно-угорским языковым строем.

Реконструкция ИКЗ как совокупности ИКТ, в конечном счете, представляет собой экспликацию эволюции культуры разных ИКЗ. При этом под культурой следует понимать как памятники, предметы и вещи материальной культуры, так и язык, письменность, мифологию, религию, фольклор, музыку.

В какой-то степени понятие ИКЗ перекрещивается с современным понятием «культурный ландшафт» [Лоуэнталь 1997]. Как и современный культурный ландшафт, ландшафт ИКЗ исторически в разное время заполнялся памятниками различных культур и воплотил в себе результаты хозяйственной, сакральной, духовной, языковой деятельности разных народов. Со временем отдельные поселения в ареале ИКЗ перерастают в интегрирующие культурные центры. В качестве культурного центра чаще всего выступают город или монастырь. Таковы, например, в ареале Верхней Руси Ладога, Новгород, Псков, Корела или Тихвин и Тихвинский монастырь, Валаамский монастырь.

История городских культурных центров как в фокусе отражает все основные закономерности эволюции данной ИКЗ: влияние субстрата, язычество, сакрализация предметов и окружающей среды, насильственная христианизация, разгром и подавление язычества, полиэтничность, интерференция, билингвизм и бикультура, появление письменности, литературного языка, конфессионализация литературы, интерференция народно-диалектной основы и церковно-книжной сферы. В то же время, по-видимому, следует различать индивидуально-психологическое осознание и восприятие той или иной культуры как «своей» национальной культуры и ее строго научный структурный анализ с точки зрения генезиса, субстрата, заимствований, интерференции и трансформаций. Именно начиная с этого времени осознание самых разных по происхождению элементов культуры как «своих», принадлежащих «нашему народу» приобретает свою экспликацию в речи и в литературе в выражениях типа «наш язык», «наши сказки, песни», и следует говорить о появлении национальной культуры в разных ее проявлениях. С чисто научной точки зрения отдельные черты той или иной национальной культуры появляются раньше, чем наступает осознание этих черт как особенностей «своей» культуры.

Строго научная интерпретация отдельных атомарных явлений, моделирование культуры как сложной макросистемы, с одной стороны, и индивидуальное и общественное восприятие культуры, с другой, явления разные. Наконец, школа, публицистика, литература представляют собой особую форму осознания и переинтерпретации национальной культуры, в которой по-разному синкретизируются и преломляются научные результаты и различные компоненты этнического и национального самосознания. С наступлением этапа такого осознания можно уже хронологически дифференцированно и по отдельности говорить о каждой национальной культуре.

Сказанное выше, во-первых, относится, к древнейшим донациональным этапам формирования ИКЗ, а во-вторых, отнюдь не исключает того, что и с научной точки зрения на определенном этапе пестрая мозаика разных признаков и типов объективно сливается в ту или иную единую особую национальную культуру, однако исторический процесс становления такой единой системы и ее осознание не всегда совпадают.

Аналогично, по-видимому, Следует различать понятие «этнос» как факт обиходного и публицистического сознания и научное понятие «этнос», определяемое, моделируемое по строгим параметрам в результате комплексных исследований в разных областях знаний. А разве не так же мы различаем обиходные, наивные представления о языке и понятие «язык» с позиций лингвистики, математики, логики, семиотики?

Этногенез, демогенез и историческая география

История населения, этническая история конкретного ареала уже давно и прочно закрепились на страницах литературы по исторической географии [Любавский 1909; Кузнецов 1910; Середонин 1916; Спицын 1917; Жекулин 1982; Иванов 1998; Исаченко 1998].

Этногенез и этническая история — общие проблемы, объединяющие разные гуманитарные науки. В решении этих проблем участвуют археология, лингвистика, антропология, этнография, история, музыковедение, психология, социология, география. К сожалению, именно в области истории формирования того или иного этноса, народа нередко высказы-

В аспекте регионалистики эти проблемы достаточно подробно изложены в кн. [Основания регионалистики 1999].

вается немало фантастических гипотез и чисто конъюнктурных соображений. Как показывает опыт, представители каждой из гуманитарных наук обычно весьма охотно прикрепляют те или иные этнические бирки к своим материалам. Если оставаться на почве фактов, то именно на уровне синтеза данных разных наук обнаружить и выявить те или иные конкретные этносы на протяжении многих тысячелетий до эпохи раннего средневековья оказывается, как ни странно, совсем не так легко и с каждым шагом в глубь истории становится все труднее и проблематичнее. Многие признаки и параметры, используемые при моделировании понятия «этнос» применительно к живым современным народам (самосознание, живой язык, материальная и духовная культура), трудноприменимы к определению этого понятия в эпоху мезолита, неолита, бронзового или железного века и даже раннего средневековья. Этнические признаки человеческих коллективов древнейшей поры с трудом очерчиваются в общем тумане демогенеза, миграций и смены культур. Объективный и непредвзятый синтез данных разных наук, ретроспективно обращенный назад, в глубь столетий и тысячелетий, выделяет и опредмечивает не столько отдельные конкретные типы этноса (этносов, субэтносов), сколько такие реальные категории, как географические (культурные) границы, ареалы отдельных фактов и явлений, ИКЗ, ИКТ, виды межареальных культурных связей, типы стадийных культурных трансформаций. На протяжении многих тысячелетий этнический облик разных ИКЗ и ареалов остается аморфным и неопознаваемым.

Анализ формирования конкретных ИКЗ позволяет в значительной степени отойти от романтически увлекательных, но порой бездоказательных гаданий об этногенезе того или иного народа. В качестве первого шага, приближающего нас к пониманию сложного механизма процессов этногенеза, этногенетические исследования целесообразно разделить на два уровня.

Первый уровень — экспликация ИКЗ, история ареала и демогенез.

Демогенез — анализ истории формирования населения на данной территории, первая, начальная ступень этногенетического анализа. Демогенез выявляет типы, связанные с конкретными человеческими коллективами на той или иной территории. Отдельные такие типы могут быть соотнесены с определенным этносом, другие — далеко не всегда. Это не препятствует тому, что мы можем достаточно хорошо представлять тип хозяйственных занятий данного коллектива, типы погребений или виды украшений, климат и ландшафт, в котором действовали люди этого коллектива, но при этом мы можем не знать, какой конкретно этнос является носителем этой культуры.

Второй уровень этногенетических исследований состоит в следующем: на определенной стадии анализа та или иная ИКЗ раскрывается в ментальных характеристиках, что позволяет определить ее, в конечном итоге, и в этническом аспекте.

Объект теории этногенеза — судьба этноса по данным разных гуманитарных наук о человеке (антропология, археология, этнография, языкознание, психология, фольклористика, этномузыковедение, история). Причем специалист по этногенезу не исследует сами предметы этих наук, а оперирует преимущественно результатами их изучения, вырабатывая при этом свой метод и форму представления выводов собственно этногенетического анализа.

Таким образом, следует выделить разные этапы анализа исторических процессов, таких как история границ ИКЗ, формирование ареала ИКЗ, населения этих зон (демогенез) и отдельных этносов — как в границах, так и за пределами выделенных ИКЗ (этногенез).

Этногенез и этническую историю конкретного народа можно понять только на фоне общих процессов демогенеза путем выявления тенденций и закономерностей развития населения в том или ином ареале в русле формирования ИКЗ.

Если рассматривать этнос как многопризнаковую систему, то вряд ли следует отрицать, что этнос в лице своих индивидов тесно связан с биосферой. Этнос — это реальная этническая целостность, динамическая система, включающая в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию, взаимосвязи с соседями. Вполне справедливо мнение Л. Н. Гумилева о том, что организм человека входит в биосферу и участвует в конверсии биоценоза. Этнос имеет свою структуру, этнос приспосабливается к ландшафту и вписывается в него. Этническая история связана и с изменением ландшафта, а любая крупная миграция — явление не только историческое, но и географическое, так как она всегда связана с перекройкой ландшафта [Гумилев 1989; Иванов 1998; Исаченко 1998]. В этом еще раз проявляется тесная связь между регионалистикой и исторической географией.

В конечном счете, историческая география через историю взаимодействия человека, этноса и ландшафта вскрывает демогенетическую и этногенетическую историю ареала. В то же время следует отметить, что отдельные исследования по истории языковых, археологических или этнографических фактов представляют собой лишь исходный, «полевой» материал для будущих этногенетических обобщений. Теория этногенеза — это всегда продукт, результат комплексных междисциплинарных исследований. Каждый из нас подолгу изучает, исследует свой материал, свои факты, будь то слова и формы языка, предметы археологических раскопок, постройки, вещи народной материальной культуры или мелодии народной музыки. Синтез данных возможен лишь на определенном этапе, когда в разных отраслях знания накоплено уже немало фактов, которые сами по себе как бы толкают исследователя к поиску новых объяснений их происхождения и функционирования.

Определяя происхождение и историю того или иного явления, группы явлений в языкознании, музыковедении, этнографии, мы описываем не историю конкретного народа, а лишь выделяем некоторые признаки, классы предметов, отношений. Эти факты, классы имеют свою хронологию и географию, но сами по себе еще не выявляют и не определяют тип этноса.

По отношению ко всем более ранним чертам и особенностям в языке, архитектуре, материальной и духовной культуре, музыке, которые мы реконструируем исследовательским путем, применение этнонимических терминов типа «балтийская керамика», «карельский орнамент», «вепсская лексика» и т.д. следует рассматривать как условное и чисто символическое. По-видимому, контакты и связи древнейших времен также следует описывать не в этнических терминах («словене», «чудь», «весь», «водь», «пермь»), а в терминологии ИКЗ, ибо до эпохи появления письменных источников мы мало что знаем о конкретных народах и племенах. Конечно, каждый день в разных странах мира возникает масса поводов и причин для того, чтобы удревнить какой-то этнос, народ, его культуру, доказать, что те или иные памятники археологической культуры или письменности, мифы, песни, рукописи, особенности языка принадлежат этому и только этому народу. К сожалению, во всех подобных ситуациях причины, как правило, вненаучные, эмоции захлестывают говорящих и пишущих, о строгих доказательствах никто не думает, а на самые различные исторические и языковые реалии поспешно навешиваются этикетки с названиями разных народов, притом народов чаще всего ныне живущих.

Во всех подобных дискуссиях не учитываются такие факторы и процессы в эволюции культуры, как медленное спонтанное развитие разных ее форм, субстратизация, межэтническая интерференция, адаптация, контаминация, трансформация, развитие билингвизма и бикультуры, переход от бикультуры к монокультуре. Именно в связи с этим следует сказать об относительности хроникально-племенной (летописной) точки зрения применительно к проблемам этногенеза и ранней этнической истории.

С одной стороны, лингвистика, этнография, археология знают много случаев, когда то или иное слово, та или иная древняя черта в культуре распространены на обширных территориях, занятых сегодня разными народами, однако такие особенности не могут быть приписаны не только ни одному живущему сегодня народу, но и ни одному из ранее известных конкретных этносов или племен.

С другой стороны, источниковедение, древние летописи, хроники знают десятки названий разных племен и народов, с которыми мы не можем связать ни один из известных науке языков. Ярким примером является проблема чуди. Наконец, лингвистика успешно восстанавливает многие древнейшие диалекты, группы языков, которые нельзя связать ни с одним этносом. Классическим примером является проблема «индоевропейский язык и индоевропейцы».

Никаких строгих лингвистических критериев и признаков выделения кривичей, словен, вятичей или полян нет. Одновременно, ни одно из племен Повести временных лет, будь то предположительно племена славянские или чудские, не может быть строго и обоснованно соотнесено ни с одним конкретным славянским или прибалтийско-финским диалектом. В частности, и историческая диалектология как дисциплина чисто лингвистическая восстанавливает не историю формирования лингвистического ландшафта или племен, обитавших на нем, а только историю диалекта как формы существования языка.

Сказанное достаточно ярко может быть представлено на примере сравнения таких краеугольных явлений, как этнос и язык.

Синхронически, на определенном достаточно широком отрезке времени мы наблюдаем определенный живой этнос, народ, выделяемый как этнопсихологически, так и по ряду общих признаков в материальной и духовной культуре. С позиций синхронии выделяется и некий язык как совокупность ряда формально-семантических признаков, которые выступают как язык какого-то народа. Углубляясь в прошлое, даже относительно недавнее, даже в эпоху XIV-XVII вв., мы нередко встречаемся с положением, при котором по данным языка мы не можем сказать, какому конкретному народу принадлежат те или иные произведения фольклора, литературы или тексты на этом языке. Такое положение мы находим, например, в Западной Руси на территории Речи Посполитой в XV-XVII вв.

Итак, мы можем хорошо знать тот или иной древний язык, его памятники, тексты, структуру, но не можем определить тот конкретный этнос, который следует связать с этим языком. И чем дальше в глубь веков, тем больше таких примеров. Есть немало случаев, когда даже сохранились старые рукописи, тексты, однако конкретные народы, создавшие эти тексты, могут быть выделены либо чисто условно, либо гипотетически. То же самое мы видим и при реконструкции понятия «этнос». Мы можем хорошо знать предметы древнего быта из раскопок, знать фольклор, мифологию, структуру обрядов, их происхождение, но строго отнести те или иные вещи, предметы или виды обрядов к какому-то определенному этносу, племени не только эпохи неолита, но даже периода VII-XI вв. н. э. бывает невозможно. Вряд ли корректно применять этнические термины к племенам эпохи палеолита, мезолита и неолита.

В аспекте исторической диалектологии мы можем говорить только о том, что в ареале той или иной ИКЗ в определенную эпоху развиваются такие-то языковые признаки. Сумма этих признаков в границах ИКЗ и выделяет старый диалект. Так, например, ареальное членение диалектов лишь намечает пути становления диалекта, анализ его связей с другими диалектами, прокладывает пути к истории формирования диалекта.

Никакие археологические, этнографические или языковые факты нельзя привязать к племенам дописьменной поры, и, одновременно, ни один конкретный этнос нельзя

определить по отдельным признакам. Все это вновь ставит вопрос о необходимости выработки разных подходов и методов к определению понятия «этнос» в синхронии и диахронии.

Исследователь этногенетических проблем не занимается детальным изучением состава и структур той или иной культуры или языка. Ему должны быть известны все факты или большинство из них. Перед ним стоит качественно новая задача — анализ и синтез этих фактов в свете качественно особых задач и целей, стоящих перед ним.

Изучение типа языка, археологического или этнографического комплекса культуры — объект собственно археологических, этнографических, лингвистических исследований. Этногенез становится самостоятельным новым направлением только тогда, когда на основе творческого синтеза данных различных наук, сочетания разных методов исследователь получает новое знание о типе этноса как специфическом сочетании его признаков и характеристик во всей сложности их структуры.

Специфика этой книги состоит в том, что на ее страницах археолог, как правило, не превращается в лингвиста, а лингвист — в археолога или этнографа, что столь часто встречается в работах по этнической истории и этногенезу. В то же время всех авторов объединяет главное — историко-географическая, ареальная историко-культурная интерпретация фактов каждой из наук. Каждый очерк каждым автором строится преимущественно по материалам «своей» науки, и лишь в заключение каждого раздела делается попытка выявить некоторые реальные факты и ценности, объединяющие данные разных наук.

Конечно, подобные комплексные синтетические исследования и возможны только на основе обобщения фактов в отдельных науках, но при этом сами описания происхождения и истории явлений в каждой из наук должны быть заранее ориентированы на общие проблемы этногенеза, этнической истории и межэтнических контактов. Именно комплексные исследования, ориентированные на проблемы исторической географии и этногенеза, являются основой выявления и изучения ИКЗ.

ИКЗ как предмет исторической географии, как часть истории культурного ландшафта включает в себя историю населения, его этническую историю, историю появления вещей и предметов, взаимодействия человека и ландшафта в данном ареале и, едва ли не главное, — историю формирования народного знания, системы понятий и представлений.

Литература

- Герд 1993 — Герд А. С. Этногенез и историческая география // *Philologia slavica*. М., 1993.
Герд 1995 — Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций. СПб., 1995.
Гумилев 1989 — Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. JL, 1989.
Жекулин 1982 — Жекулин В. С. Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982.
Иванов 1998 — Иванов К. П. Проблемы этнической географии. СПб., 1998.
Исаченко 1998 — Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: История и ландшафт. СПб., 1998.
Кузнецов 1910 — Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910.
Лоуэнталь 1997 — Лоуэнталь Д. Культурные ландшафты // Курьер ЮНЕСКО. 1997. Сент.
Любавский 1909 — Любавский М. К Историческая география России в связи с ее колонизацией. М, 1909.
Основания регионалистики 1999 — Основания регионалистики / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999.
Середонин 1916 — Середонин С. М. Историческая география. Пг, 1916.
Славяне 1989 — Славяне: Этногенез и этническая история / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л., 1989.
Спицын 1917 — Спицын А. Л. Русская историческая география. Пг, 1917.

ДНЕПРО-ДВИНСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Финно-угорская языковая общность, наряду с индоевропейской, является одной из древнейших в Европе. Ее наследие, яркое и самобытное, уходит своими корнями в эпоху каменного века. Тысячелетиями финны прочно удерживали за собой некогда освоенные территории от Урала до Ботнического залива. О степени этой прочности можно судить по результатам изучения современной восточно-европейской гидрономии: в ней явно и недвусмысленно заявляет о себе мощный финский пласт, усвоенный позже славяно-русским населением. Готовность пришлых славян к восприятию местных названий рек, образов духовной и элементов материальной культуры сопровождалась, в свою очередь, неуклонной тенденцией к поглощению и культурной ассимиляции финского населения, к постепенному забвению многих самобытных черт автохтонов. Научное выявление, реконструкция и изучение таких утраченных явлений — дело благодарное не только для истории собственно финских племен, но и других восточноевропейских групп — балтов, славян. Таким, в полном смысле смежным, культурным образованием, давно забытым народной и исторической памятью является южное порубежье финского расселения. Его история в контексте этнокультурных процессов десной полосы Восточной Европы может представить определенный интерес.

О первых праславянско-финских территориальных контактах можно судить в весьма предположительной форме. Как известно, общеславянская лексика позволяет с некоторой вероятностью наметить географические рамки обитания некогда единого славянства. Удаленность от морских, высокогорных и степных пространств, с одной стороны, и органическая связь с неярким ландшафтом, насыщенным лесами, болотами, небольшими реками и т. д. — с другой, направляют внимание к лесной полосе Восточной Европы, точнее, к ее южной части от Западного Буга до Десны. Однако неопределенность северной границы этого пространства не позволяет более или менее точно установить степень ее сближенности с историческими районами обитания финнов. Отсутствие общеславянских заимствований из финского также как будто бы отчуждает территориально носителей обоих этносов в это время.

Общеизвестны и трудности использования историко-географических свидетельств о расселении славян и финнов в первых веках нашей эры. Туманным намеком на существование их контакта служат сообщения римского историка Тацита (I в. н. э.) о венетах, которые в целях грабежа рыщут по лесам и горам, «какие только не существуют» между певкинами и феннами. Избегая спорных вопросов этнического содержания термина «венеты» [Мачинский 1976; Щукин 1994], укажем, что под ним скрывается в широком значении группа восточных соседей германцев — «западных финнов, балто-славян, предков исторических славян и, возможно, некие этнические группы, близкие к балканским венетам и иллирийцам» [Мачинский 1976].

Традиционная локализация венетов в поречье Вислы, очевидно, ошибочна, так как противоречит сведениям римских историков о доминировании здесь преимущественно германоязычного лугийского союза племен. Территория венетов, таким образом, оказывается

за рамками основного бассейна Вислы, к востоку от него. На обобщающих картах Восточной Европы I в. н. э., представленных в работах Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина [Мачинский 1976; Щукин 1994], южные пределы обитания венетов приходятся на верховья Западного Буга и Днестра, где (на северо-восточных склонах Карпат) проживали певкины-бастарны. Северное пятно венетской территории ложится на поречье Припяти, междуречье Немана и правых притоков Днепра, а еще выше достигает бассейна Западной Двины. Где-то в этих пространствах проживали и ставаны (Птолемей II в. н. э.), наименование которых близко соответствует самоназванию славян. Признается, правда, что собственно историческая мотивировка северной (стыковой с феннами) границы венетов крайне слаба: теоретически этот рубеж может быть приурочен к обширным пространствам от западно-двинского бассейна до, возможно, Карелии и севернее от нее, где, как предполагается, мог появиться германоязычный этноним «фенни», прилагаемый первоначально к саамам-лопарям.

Гораздо отчетливее южная кайма финского пространства прочерчивается данными гидрономии, обобщенными в работе В. В. Седова [Седов 1970]. Она проходит преимущественно вдоль правобережья Западной Двины, охватывает истоки этой реки, а от верховьеволжских озер опускается к верховьям Оки. К югу от этой каймы — область плотного размещения балтской гидрономии. Спорадически финские названия рек встречаются и в Приднепровье, в частности, в междуречье Днепра и Западной Двины [Там же]. Еще южнее, в поречье верхнего и среднего Днепра, известны единичные названия рек, не исключаяющие их финскую этимологию (Ворскла, Воргол, Воробиса [Грубачев 1968]). Точно так же отдельные скопления балтских гидронимов фиксируются в южной части финского пространства. Время возникновения обоих гидронимических массивов, равно как и динамику их взаимодействия, исходя только из возможностей лингвистики определить затруднительно. И все же общеоисторические соображения допускают возможность их существования уже в I тыс. до н. э. и ранее.

Какую позицию в этом вопросе занимают синхронные материалы археологии? Для северных, северо-западных и северо-восточных частей Восточной Европы эпохи раннего металла и раннежелезного века (II-I тыс. до н. э.) характерны памятники с так называемой сетчатой (текстильной) керамикой, чья принадлежность к финно-угорскому миру не вызывает возражений. Судя по последней обобщающей карте этих древностей [Косменко 1996], их южная граница проходит по правобережью Западной Двины, затем через исток Днепра к верховьям Оки и Дона. В первой половине I тыс. до н. э. вплотную или внахлест к ним примыкает область культур раннего железного века Подвинья, Поднепровья и Поочья: днепро-двинская, верхнеокская, штрихованной керамики. Традиционно считается, что эти культуры принадлежат древнему балтийскому населению, что неоднократно обосновывалось (Лявданский, Третьяков, Седов, Шмидт). Изложенное выше (уточненное) понимание венетского пространства набрасывает, так сказать, «венетскую вуаль» на культуры I—II вв. н. э. днепровского правобережья и Подвинья — штрихованной керамики и западной части днепро-двинской — и переводит контакт археологических культур западно-двинского бассейна в плоскость венето-финского взаимодействия. По заключению белорусского археолога В. И. Шадыро, «до сих пор не установлено, кому принадлежали в раннем железном веке бассейны рек Ловати и верхнего течения Западной Двины — балтам или финно-угорским племенам;... На городищах этой территории... в нижних горизонтах встречена сетчатая керамика... Это обстоятельство свидетельствует о том, что в I тыс. до н. э. определенное культурное влияние на балтоязычное население Полоцко-Витебского Подвинья действительно оказывали финно-угры. Однако из-за отсутствия данных *определить границу данных этносов* [выделено мной. — Авт.] в изучаемое время затруднительно» [Шадыро 1985].

Около рубежа нашей эры в Волго-Окское междуречье проникают балтийские днепродвинские племена, что приводит к формированию здесь позднедьяковской культуры со смешанным населением [Третьяков 1966; Шмидт 1992].

Эти и другие исторические события, просматриваемые сквозь призму археологических источников I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э., судя по всему, не приводили к кардинальной перестройке балто-финского порубежья, но вписались в более или менее широкую полосу, ограниченную северными и северо-восточными пределами балтийской гидронимии и южными пределами финской. В поддержку сказанному напомним поддающиеся географической локализации уникальные сведения Иордана, восходящие к 50-70-м гг. IV в. н. э., о размещении финских (меря, мордва, мешера?) и балтийских (колдас=голядь) группировок (последняя находит свой археологический эквивалент в виде мощинской культуры Верхнего Поочья) в Волго-Окском междуречье [Иордан 1960; Седов 1982].

Итак, судя по материалам гидронимии и археологии, генеральное направление южного рубежа древнего финского пространства в центральной части Восточной Европы соответствовало преимущественно правобережному бассейну Западной Двины, верховьям и водораздельным частям Западной Двины, Днепра и Волги, включая Верхнее Поочье выше истока. Опираясь на возможности археологии, возникновение этого рубежа можно отнести к эпохе раннего металла (II тыс. до н. э.) или, как минимум, к раннему железному веку (начало I тыс. до н. э.).

Впрочем, в историко-культурной ретроспекции было бы преждевременно настаивать на безусловной изначальности как самой географии рубежа, так и его хронологии. Взвешенность и осторожность в решении этого вопроса вызвана необходимостью оценки того обширного археологического ареала эпохи, неолита (III тыс. до н. э.), который характеризуется памятниками с так называемой ямочно-гребенчатой керамикой с ее многочисленными локально-хронологическими и типологическими вариантами, известными в разных частях лесной зоны Восточной Европы, включая ее южные районы. Гипотеза о наполнении этого ареала или его части финским (протофинским) населением была выдвинута еще в 1950-х гг. [Янитс 1956; Моора 1956] и по-прежнему остается актуальной. Если эта гипотеза получит дополнительные обоснования, то означенный выше южный (Западная Двина) финский рубеж надо будет рассматривать как образование вторичное — хронологически более молодое, а территориально более сжатое, сдвинутое к северу.

Реальное соприкосновение славянских и финских групп населения наблюдается в эпоху восточно-славянского расселения VIII-X вв. Согласно непротиворечивым описаниям древнерусских группировок в Повести временных лет, славяне достаточно широко освоили разветвленный верхнеднепровский бассейн, а также, судя по всему, Верхнее и отчасти Среднее Поочье, Среднее Подвинье и Приильменье. Плотность славянского заселения этой области Восточной Европы не стоит преувеличивать: физико-географические условия лесной зоны (наличие обширных болот и труднопроходимых лесных массивов) создавали достаточно широкие незаселенные пограничные пространства. Важно и другое обстоятельство — освоение территории сопровождалось теми или иными формами контакта с местным (дославянским) населением, которое не только предположительно (усвоение новым населением прежних названий рек, восприятие древней этнонимической традиции), но и фактически (голядь русской летописи) могло сохранять островки своих поселений. Все это создавало благоприятный плацдарм для последующей внутренней колонизации.

Общая география финских племен Северо-Запада накануне и в начальный период славянского расселения восстанавливается с опорой на данные Повести временных лет, лингвистики и более поздние письменные свидетельства. На западе места финских поселений прочно связаны с побережьем Балтийского моря, Финского залива и балтийской озерно-

речной системой, этнически — с ливами, эстами, водью, ижорой, корелой, весью. На востоке финские поселения занимали Верхнее Поволжье, Волго-Окское междуречье, Среднюю Оку. Этнически это территория меры, мордвы, мещеры. Одна из последних сводных карт финских племен средневековья была опубликована в 1987 г. [Финно-угры... 1987]. На ней контуры финских земель зрительно напоминают дугу, опирающуюся на западе на побережье Рижского залива и низовья Даугавы, на востоке — на Среднее и Нижнее Поочье; верхняя точка дуги приходится на Приладожье. Внутри дуги к северу от линии Западная Двина-Ока уже доминирует славяно-русское население (исключение составляет западный участок, где славяне отделены от ливов пятном латгальских земель). Эпицентр дуги соответствует положению оз. Ильмень. Данная карта составлена по разнородным и разновременным материалам и явно отражает сравнительно позднюю и, в известной степени, итоговую ситуацию применительно как к масштабам финского и славяно-русского расселения, так и, соответственно, к границам контакта. Карта статична и не претендует на раскрытие динамики пространственных этнических взаимосвязей.

Все же нетрудно заметить, что основная часть восточного славянства в начальный период расселения как бы временно задерживается на линии Западная Двина-Верхний Днепр-Ока, маркированной привязками полочан, кривичей и вятичей. Единственная группировка, резко обособившаяся от основного славянского массива и ушедшая значительно севернее, — словене новгородские. Почти двухсоткилометровое пространство от Западной Двины до Ильменя, хорошо известное летописцу как ловатский участок Пути из Варяг в Греки, тем не менее не имеет в летописи приписки к той или иной этнической группе. Оказавшись в чуждой финноязычной среде, ильменские словене удерживают за собой собирательный этноним. С утверждением столицы Северной Руси в Новгороде, развитием старых и формированием новых городских центров (Ладога, Псков) начинается широкое освоение чудских земель и культурный «диалог» между славяно-русским и финским населением.

По-видимому, сходная картина наблюдалась в Волго-Окском междуречье в отношениях между славянами-вятичами, появившимися здесь из смоленского Поднепровья кривичами, а из Приильмения — словенами и местным меряно-мордовским населением.

Ограниченность информации, вытекающей из средневековых письменных источников, может быть компенсирована материалами археологии X-XII вв. с их сравнительно узкой абсолютной хронологией, точной географической привязкой и достаточно надежной этнической диагностикой. При всей историко-культурной емкости результатов исследований по славяно-финской тематике, обратим внимание лишь на один аспект — территориальное проявление элементов материальной культуры и погребальной традиции финнов в средневековых славяно-русских памятниках Восточной Европы [Рябинин 1979]. К ним обычно относятся меридиональная (северная или южная) ориентировка покойного в подкурганых захоронениях и различного рода шумящие подвески, найденные на поселениях и в погребениях. Находки такого рода известны на территории, которая шире финской дуги, очерчиваемой письменными источниками. Это будут районы Псковско-Ильменского междуречья, верховьев Волги, начиная с ее истока, Волго-Мстинского междуречья, водораздела верховий Днепра (Десны) и Оки (Угры), Днепро-Двинского междуречья, полоцкого Подвинья. Южнее те же элементы встречаются спорадически (Посожье, могилевское Поднепровье, Центральная Белорусия). Уверенно считается, что скопления памятников с характерными элементами выше линии Западная Двина-Ока оставлены либо финно-угорским, либо смешанным славяно-финским населением.

Но и эта карта далеко не исчерпывающая: она, как замечает Е. А. Рябинин, может отражать неравномерность археологического изучения территории; и все же, продолжает автор, карта фиксирует ту ситуацию, которая сложилась в землях Северной Руси в ходе славянской колонизации. Ряд финно-угорских племен, заселявших, в частности, южные районы Новгородско-Псковской земли, *«уже был почти полностью ассимилирован и утратил свои этнические особенности»* [выделено мной. —Авт.] [Рябинин 1979]. Мозаика этнокультурных ареалов на археологической карте Северо-Запада как раз и отражает, дополняя материалы письменных источников, динамику ассимиляционного процесса. Неотчетливая полоса славяно-финского контакта в эпоху Древней Руси несомненно была подвижной, неуклонно смещаясь от юга к периферийным северным районам.

Суммируя краткий обзор истории южных рубежей финно-угорской общности в пределах центральных областей Восточной Европы[^] подведем некоторые итоги.

1. Предполагаемые археологами географический ареал и этническое определение круга древностей с характерной ямочно-гребенчатой керамикой намечают южные пределы лесной зоны Восточной Европы как места обитания протофинской общности в эпоху неолита (III тыс. до н. э.).

2. С начала I тыс. до н. э. и в течение последующего тысячелетия зоной контакта финского и балтийского населения явился занадновинский бассейн.

Если о внутреннем — культурном или диалектном — членении финского пространства, примыкающего к рубежу, судить преждевременно, то внутреннее балтийское пространство заметно неоднородно: здесь появляются два «шва» — один в Волго-Окском междуречье в направлении Угра-исток Двины (граница днепро-двинской и верхнеокской культур), второй пересекает Западную Двину ниже Полоцка (западная граница днепро-двинской культуры).

3. В I—II вв. н. э. к западным частям рубежа (теоретически западнее Витебска) приближаются или начинают с ними соприкасаться группы населения, включающие, в том числе, предков исторического славянства. Контакт не был прочным и продолжительным. События в Восточной Европе, в частности, связанные с эпохой Великого переселения народов, нередко опосредованно затрагивали рубеж, не нарушая, однако, серьезным образом его географию и status quo.

4. Период V-VII вв. при сохранении сравнительной стабильности северного рубежа балтийской культуры Тушемля-Банцеровщина южная граница финского пространства выступает, как может показаться, неотчетливо, возможно, в силу слабой археологической изученности памятников этого времени. Возможно, однако, речь должна идти о другом — об этнической диагностике населения, оставившего культуру псковских длинных курганов. Она как раз и стыкуется с культурой Тушемля-Банцеровщина все по тому же интересующему нас рубежу. В. В. Седов приписывает псковские курганы кривичам, пришедшим сюда из Повисленья [Седов 1970]. Все же предпочтительнее выглядит гипотеза Г. С. Лебедева о чудской финской принадлежности этих древностей [Булкин и др. 1978]. Продолжается обоюдный контакт на западных (низовья Западной Двины) и восточных (Волго-Окско-Днепровское междуречье) флангах общего рубежа. Его результатом явилось в первом случае поглощение балтов в процессе формирования финской культуры ливов, во втором, наоборот, — утверждение балтийской (позднediaковской) культуры.

5. VIII-X вв. — начало глобального переоформления (сначала разрыва, а затем в X-XIII вв. постепенного стирания) прежнего этнокультурного рубежа. В его западных частях (поречье Даугавы, исключая низовья) оформляется латгальская культура балтов, которая постепенно распространяется на север в сторону эстов. В восточной части расширяется «шов» между кривическим населением Верхнего Днепра и населением Поочья, образуя

своеобразный коридор в направлении от Окско-Деснинского междуречья в сторону верхововолжских озер. Можно полагать, что подобные разрывы способствовали проникновению славянского населения в глубины территории Северо-Запада. Расширение славяно-русского пространства за счет поглощения финского проходило энергичнее всего в центральных землях Новгородчины и Волго-Окском междуречье, затем охватило и более отдаленные районы Русского Севера. Путь из Варяг в Греки (через смоленско-витебские земли) — новый шов, новый коридор.

6. История южно-финского рубежа не закончилась с прекращением доминирования здесь финского населения. Его прежняя почти двухтысячелетняя функция — быть пограничьем этнических массивов — начинает приобретать новые качества. Именно вдоль этого рубежа в XI-XII вв. складывается новая административно-политическая граница между Новгородской и Смоленско-Полоцкими землями. Вместе с тем, начиная с XV-XVI вв., этническое содержание рубежа вновь напоминает о себе, реализуясь в формирующемся северном контуре (Краслава-истоки Великой-верховья Ловати-верхневолжские озера) белорусского языка и народности. В дальнейшем тесное переплетение этнических и политических мотиваций нередко приводило к смене функций отдельных участков общего рубежа. Так, расширение Московии во второй половине XVII в. привело к выделению Смоленщины из общеполитического языкового массива и административно-политическому включению ее в состав России. Уже на наших глазах этническая северная граница Беларуси, будучи в 70-х гг. административной республиканской, в начале 90-х становится государственно-политической. Как видно, при всей изменчивости содержания, эта граница по-прежнему сохраняет свой первобытный географический контур.

Литература

- Булкин и др. 1978 — Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Я, 1978.
- Иордан 1960 — Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1960
- Косменко 1996 — Косменко М. Г. Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Мачинский 1976 — Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Л., 1976.
- Моора 1956 — Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Рябинин 1979 — Рябинин Е. А. Чудские племена древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Седов 1970 — Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подаянья // МИА. № 163. М., 1970.
- Седов 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1981.
- Третьяков 1966 — Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л, 1966.
- Трубачев 1968 — Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.
- Финно-угры ... 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1987.
- Шадыро 1985 — Шадыро В. И. Ранний железный век северной Белоруски. Минск, 1985.
- Шмидт 1992 — Шмидт Е. А. Племена верхнего Днестра до образования древнерусского государства. М., 1992.
- Щукин 1994 — Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Янитс 1956 — Янитс Л. Ю. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

ВЕРХНЯЯ РУСЬ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Основные этапы формирования (V-XV вв.)

«Верхняя Русь» (по терминологии, реконструированной В. Т. Пашуто на основе летописных данных [Пашуто 1970! С. 51-61]) по данным летописей может быть определена как «Русь Рюрика». Летописное предание достаточно отчетливо зафиксировало ее административные границы и центры: от эмбрионального объединения со столицей в Ладоге и затем стабилизацией политического пространства с центром в Новгороде, до Изборска и Белозерска; последующее расширение, включившее в нее на западе Полоцк, а на востоке — Ростов Великий. Внутренняя целостность этого пространства прослеживается и в объединенном Древнерусском государстве. Во всяком случае, политические тенденции, проявившиеся при Рюрике (862-879), получили непосредственное продолжение и окончательное закрепление в 1020-1030 гг. с основанием Ярославом Мудрым двух новых, пограничных городов Верхней Руси — Ярославля на Волге и Юрьева (Дерпт, Тарту) в Западном Причудье.

Русь Рюрика — это прежде всего зона раннего и стабильного взаимодействия славян (словен и кривичей) с финскими племенами лесной зоны Восточной Европы (чудь, меря, весь), а равным образом тех и других — с варягами (скандинавами). Динамизм внешних сношений проявился, с одной стороны, в распространении скандинавского «импорта» VI-XI вв. (в различных проявлениях — от украшений и оружия до ремесленных технологий и погребальных обрядов), характерного для всей рассматриваемой, своеобразной историко-культурной зоны, с другой — в происходившей в конце VIII-начале IX в. энергичной «переориентации» потока арабского монетного серебра, поступавшего в этот период из Халифата в обмен на пушнину и другие (в основном сырьевые или транзитные) товары с Волго-Камского и Волго-Окского речных путей на Волго-Балтийский [Носов 1976].

В ранней истории Верхней Руси, Руси Рюрика, в середине X в. «Внешняя Россия», или εζω "Ρωσία Константина Багрянородного [Константин 1989] представляет особый этап. Эта историко-географическая общность послужила основой формирования Новгородской земли XI-XV вв. и объединила первоначальные «племенные» земли словен ильменских, кривичей, мери, веси, чуди, описываемые во вступном тексте Повести временных лет. В начале основной, датированной части текста летописи, эта обширная зона северного «союза племен» выступает ареной первых славяно-финско-скандинавских контактов середины IX в. (варяжская дань, изгнание варягов, призвание варяжских князей). С момента «призвания» Рюрика (862 г.) и до похода Олега Вещего (882 г.) она выступает как целостное политическое образование, возглавляемое князем Рюриком и его ближайшими преемниками. Во второй половине X в. эта начальная, архаическая целостность исчезает: наряду с центральной областью, связанной с Новгородом, самостоятельными путями идет развитие территорий, связанных с периферийными центрами, и в результате эволюции развивающихся ИКЗ на основе Руси Рюрика в XI-XII вв. формируются раннегосударственные территории Новгородской, Псковской, а в значительной мере также Полоцкой (Смоленско-Полоцкой) и Ростово-Суздальской земель [Лебедев 1977], а по северо-западной периферии Новгородской земли оформляются племенные территории (земли) финских народностей — «федератов» Господина Великого Новгорода: ижоры, корелы, води (Ижорская, Корельская, Водская земля).

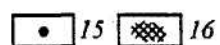
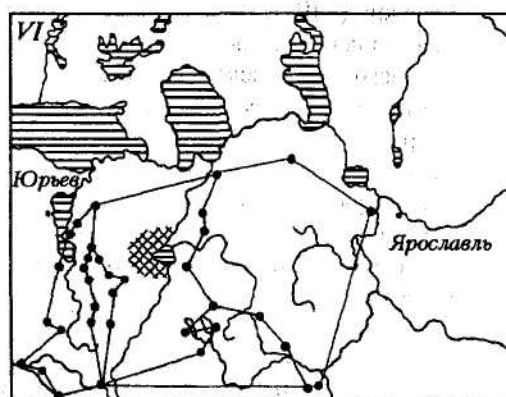
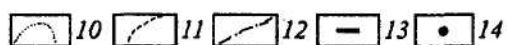
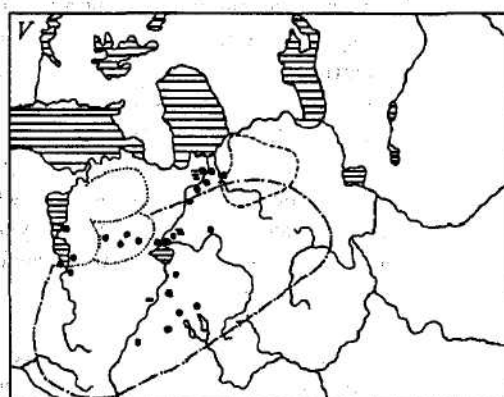
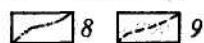
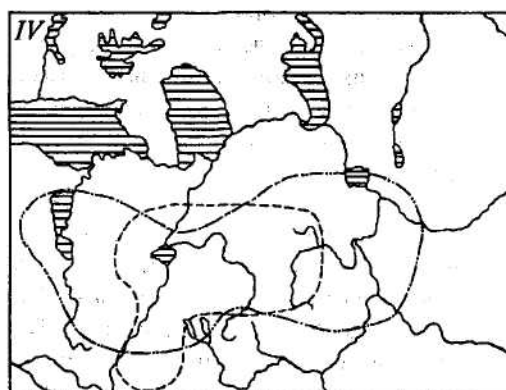
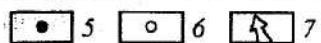
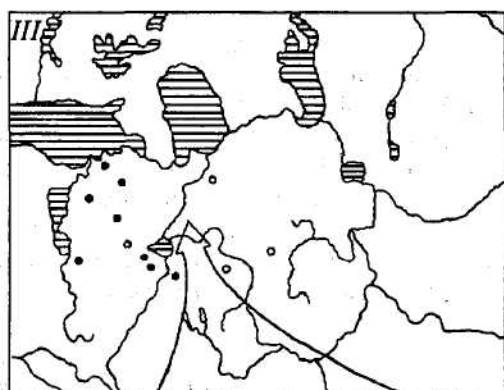
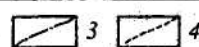
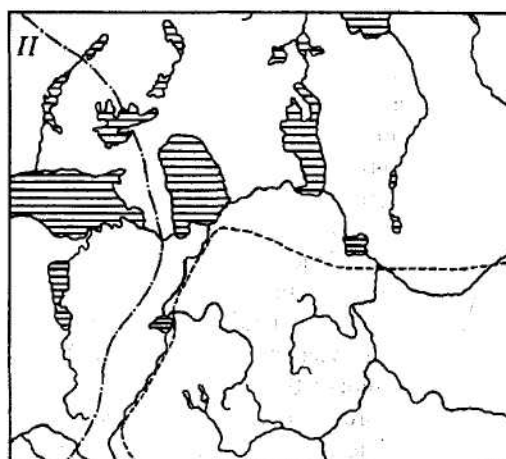
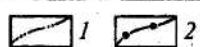
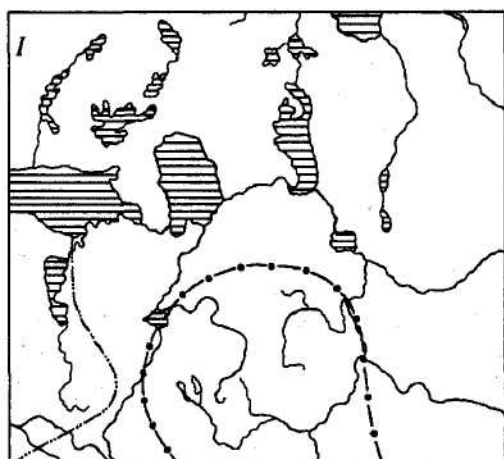
Первоначально структура территории Верхней Руси, по-видимому, полностью охватывала зону взаимодействия восточных славян с финнами (а частично и с верхнеднепровскими балтами, или «балто-славянами» — кривичами) к северу от Даугавы — Западной Двины и Оки и до акваторий Онеги-Ладоги-Финского залива. Территориальная структура определялась расположением древнейших политических центров вдоль ведущих речных коммуникаций: Ладога и Новгород — на Волхове, Изборск и Псков, а затем Юрьев — на трассе Нарова-Чудское-Псковское озера-Великая и в целом Причудье; Белоозеро, Ростов, Муром (а на заключительном этапе — Ярославль) на Балтийско-Волжском речном пути, Полоцк и Витебск на Двине, Смоленск на Верхнем Днепре. Летописные сведения позволяют наметить определенную иерархию или, по крайней мере, последовательность вовлечения в политическое единство этих центров: Ладога (862-864 гг.), Изборск, Белоозеро (с 862 г.), Новгород (864 г.), Ростов, Муром, Полоцк (после 864 г.), Смоленск (882 г.), Псков (907 г.), Витебск, Юрьев на Омовже у Чудского озера, Ярославль на Волге (до 1030 г.) (рис. 1).

Ядро территории Руси Рюрика образуют земли современной Ленинградской, Новгородской и Псковской областей Российской Федерации, сохранившие черты внутрирегионального членения по субрегионам, восходящие к летописным временам [Лебедев 1977]. Группировка этих субрегионов в иерархическом порядке заставляет последовательно разделить исторический регион Верхней Руси, рассматриваемый как «макроИКЗ», на соподчиненные ИКЗ, тяготеющие к собственным центрам региона и субрегионов. Ладога (современная Старая Ладога) стягивает в единое целое эти субрегионы, развернувшиеся вокруг Ладожского озера (летописное «озеро Нево»): Карельский перешеек (первичные племенные земли корелы), бассейн Невы и южное побережье Финского залива (ижора), понизовье Луги — Наровы (воть), заселенные прибалтийско-финскими племенами; Южное Приладожье в летописную эпоху, видимо, занимали в западной части (междуречье Сяси-Паши-Ояти) засвидетельствованные отечественными и иноземными письменными источниками «колбяги», таинственный плод финно-скандинавского синтеза [Мачинский 1989]; на востоке это «метисированное» население граничило с весью. Расселение славян прослеживается на ранней племенной территории словен в Западном Приильменье и по Волхову, вплоть до Ладоги, от Ильменя — на Верхнее Полужье и далее на Ижорское плато (до XI в. включительно, вероятно, слабозаселенное, а в дальнейшем занятое, скорее всего, в основном славянским земледельческим населением), в низовья Великой, вероятно с дальнейшим подтягиванием новых групп населения через бассейны Плюссы и Шелони. В восточном направлении ранее всего славянами осваивается Помостье, в южном — Южное Приильменье, бассейны Ловати и Куньи [Лебедев 1982; 1985; Конецкий 1989].

Археологические проявления Руси Рюрика устанавливаются сейчас вполне надежно (см. рис. 1). Традиция исследования этого региона развивается (причем именно начиная с Ладоги) около трехсот лет, буквально с первых шагов отечественной археологии [Лебе-

Рис 1. Этапы формирования Верхней Руси и культурная стратиграфия Северо-Запада Европейской части России с древнейших времен до средневековья (Русь Рюрика).

I. Неолит: 1 — нарвская культура, 2 — верхневолжская культура; II. Эпоха бронзы: 3 — культура прибалтийских ладьевидных топоров, 4 — фатьяновская культура; III. Ранний железный век: 5 — каменные могильники, 6 — «грунтовые могильники с сожжениями» [Седов 1974], 7 — пограничная незаселенная зона; IV. Поздний железный век: 8 — ареал псково-боровичских длинных курганов, Р — ареал традиции сопков; V. Древнерусская эпоха: 10 — курганы Ижорского плато, 11 — курганы Южного Приладожья, 12 — жалники, 13 — грунтовые могильники, 14 — городища; VI. Данные топонимии: 15 — границы, восстанавливаемые по термину «Межа, Рубеж» [Алексеев 1968], 16 — основной ареал раннеславянских топонимов на -гост, -гощ [Микляев 1981].

дев 1993]. Современный этап исследования начался во второй половине 1960-х, с планомерного возобновления работ в Старой Ладоге и открытия Гнездовского поселения под Смоленском [Корзухина, Давидан 1969; Ляпушкин 1968; 1971]. В течение следующих тридцати лет сформировались качественно новые представления о структуре, масштабах, хронологии, динамике развития этих ведущих раннегородских центров [Лебедев 1982; Кирпичников и др. 1986; Авдусин 1991; Мельникова и др. 1984]. Что касается Ладоги (как и Гнездова), то наибольшее внимание привлекали вопросы времени и характера появления в этом древнем центре славян и скандинавов, относящегося, по новейшим археологическим данным, в Ладогe — к середине VIII в. [Кирпичников, Сарабьянов 1996]. Самые последние по времени открытия Е. А. Рябикина на расположенном в двух километрах севернее Старой Ладоги, на противоположном правом берегу Волхова городище Любша, позволяют датировать появление славян (словен?) на этом поселении временем с последней четверти VII до середины VIII в. Это позволяет в поселениях Нижнего Поволжья усматривать памятники начального этапа славянского расселения (VIII-IX вв.), значительно полнее представленного в Западном Приильменье. Именно здесь, в верхнем бассейне Волхова, в результате систематических раскопок Е. Н. Носова на Рюриковом городище и исследований в Ильменском Поозерье были определены важнейшие фазы формирования во второй половине DC- первой половине X в. градообразования племенного и политического центра словен, собственно Новгорода [Носов 1990].

Поздний железный век (середина-конец I тыс. н. э.) характеризуется бурными этническими процессами, вызванными к жизни миграциями римского времени и эпохи Великого переселения народов (I-IV, V-VI вв.). К третьей четверти I тыс. стабилизируется этнокультурная ситуация, отобразившая эти перемещения (рис. 2-4). Сохранила свою стабильность сложившаяся в предшествующие века прибалтийско-финская ИКЗ вокруг Финского залива; от низовьев Даугавы до Юго-Западной Финляндии распространены близкие в культурном отношении каменные могильники и другие памятники финско-эстонских племен. В то же время установившаяся в более ранние эпохи «этническая граница» между балтами и прибалтийскими финнами по Двине была разрушена Между Даугавой, и Псковско-Чудским озером и р. Великая расположился ареал грунтовых латгальских могильников, оставленных балтским племенем. Подобные же племенные культуры балтов (куршей, литовцев-аукшайтов, жемайтов, пруссов и т.д.) формируются в пределах всего языкового ареала летто-литовских народов Прибалтики от Даугавы до Вислы. С востока, в Верхнем Поднепровье и Подвинье, складывается культура смоленско-полоцких длинных курганов (Vni-DC вв.), возникшая на основе синтеза предшествующей городищенской тушемлинской культуры, восточно-литовских курганов, а возможно, при воздействии славянской роменско-боршевской культуры и отождествляемая с племенем кривичей [Шмидт 1968]. Северная часть ареала «длинных курганов» занята самостоятельной группой, которую все чаще выделяют в особую культуру псковских (псковско-новгородских, псковско-вологодских, псковско-боровичских) длинных курганов [Мачинский 1986]. Их распространение прослежено от Мологи (на востоке) до западного побережья Чудского озера. Время появления длинных курганов сейчас можно отнести к началу V в., судя по находкам «позднеримской эпохи» в Турово на р. Оредеж, бассейне р. Луга (однолезвийный меч вестготско-римского типа) и синхронных вещей в других курганах (рис. 5-7) [Каргопольцев].

Верхняя Русь — зона распространения и взаимодействия стабильных и своеобразных погребальных традиций V-IX вв., прежде всего северных псковско-вологодских (точнее, боровичских) длинных курганов (со все более отчетливо выявляющейся местной «чудской»

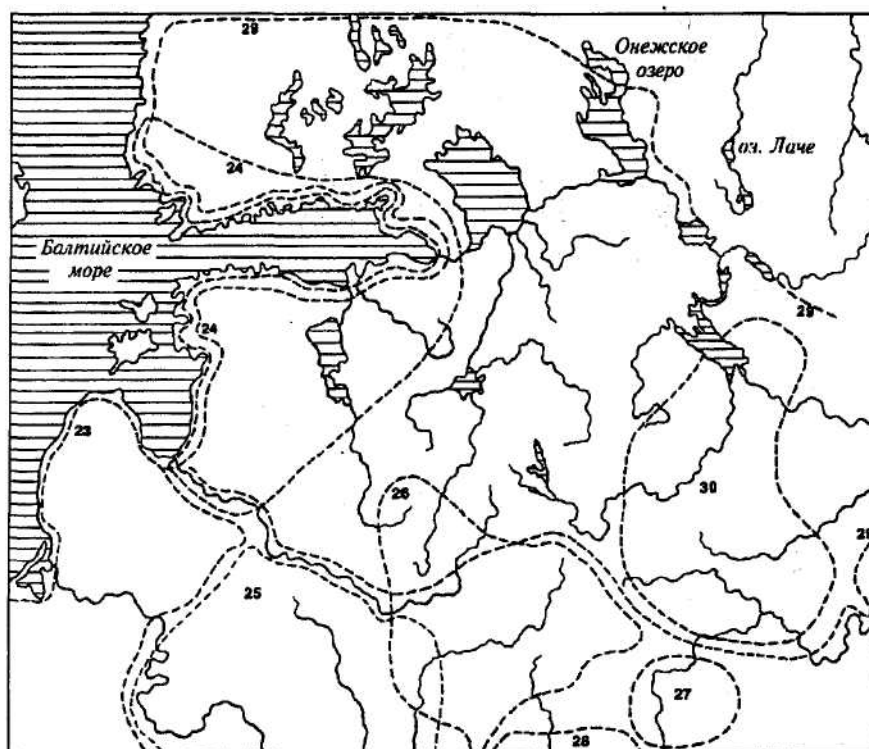

Рис. 2. Ареалы распространения археологических культур железного века (I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.) (по данным [Герд, Лебедев 1991]).

23 — группы могильников, восходящие к «балтийским курганам» Юго-Восточной Балтики (Самбии); 24 — таранды («каменные могильники»); 25 — штрихованная керамика; 26 — днепровская (тушемлинская) культура; 27 — верхнеокская; 28 — юхновская; 29 — ареал текстильной керамики; 30 — дяковская культура.

этнокультурной подосновой и архаическим аграрным укладом «лесного» подсечного земледелия). В культуре псковско-боровичских длинных курганов ощутим, главным образом, прибалтийско-финский компонент, а датируется она более ранним временем, чем соседствующие или сменяющие ее на этой территории памятники «традиции сопок» (V-VII вв.). Ряд исследователей связывает эти северные длинные курганы с летописной «чудью» или, во всяком случае, финноязычным населением, племенное самоназвание которого, может быть, следует реконструировать как «выра» (ср. *хт. Viramaa* — «восточная земля» и топонимы типа Выра, Вырица по границе ареала) [Седов 1974; Лаул 1975; Лебедев 1977; Булкин и др. 1978; Конецкий 1987]. В северо-западной части Новгородской земли, по верховьям Луги, Плюссы, побережья Чудского и Псковского озер ареал «северных длинных курганов», по Е. А. Рябину, занимает обширную промежуточную зону между ареалами сопок и формирующимися позднее средневековыми курганными массивами Ижорского плато и Гдовского Причудья, обильно насыщенными «пережиточными» финно-угорскими элементами [Рябинин 1997. С. 17, рисунок, карта]. Показательно, что конечные точки условной изолинии, которая может ограничивать эту зону распространения длинных

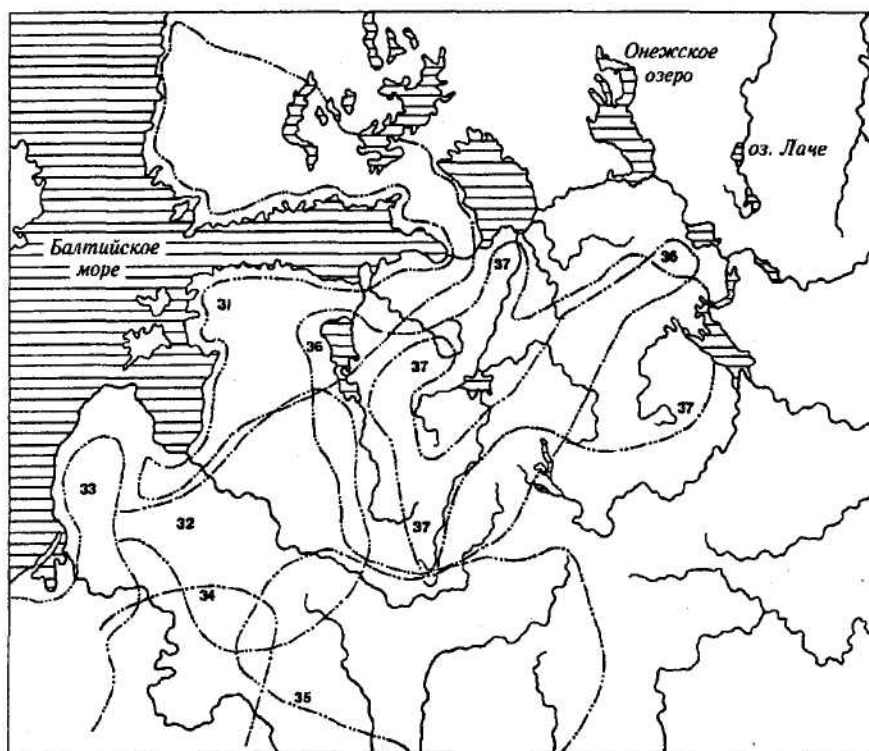

Рис. 3. Карта заселения Северо-Запада в позднем железном веке (сер.-конец I тыс. н. э.) (по данным [Герд, Лебедев 1991]).

31 — финсио-эсто-ливские могильники, 32 — латгальские могильники, 33 — могильники куршей и других балтских племен морского побережья, 34 — восточнолитовские курганы, 35 — смоленско-полоцкие длинные курганы, 36 — псково-боровичские длинные курганы, 37 — сопки.

курганов, маркированы «славянской» топонимией: Славенское поле — на юго-западе, в Изборске, р. Славянка — на северо-востоке, в бассейне Невы (рис. 8). Длинные курганы, в таком случае, могут быть соотнесены и с наиболее ранней ступенью славяно-финского взаимодействия, по отношению к которой одну из следующих представляют средневековые курганные древности Водской пятины Великого Новгорода.

Ареал псковско-боровичских длинных курганов очерчивает, кроме того, не объясненное, но вполне определенное пустое пространство в Южном Приильменье, в бассейне Ловати и Шелони, что, скорее всего, связано с ландшафтно-хозяйственным фактором [Долуханов, Носов 1985]. В целом же он, включая это «пустое пространство», почти полностью, за исключением северо-западной его части, перекрыт ареалом «новгородских сопкок» VDI-X вв. Следует отметить, что очерченная этими памятниками общность (исключая Верхневолжье) заняла и обширную территорию, выступавшую как незаселенная «ничейная земля» на начальном этапе освоения человеком этой части Восточной Европы (см. рис. 1, IV), а «ось север-юг» ареала сопкок проходит точно по линии Волхов-Ловагъ, на протяжении веков служившей довольно устойчивой этнокультурной границей [Лебедев 1982]. Возможно,

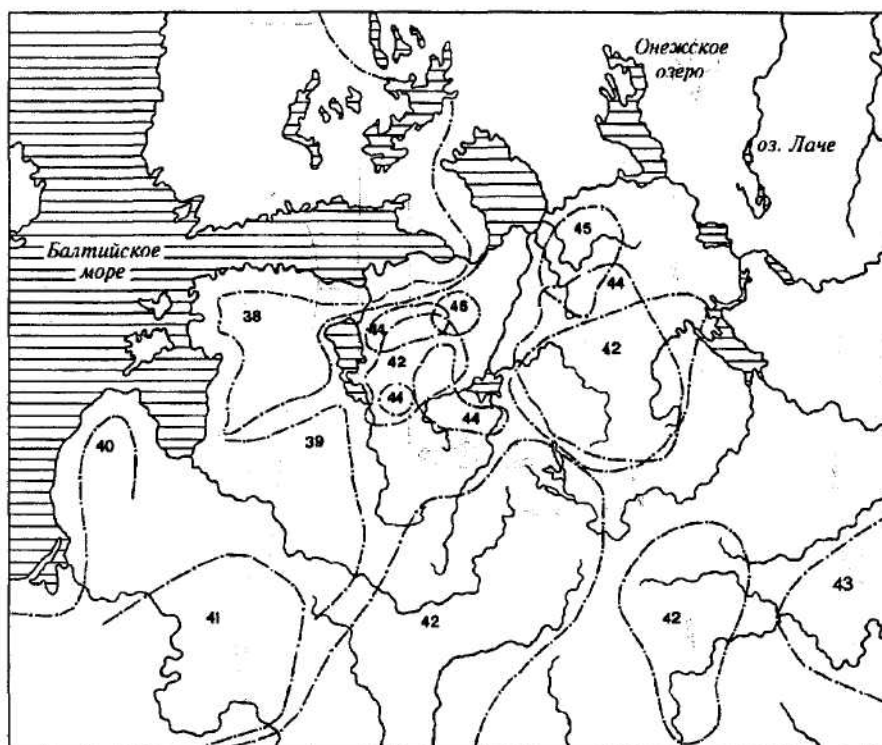

Рис 4. Карта заселения Северо-Запада в древнерусскую эпоху (IX-XIV вв.)
(по данным [Герд, Лебедев 1991]).

38 — финско-эсто-ливские могильники, 39 — латгальские могильники, 40 — куршские могильники, 41 — восточнолитовские курганы, 42 — славянские курганы с сожжениями, 43 — окские могильники волжско-финских племен, 44 — жальники, 45 — курганы Южного Приладожья, 46 — курганы Ижорского плато.

продвижение в это пространство новых групп населения из района Верхневолжья было одним из наиболее значимых эпизодов интенсивного использования древнего «Серегерьского пути», устойчивой транзитно-пограничной зоны, охватывавшей обширную полосу бассейна Верхней Волги-оз. Селигер-Приильменья, которая на протяжении веков служила трассой медленных и массовых миграций древних племен [Герд и др. 1999].

Ареал «традиции сопок» охватывает центральную территорию Верхней Руси, включая Южное, Восточное и, видимо, Западное Приильменье, бассейны Волхова, Меты, Ловати, Шелони и Луги, заходя в южную окраину Приладожья (до средней Сяси) и на Псковщину [Седов 1970]. В этнокультурном аспекте эти памятники сопоставляются прежде всего со словенскими ильменскими, но в культурно-генетическом, видимо, представляют собой плод раннего скандо-славянского взаимодействия погребальных и других культурных традиций.

Ладога, один из наиболее заметных и, видимо, ранних и значительных центров этой традиции, также наиболее вероятное место первоначального скандо-славянского взаимодействия со второй половины VIII в. (рис. 9, 10), если не с предшествующего сопкам времени конца VII-начала VIII в. (судя по материалам городища Любша). Материал наиболее массовых находок на Земляном городище Старой Ладоги, лепной и раннегончарной

Рис. 5. Находки рубежа римского времени — эпохи Великого переселения народов (V-VI вв.).

1 — меч из Турово, 2 — сосуд штрихованной керамики с о. Тютерс, 3 — серебряная фибула с о. Тютерс.

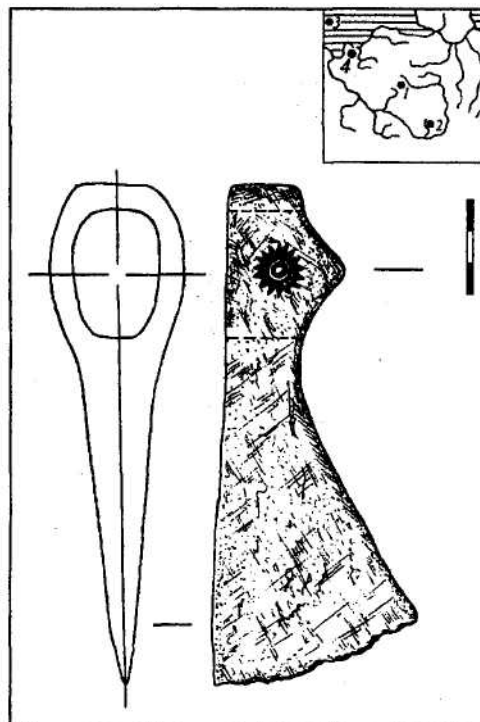

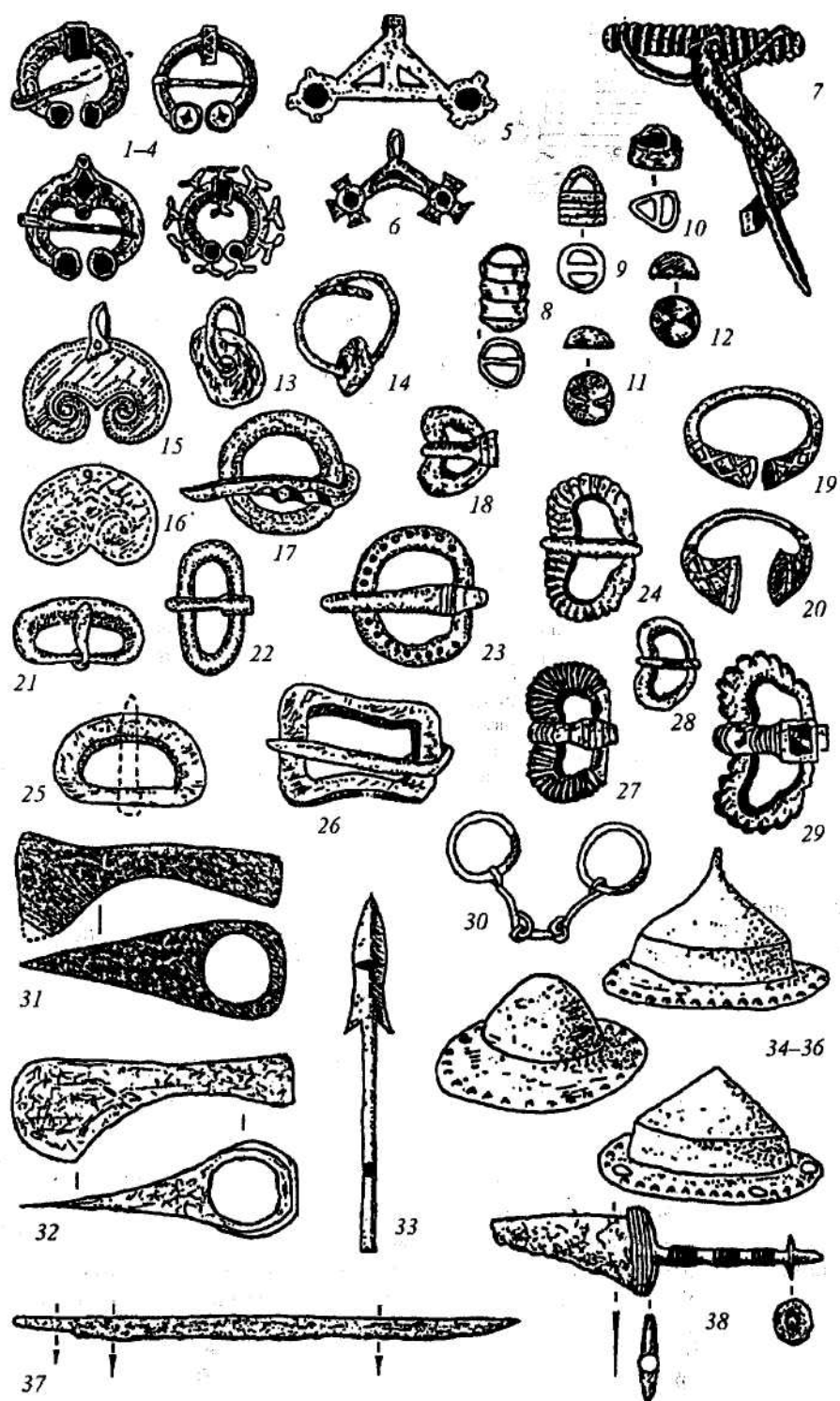
Рис. 6. Топор из Глумил (на врезке места находок римского времени — эпохи Великого переселения народов).

1 — Глумицы, 2 — Турово, 3 — о. Тютерс, 4 — Курголово.

керамики, позволяет выделить формы различного этнокультурного происхождения: среди них высокие горшки «стройных пропорций», тип Ф1 [Сениченкова 1998], характерный для широкого круга раннеславянских поселений Верхней Руси, с аналогиями в славянских землях Западной Балтики; слабопрофилированная посуда, типичная для «северных длинных курганов»; сосуды, характерные для «смоленских длинных курганов»; финские и эстонские формы (рис. 11).. Керамический комплекс позволяет судить, с одной стороны, о начальной

Рис. 7. Находки римского времени из длинных курганов и синхронных им археологических комплексов Северо-Запада России (по данным [Каргопольцев]).

Украшения: 1-4 — подковообразные фибулы с выемчатыми эмальями; 5, 6 — подвески-лунницы с выемчатыми эмальями; 7 — арбалетная фибула; 8-10 — ведровидные подвески; 11, 12 — бляшки-скорлупки; 13, 14 — проволочные височные (?) кольца и серьги с синими стеклянными бусами; 15, 16 — пельтовидные лунницы; 19, 20 — цельнолитые браслеты с расширенными концами. *Поясная гарнитура:* 17, 23 — круглые и калачевидные пряжки; 18, 28 — гладкорамчатые В-образные пряжки; 21, 22 — овальные пряжки; 24, 27, 29 — рифленые В-образные пряжки; 25 — D-образные пряжки; 26 — пряжки с четырехугольной рамкой. *Сбруя:* 30 — трехчастные составные удила с кольцевидными псалиями. *Оружие:* 31, 32 — боевые топоры-франциски; 33 — двушипный дротик-ангон; 34-36 — умбоны щитов; 37, 38 — однолезвийные мечи.

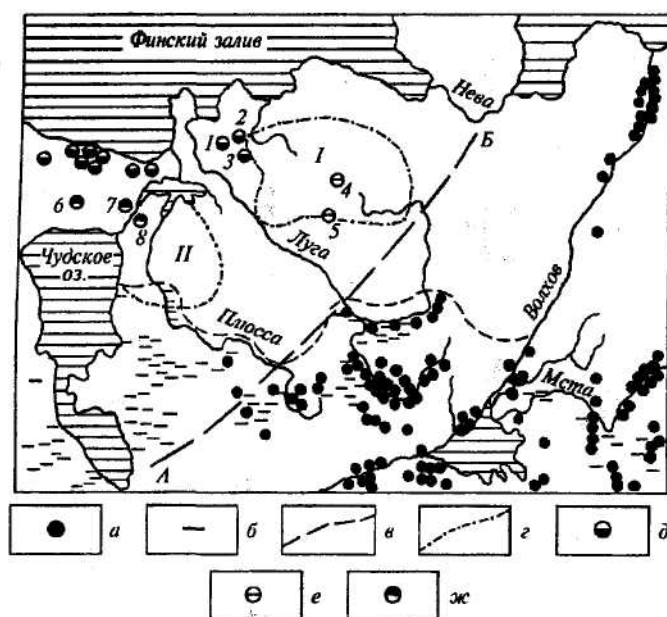

Рис. 8. Северо-Запад Новгородской земли. Археологические памятники
I тыс. н. э. (по данным [Рябинин 1997] с доп.).

a — сопки; *b* — длинные курганы; *v* — северная граница распространения сопок и длинных курганов (*A* — Славянское поле, ручей Изборск, VIII в., *B* — р. Славянка, XIV в.); *z* — ареалы курганных массивов начала II тыс. н. э. (*/* — Ижорское плато, *//* — Северо-Восточное Причудье и бассейн средней Плюссы); *d* — каменные могильники (*1* — Валговицы, *2* — Великоино, *3* — район Котлов); *e* — предполагаемые каменные могильники (*4* — Лисино, *5* — Извара); *ж* — поверхностные и грунтовые трупосожжения (*б* — Ёйуга, *7* — Кунингакуля, *8* — Ольгин Крест).

неоднородности старолadoжского населения, с другой — о последовательной «славянизации» его, особенно ощутимой с начала IX в. с притоком «верхнеднепровских» форм керамической посуды, а в итоге о сложении на основе взаимодействия различных племенных традиций, общерусской раннегородской культуры [Там же].

Традиция сопок, очевидно, также неоднородна: в единичных ранних памятниках этого круга выступают компоненты, сближающие их с северными длинными курганами, а также с «большими курганами» верхнеокской мощинской культуры [Носов 1974]. Однако основной массив сопок — видимо, результат скандинаво-славянского синтеза культурных традиций, который начался не позднее середины VIII в., скорее всего, в районе Любши и Старой Ладogi; затем по Волхову «традиция сопок» распространилась в Южное, Западное и Восточное Приильменье. Связанные с особым ландшафтно-хозяйственным стереотипом, сопки маркируют распространение славянского пашенного земледелия и древнерусской государственности в пределах формирующейся Верхней Руси (см. рис. 1, IV). Следует подчеркнуть, однако, что сопки вряд ли стоит рассматривать как «племенной индикатор» словен ильменских: появление славян в Ильменском Поозерье, где эта традиция представлена, в лучшем случае, единичными памятниками местной элиты, гипотетически относится к несколько более раннему периоду (VII — первая половина VIII в.), что в самое последнее

Даты	Земляное городище				5	6	7
	1	2	3	4			
1000 990	XI	Д		I	II		Сопка № 15 (I)
970	X				IV		
950					V		
940 920					VI		
880	VII	I	Е	I	VII-VIII	Начало заселения и укреплений	Плакун
860	VI				IX-X		
830	V	2		2	II		XI
800	IV	1		Е	III		
780	III	2					
760	II	3					
753	I	3					

Рис. 9. Синхронизация строительных ярусов Земляного городища, Варяжской улицы с погребальными памятниками (по данным [Кузьмин, Мачинская 1989]).

Датировка: 1 — по Кузьмину и Мачинской, 2 — по Давидан, 3 — по Равдоникасу, 4 — по Репникову; 5 — Варяжская уйица, 6 — крепость, 7 — погребальные памятники.

время находит подтверждение в исследованиях Любши, в Нижнем Поволжье. На окраинах, да и в других местах своего ареала, сопки обнаруживают отчетливые финские черты. Генезис же традиции более всего связан с перенесенным в Ладогу «из-за моря» погребальным ритуалом, близким упсальским курганам Швеции VI в. Сложным взаимодействием скандинавского (варяжского), славянского и иных компонентов [Спицын 1899; Равдоникас 1924; Петров 1999] сопки VIII-IX вв. отображали основные процессы формирования в пределах Верхней Руси качественно нового социополитического явления, с этого момента во многом определявшего дальнейший ход этнического процесса Древнерусского государства, и современные исследователи вполне определенно видят в этой ритуальной традиции — манифестацию архаической «руси» [Мачинский, Мачинская 1988; Stang 1996].

Создатели сопок IX-X вв., вероятно, как и их непосредственные предшественники, а видимо, и представители первой (условно, досопочной, любшанской) волны словен, распространяли в лесной зоне новый тип хозяйства, основанный на широком использовании пашенного земледелия с эксплуатацией пойменных почв и лугов, комплексным дополнением земледельческого уклада — скотоводством, промыслами и ремеслом, быстро развивающейся торговлей [Конецкий 1987]. Тип хозяйства определил и специфику системы расселения, эволюцию поселений — с преобладанием патронимической малодворной неукрепленной селитбы, развитие немногочисленных городищ в систему административных центров-погостов, со своеобразными и отличными от южнорусских формами ранней урбанизации [Платонова 1988; 1991; Лебедев 1987].

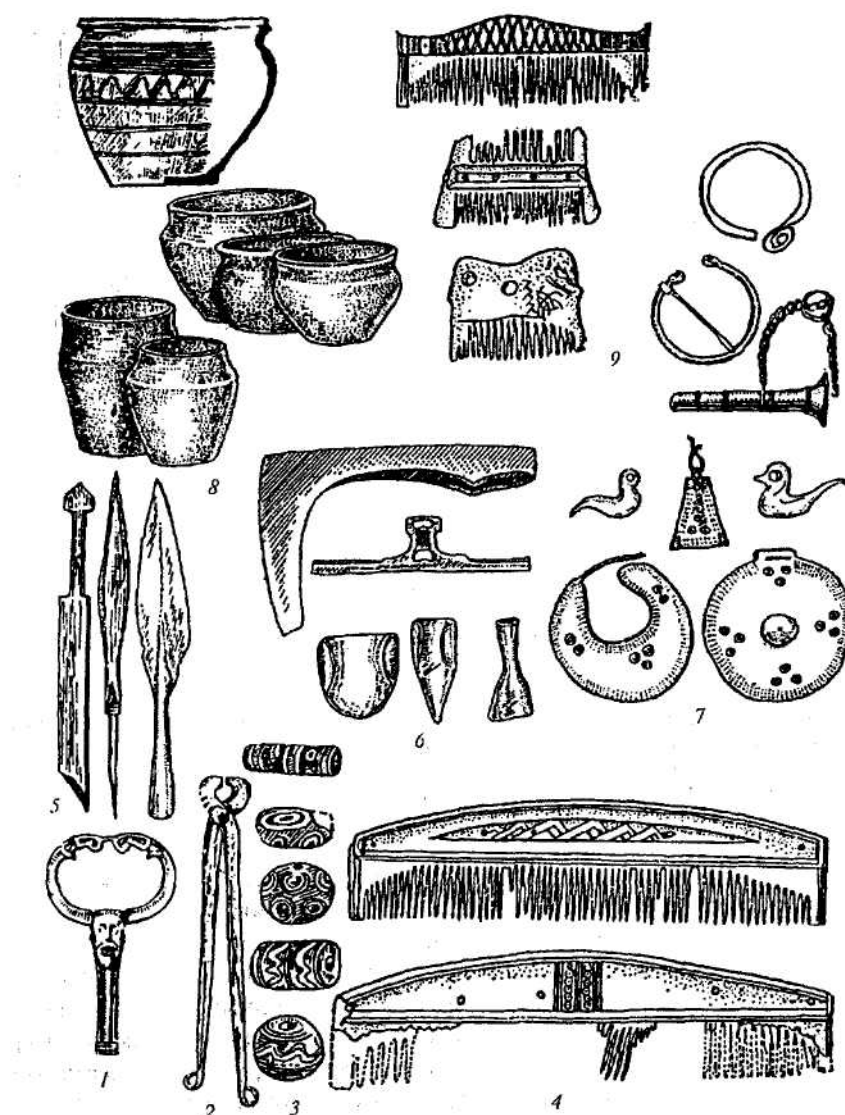

Рис. 10. Материальная культура Ладоги VIII—XI вв.

1 — бронзовый стержень с навершием, изображающим Одина (VII в. в слое VIII в. из комплекса «клада инструментов»); 2 — клещи скандинавского типа из того же комплекса; 3 — восточные стеклянные бусы; 4 — фризские односторонние гребни; 5 — деревянный игрушечный меч и железные наконечники, оружие скандинавских типов; 6 — сельскохозяйственные орудия славянских типов, удила и боевой топор; 7 — украшения славянских и балто-славянских (верхнеднепровских) типов, мелкие женские вещи; 8 — керамика; 9 — двусторонние гребни финского и древнерусского типов; 10 — «ладожский топорик» и другие скандо-славянские «вещи-гибриды» и полуфабрикаты; 11 — вещи из погребального комплекса сопки урочища «Победище»; 12 — кувшин из кургана № 7 урочища «Плакун»; 13 — инвентарь могильника при сопке в урочище «Княщина».

Древнерусская эпоха, представленная на Северо-Западе Восточной Европы памятниками IX-XIV вв., характеризуется сложением системы ИКЗ, непосредственно приближающейся к этнографической (следует полагать, и лингвистической) группировке русского и иноязычного населения Верхней Руси и сопредельных территорий (см. рис. 4). Финляндия и Эстония (до устья Даугавы), как и в предшествующий период, заняты массивом финско-эсто-ливских погребальных памятников, образующих компактный ареал вокруг Финского залива. Принципиально прежний характер сохраняет и группировка ИКЗ племенных культур балгов от Даугавы (Двины) до Немана. Верховья Днепра-Двины-Ловати заняты в IX-X вв. слабовыраженным ареалом курганов с сожжениями, в которых можно видеть «достоверно славянские памятники» [Ляпушкин 1966], в X-XI вв. — ареалом, переходящим к обрядности древнерусских курганов с ингумациями, что в данном случае соответствует, видимо, культурной традиции летописных кривичей. Локальная группа подобных памятников образует новую ИКЗ Верхневолжья (отражая кривичскую колонизацию в направлении Волго-Окского междуречья) и верховий Оки, занятых летописными вятичами, аналогичные группы памятников фиксируются и на остальных территориях древнерусских славянских «племен» [Седов 1982]. В пределах собственно Верхней Руси курганы с сожжениями образуют два компактных ареала: восточнее Ильменя (средняя и верхняя Мста-Молога) и западнее его (верхняя и средняя Луга - верхняя Плюсса - Великая). Оба ареала, скорее всего, соответствуют реальной группировке словен новгородских, что, правда, заставляет вернуться к высказанным уже сомнениям в реальности существования в нижнем течении

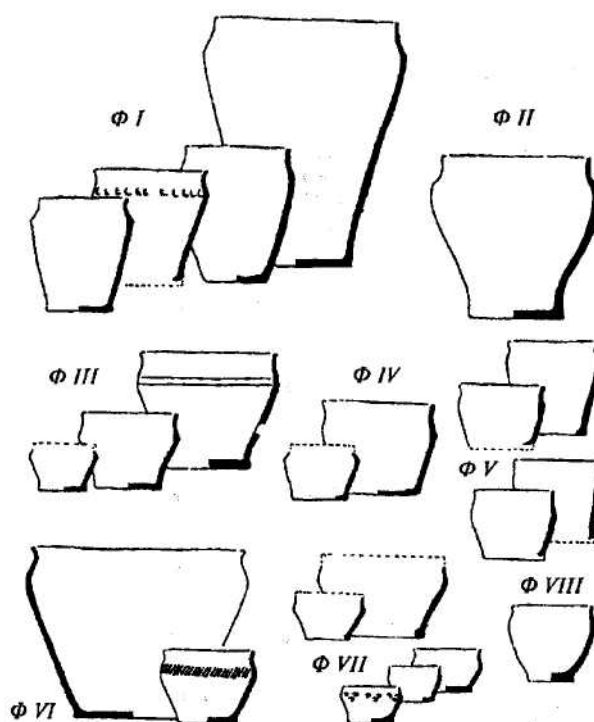

Рис. 11. Типология лепной керамики Старой Ладоги (I-VIII типы по [Сенниченко 1998]).

Великой «псковских кривичей» [Булкин и др. 1978]. В последние десятилетия выделена новая категория погребальных памятников новгородских словен — грунтовые могильники с ингумациями XI-XII вв. [Конечский 1984]. Показательно, что они размещены главным образом по «осевой линии» основной территории Верхней Руси (Волхов-Ловать), концентрируясь прежде всего в раннегородских центрах и их округе (Ладога, Новгород), хотя известны и за их пределами (см. рис. 1, V, 12).

Расселение словен проходило в пределах ИКЗ, связанной ранее с населением группы псковско-боровичских длинных курганов. Если исходить из наиболее вероятного, неславянского в целом ее характера, то формирование древнерусского населения в этой ИКЗ представляется сложным процессом славяно-финского взаимодействия, протекавшей в различном темпе ассимиляцией «чужди» словенскими. Именно этот процесс, скорее всего, фиксирует еще одна группа погребальных памятников — жальники XI-XIV вв. [Седов 1982; Лебедев, Рябинин 1978]. Они образуют обширную ИКЗ к востоку от Ильменя-Волхова (лишь перекрывающуюся ареалом курганов с сожжениями), в Западном и Южном Приильменье (за исключением ранее всего заселенного словенскими Ильменского Поозерья), а также вдоль северной и западной границ Ижорского плато, захватывая северо-восточное Причудье. В XI-XV вв. здесь формируется сложная по составу, синтезировавшая славянские и финские элементы культура курганов Ижорского плато (см. рис. 1, V, 10, 11), по периферии которой открыты в последние годы своеобразные могильники води и ижоры.

В Приладожье масштабные исследования памятников приладожской курганной культуры, а затем и поселений (городище на Сяси, предположительно, Алаборг скандинавских саг) осуществили в последние десятилетия В. А. Назаренко и связанные с ним исследователи [Назаренко 1979; Богуславский 1991; ДЖЕКСОН, Мачинский 1989; Мачинский, Мачинская 1988]. Этот регион сравнительно позднего славянского проникновения все более определенно атрибутируется как «земля колбягов» («Кюльфингерланд») саг, в скандинавской географической номенклатуре, иногда отождествлявшаяся с «Гардами». «Гардарика» — окраинная, ближайшая для мореплавателей территория Руси, собственно «Гардов» в общепринятом значении [Джаксон 1991].

Славянское расселение выявлено по материалам Ильменского Поозерья и Новгородского Околограда в верховьях Волхова, изучаемых Е. Н. Носовым и В. Я. Конечким, локализовавшими серию сельских поселений, архаические грунтовые могильники, места исчезнувших сопок, укрепленные центры — такие как городища Георгий, Сергово, Холопий городок [Конечкий 1987; Конечкий, Носов 1985]. Поозерье получает все более отчетливые характеристики как ядро племенной территории словен. Непосредственно связаны с ним и поселения низовьев Волхова, где наряду с Ладогой и Любшей следует отметить поселения над Волховскими Порогами, Дубовик, Михайло-Архангельское и др., изучаемые в последние годы С. Л. Кузьминым [Кузьмин 1998].

Верхнее Полужье с начала 1970-х гг. исследуется как одна из ближайших к Новгороду ИКЗ, освоенных словенами. В результате тридцатилетнего цикла работ определилось археологическое своеобразие этого субрегиона — наиболее ранней зоны прямого и массового контакта славянского и неславянского населения Руси Рюрика Длинные курганы, а затем и сопки здесь сочетаются с синхронными (?) и более поздними грунтовыми могильниками с поверхностными кремациями, вроде безурновых «полей погребений», которые определенно использовались в IX-X вв. [Кузьмин 1998], а затем сменились древнерусскими курганными могильниками и жальниками. Среди поселений выделяются укрепленные городища, со времен основания «погостов» княгини Ольги (947 г.) отождествляемые с местными административными центрами — Городец (Гремяцкий погост), Передольская, Косицкое, Которск и др. Таким образом Полужье, в полном соответствии с данными летописи, выступает как важная зона формирования административно-территориальной системы Новгородской земли [Лебедев и др. 1982; Платонова 1988; 1991].

Средняя Мета — близкий по времени Полужью район «окняжения» середины X в. Широкое обследование выявило здесь ранние центры взаимодействия населения «традиции сопок» и «культуры длинных курганов», проявившиеся в становлении сложных поликультурных местных центров, в ряде случаев также превращающихся в новгородские «погосты» [Конечкий 1989].

Ловать, Шелонь, Южное Приильменье, в свете археологических работ в соседних субрегионах и целенаправленного обследования, а в последние годы — раскопок сельских поселений возле групп сопок (Губинская Лука и др.), позволили В. Я. Конечкому предложить обоснованную «модель» экономико-географических и этнодемографических процессов, определявших специфику Новгородской земли, и прежде всего, градостроительной структуры собственно Новгорода X-XIV вв., а также движение новгородских словен на близлежащие и отдаленные территории [Конечкий 1987; 1989].

Псковская земля в течение последних трех десятилетий также стала ареной планомерных археологических работ, развернувшихся под руководством В. В. Седова, прежде всего в самом Пскове, Изборске и других памятниках зоны Псковского градообразования. Итогом этих работ стала археологическая разработка характеристики ряда субрегионов (занятых

культурой длинных курганов, анклавами носителей традиции сопок, в южных районах — очагами архаических «городищенских культур» [Белецкий 1990; Седов 1990]. В связи с этими работами шло изучение механизма формирования «погостов» в северо-восточных, ближайших к Полужью районах Псковской земли. Особый интерес представляет полное исследование Труворова городища в Старом Изборске, а также поселений в самом Пскове и его округе, вызвавшее, на первый взгляд, неожиданную дискуссию о соотношении Пскова-Изборска, и в целом — о механизме становления урбанистического центра в Псковском градообразовании [Белецкий 1993]. Открытые в ранних слоях Псковского Крома деревянные сооружения с дендродатой 860 г. [Белецкий, Белецкий 1993], синхронизирующие укрепленное поселение с событиями в Ладоге и известиями Повести временных лет, равно как изученный в Пскове языческий некрополь со скандинавскими погребениями, открывает новые перспективы изучения «варяжской проблемы»), всего комплекса славяно-скандинавских отношений с местным финноязычным населением (по крайней мере, предками современных «сету») в этой западной ИКЗ Руси Рюрика [Белецкий 1990].

Совершенно неожиданные и по-своему сенсационные результаты дали в последнее десятилетие исследования А. Н. Башенькина в Белозерье и западных районах Вологодской области. Состав археологических памятников (ранние грунтовые могильники с сожжениями, группы «псковско-вологодских длинных курганов», монументальные насыпи «новгородских сопок» на Мологе, Шексне и других реках, селища и городища) заставляет объединить эту территорию с Северо-Западом в традиционном понимании в общую «археологическую провинцию» [Башенькин 1989]. При этом возможно, что некоторые процессы межкультурного взаимодействия на Вологодчине проявились в более ранних и ярких формах, чем в соседних западных областях. Русь Синеуса, где союзниками словен и варягов выступает летописная весь, объединившаяся под властью легендарного соправителя ладожско-новгородского князя, вслед за Русью Трувора на Псковщине выступает реальной составляющей Руси Рюрика. Стоит особо отметить, что финноязычный этнокультурный массив, сложившийся в этой ИКЗ, сохраняется в наши дни как народ вепсов.

Волго-Окское междуречье по составу и проблематике ранних памятников также оказывается в IX-X вв. значительно ближе по характеру Новгородской земле, чем в последующие столетия. Исследования И. В. Дубова, В. А. Лапшина, А. Е. Леонтьева позволяют проследить раннюю инфильтрацию скандинавов в «землю мери» (предшествующую массовой славянской колонизации), развитие открытых торгово-ремесленных поселений наряду с раннегородским центром на Сарском городище, импюльсы торговых связей по Волжско-Балтийскому пути, затронувшие как эти, так и локальные центры, представленные рядом городищ дьяковской культуры; новыми находками характеризуются и такие древнерусские города, как Ростов, Суздаль, Клешин, Муром. В X-XI вв. вокруг этих центров разворачиваются зоны массовой славянской колонизации, с многочисленными сельскими поселениями и древнерусскими курганными могильниками X-XII вв., где среди древнерусского населения постепенно и быстро растворяется меря [Дубов 1982; Лапшин 1985; Леонтьев 1996; Рябинин 1997].

Верхняя Русь, Русь Рюрика — это, прежде всего, зона стабильного и раннего взаимодействия славян (словен и кривичей) с финскими племенами лесной зоны Восточной Европы (чудь, весь, меря), а равным образом тех и других — с варягами, скандинавами. Финско-скандинавское взаимодействие, несомненно, предшествовало включению в этнокультурные процессы ИКЗ этой территории славян. Археологические проявления присутствия скандинавов в пределах рассматриваемой территории сейчас безусловно фиксируются в пределах VI-середины VIII в.: находки на острове Тютерс в Финском заливе (скандинавские

погребения в контексте местной восточно-эстонской культуры штрихованной керамики; среди северных вещей — великолепная серебряная фибула в «зверином стиле» начала VI в. (см. рис. 10), клад ремесленных инструментов в Старой Ладоге [Hackman 1910; Рябинин 1985]. Прямое финно-скандинавское взаимодействие, согласно гипотезе Д. А. Мачинского, вызвало к жизни появление «колбягов» Приладожья (отмеченных скандинавскими, древнерусскими, византийскими, арабскими источниками): этноним соотнесен с приладожской курганной культурой конца IX-начала XII в. и локализует, таким образом, компактную ИКЗ финно-скандинавских контактов к востоку от Ладоги, между ареалами словен и белозерской веси [Мачинский 1989].

Археологические данные позволяют представить не менее чем столетний (по предположению Д. А. Мачинского, с рубежа VII-VIII вв.) период, предшествующий сведениям письменных источников, когда этнокультурно-территориальная общность, система ИКЗ, образующая в итоге Русь Рюрика, развивается в процессе взаимодействия ряда этносоциальных организмов [Мачинский 1981; 1986], последовательно финских, скандинавских, славянских, балтских. В VIII-IX вв. это развитие прослеживается по локализации и соотношению памятников (поселений и могильников) культур длинных курганов, сопков, днепро-двинских городищ и сменяющих их древностей (смоленско-полоцких длинных курганов и др.). В течение IX-XII и последующих столетий процесс продолжается, проявляясь в развитии ряда производных от названных и новых археологических культур: древнерусской (дружинной, городской, сельской), культуры приладожских курганов, курганно-жальничной культуры Ижорского плато и др. [Лебедев 1981].

Наиболее значимыми результатами этого развития, наряду со сложением собственно этнотерриториальной общности, древнерусской системы (иерархии) ИКЗ Верхней, Северной, Новгородской Руси, следует признать начало товарно-денежного обращения. Оно ярко проявляется в распространении кладов арабского, а позднее англо-скандинавского и германского монетного серебра, весовых гирек, импортов по Балтийско-Волжскому и Волховскому, а затем Волховско-Днепровскому пути [Носов 1976; 1981; 1982; Lebedev 1980]. Развитие внешних коммуникаций в сочетании со стабилизацией ИКЗ вызывает начало урбанизации, что подтверждается появлением и быстрым развитием 'едущих центров — Ладоги (с середины VIII в.), а столетие спустя — Новгородского Рюрикова городища, в середине IX-середина X в., несомненно, предшественника основного градообразования Новгорода Великого [Средневековая Ладога 1985; Носов 1990].

Активность этих центров, филиация связанных с ними новых опорных пунктов (типа городища Дубовики на Волхове или системы открытых поселений на Которосли и Волге в Ярославском Поволжье) усиливают социосистемную, а местами и этнокультурную структуры, приводя к формированию локальных политических образований, таких как Ладожское ярлство XI в. или Ростовская земля («Арса»?) IX-X вв. [Кирпичников 1979; 1985; Глазырина 1984; Дубов 1982; Леонтьев 1991; 1996]. Единый характер, темп и ритм этих процессов экономического, культурного, этнического и политического развития заставляет рассматривать Русь Рюрика в едином контексте с Балтийской цивилизацией раннего средневековья [Славяне и скандинавы 1986].

Графическая модель этих отношений (рис. 12) позволяет представить принципиально важные явления, завершившие первичную интеграцию народов Европы в феодально-христианскую целостность.

Отметим, во-первых, установленную иерархичность уровней взаимодействия и характер процессов, связавших основные этносы-строители Балтийской цивилизации; во-вторых, принципиальное единство этих процессов как для Европы в целом, так и для ИКЗ,

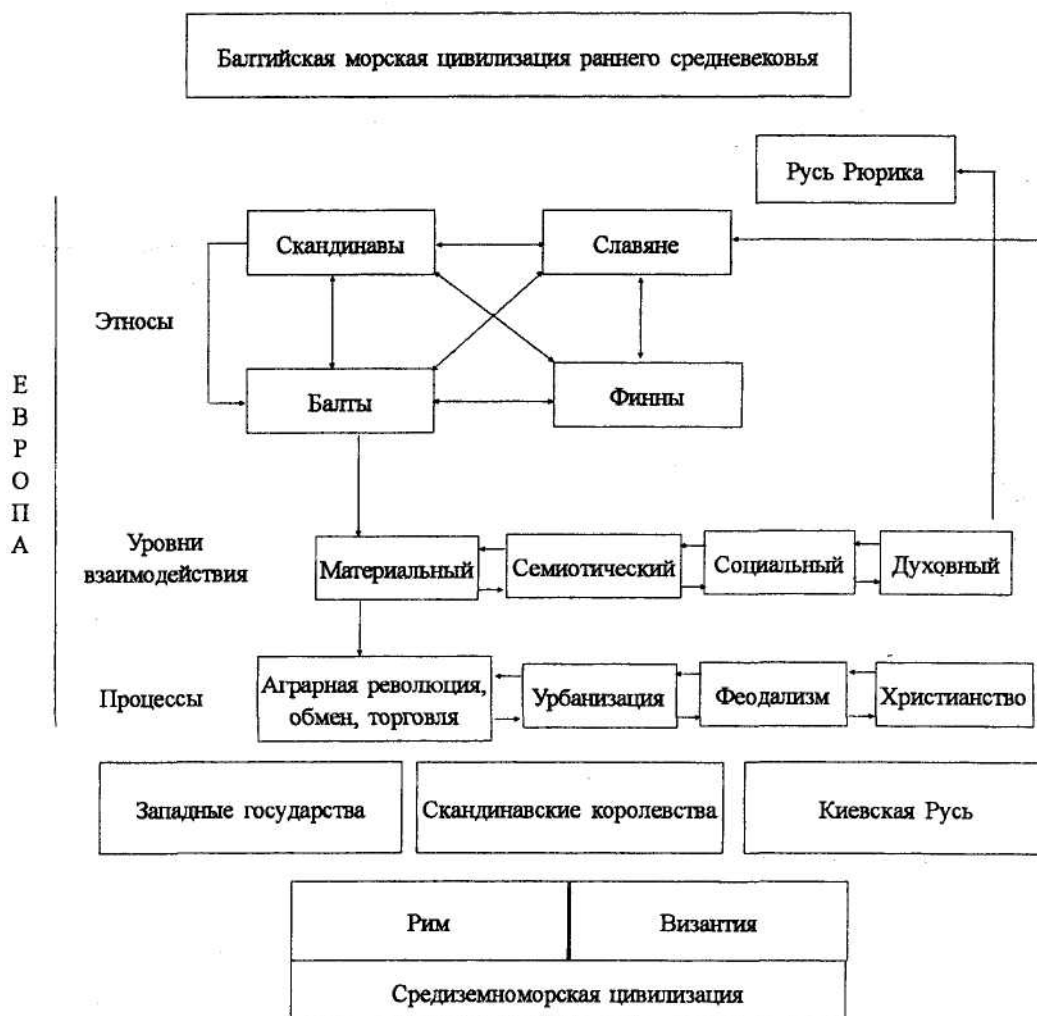

Рис. 12. Балтийская морская цивилизация: графическая модель.

определяемой как Русь Рюрика: она находится примерно в таком же структурном отношении к Балтийской цивилизации, как та — к Средневековой Европе («христианскому этносу» «паке кретьен» Л. Н. Гумилева [Гумилев 1990]).

Содержательный аспект всех этих процессов, равно как их конкретно-историческое проявление, отразившее трансконтинентальное движение от языческого «варварства» античности и раннего средневековья к христианской цивилизации Европы, выражены автором Повести временных лет в апокрифе о путешествии святого апостола Андрея Первозванного по Пути из Варяг в Греки (из Синопа — через «Скифию» по местам Киева и Новгорода в Рим). Конкретно-историческая реализация этих импульсов, распространение христианства по складывающейся системе коммуникаций первоначально, однако, осуществлялась в

направлении, географически прямо противоположном представлениям, сложившимся к началу XII в.

Начальные импульсы христианизации, своего рода «защитная реакция» европейской культуры на экспансию викингов, в первой трети IX столетия шли с Запада. Миссия Ансгария (Ансгара) и Витмара, после крещения в Реймсе датского конунга-изгнанника Харальда Клака (по некоторым данным, в его свите был крещен и юный Рюрик) в 826 г., около 829 г. достигает Хайтабу, а год спустя — Бирки. Проповедь местным конунгам в течение десяти лет осуществлялась успешно. В Восточной Европе в это же время активизируется «каганат росов», в 838-839 гг. направляющий своих послов (шведов!) к христианнейшим из государей Европы — византийскому, а затем и франкскому императорам. Нам неизвестен путь возвращения «послов русов» после 839 г. [Stang 1996]. Однако, возможно, эти события отражает серия находок очень редких монет императора Феофила II, принимавшего посланцев «хакана Рос»; одна из таких монет найдена в Швеции, в Бирке (серебряная, в одной из камерных могил), другая — на Рюриковом городище (медная) и третья, самая значимая, в Гнездовском могильнике под Смоленском (золотая, превращенная в подвеску, в богатом погребении кургана № 47). Эта монетная серия [Лебедев 1985] связана также и со следами деятельности миссии Ансгара не только в Бирке, но и в ряде других балтийских центров, включая Ладогу [Славяне и скандинавы 1986].

Основанный в итоге бенедиктинской миссии и возглавленный Ансгаром Гамбургский епископат вскоре столкнулся с множеством трудностей — активизацией экспансии викингов и «языческой реакцией», возникшей во второй половине IX и продолжавшейся до середины X в. (как и на Руси времен Ольги и Святослава в 965-972 гг.). Лишь по мере стабилизации раннегородских центров и государственности на Руси и в скандинавских странах, возрастания роли Волховско-Днепровского пути, а в связи с этим — и устойчивого, динамичного роста потенциала Византии, особенно Константинополя (благодаря активности в Восточной Европе численность и занятость его населения возросла в десять раз с середины IX до середины X в.), в сложившейся трансевропейской системе происходит своего рода «переориентация» культурно-энергетических потоков. В результате на исходе X столетия от Византии до Скандинавии разворачивается завершающий этап духовной эволюции варварского Севера, озаменованный Крещением Руси в 988 г. при Владимире Святом и торжеством христианства в Скандинавии после гибели Олава Святого в 1030 г. Этот, определяющий, этап, в противоположность начальному, проходит при ощутимом доминировании импульсов «с Востока, из Гардов», из могущественной и просвещенной Древней Руси «конунгов Вальдамара и Ярицлейва», Владимира и Ярослава. Древнесеверная «Хеймскрингла» связывает этих великих князей киевских исключительно с «Хольмгардом» и «Альдейгьюборгом» — Новгородом и Ладогой. Средокрестие потока «культурной энергии» приходится на Ладогу и прилегающие к ней древнерусские земли, что, безусловно, делает Русь Рюрика перспективным и значимым объектом историко-археологического изучения.

Славяно-финское взаимодействие в пределах Руси Рюрика, равно как и контакты того и другого населения со скандинавами (продуктивно изучавшиеся в эти годы не только отечественными, но и зарубежными исследователями), рассматриваются, таким образом, на качественно новой источниковой базе. Если в восточных районах эта база характеризуется прежде всего возросшим уровнем первичного учета, картографирования, экзemplярного изучения различных видов и типов памятников, то в центральных и западных районах те же характеристики подкреплены существенными методическими достижениями. Главное из них — разработка надежной хронологической шкалы. Она основана, во-первых, на серии дендродат Старой Ладоги, позволяющей расширить диапазон дендрохронологии Северо-За-

пада до 750-х годов н. э. (с этого времени позволяя систематизировать стратиграфически распределенный материал VIII-XI вв., с датировками в диапазоне одного-двух десятилетий); во-вторых, одновременно с опорой на существующую дендрохронологию Новгорода X-XV вв. вещевой материал городских слоев и курганно-жальничных комплексов был систематизирован Ю. М. Лесманом. Созданная типохронологическая шкала, таким образом, позволяет по типам вещей в узком хронологическом интервале определить и систематизировать вещевые комплексы могильников и поселений в пределах всей древнерусской эпохи, представленной археологическими материалами Северо-Запада [Черных 1985; Рябинин, Чёрных 1988; Лесман 1988; Кузьмин, Мачинская 1989; Богуславский 1991].

Полученные результаты были использованы прежде всего для изучения динамики заселения и этнической истории населения Ижорского плато. В результате в общих чертах не только восстановлена картина его освоения древнерусскими земледельцами XII-XIV вв. [Лесман 1988], но и открыты достоверные памятники прибалтийско-финских племен води, а в последние годы, видимо, и ижоры [Рябинин 1991; 1997].

Карельский перешеек с рубежа 1970-1980-х гг., так же как и соседние субрегионы, стал зоной целенаправленного поиска и изучения грунтовых могильников, поселений и святилищ; эти работы А. И. Саксы, характеризующие племенную культуру корелы, дополняют многолетние исследования Выборга, где раскопками В. А. Тюленева, в частности, обнаружено дошведское карельско-новгородское поселение XII-XIII вв., на руинах которого был построен рыцарский замок, ставший ядром городского поселения шведов [Сакса, Тюленев 1990; Тюленев 1980; 1982; 1984; 1995].

Каменные крепости Новгородской земли с 1968 г. (раскопки Орешка) методично изучал А. Н. Кирпичников. Кольцо твердынь, формировавшееся с XII в. (каменные укрепления Ладоги), образовало вокруг Ладоги, Новгорода и Пскова мощную систему оборонительных комплексов: Ладога-Орешек-Корела-Копорье-Ямгород-Ивангород-Гдов-Псков-Изборск-Печоры-Порхов (рис. 13), фиксируя в XV-XVI вв. территориальную общность, восходящую к Руси Рюрика летописных времен [Кирпичников 1984]. Показательно при этом, что наряду с заселенными, преимущественно или исключительно русским населением, славяно-русскими военно-политическими центрами, ряд этих крепостей, контролировавших и защищавших земли финских племен-федератов, можно рассматривать и как русско-финские «малые столицы» этих племен: Копорье — води, Орешек — ижоры, Корела — корелы [Lebedev 1996]. Эти финские федераты упоминаются впервые наравне с Новгородом, Псковом, Ладогой в 1270 г., а их племенные столицы, как объединенные вокруг Ладоги, названы в 1333 г., когда здесь водворился служебный новгородский князь литовец Наримонт, в православном крещении Глеб Гедиминович. Доминирующими центрами иерархии укрепленных городов Северо-Запада Новгородской Руси в XIII-XV вв. были славяно-русские столицы Господин Великий Новгород и его «пригороды» Псков и Ладога. Они же выступают в XII—XIII вв. как ранние монастырские центры христианской культуры Древней Руси. Православные монастыри — Антониев и Юрьев в Новгороде, Мирожский во Пскове, Никольский, Успенский, Георгиевский в Ладоге становятся в XIV-XV вв., наряду с храмами, существенной, а иногда — определяющей составной частью городской структуры этих центров. Однако до начала XIV в. монастыри не играют заметной роли в хозяйственном освоении новых, слабозаселенных или пустынных лесных пространств центральной, исходной части территории Верхней Руси.

Безусловно, с «домонгольского времени» в русской истории X-XIII вв., восходя к существенно более раннему периоду, проявляется устойчивое культурное зонирование,

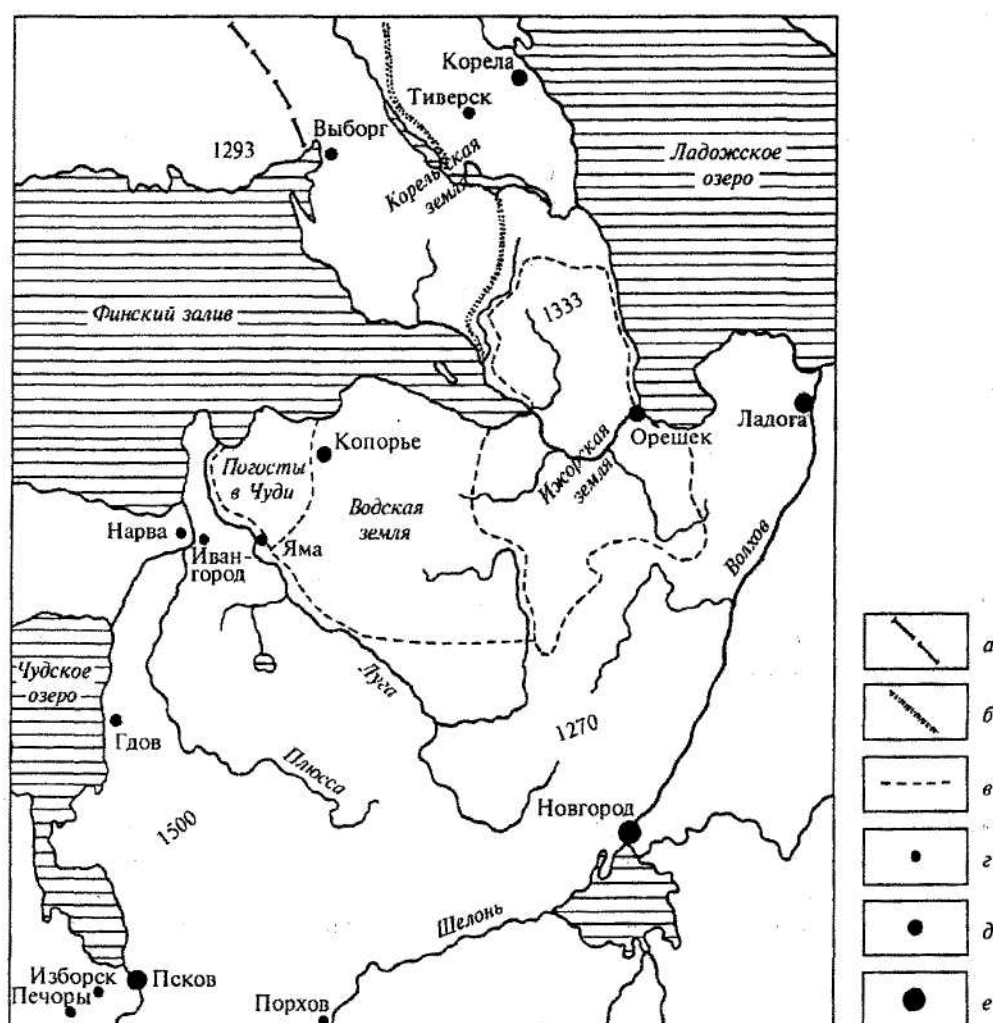

Рис. 13. Каменные крепости Новгородской земли.

а — русско-шведская граница до 1293 г.; б — граница по Ореховецкому миру; в — границы племен-федератов; г — крепости; д — малые столицы; е — столичные города.

позволяющее и в дальнейшем рассматривать ряд основных историко-культурных зон Верхней Руси.

а) Восточноновгородская ИКЗ, с границей на западе вдоль Волхова, по нижнему течению Меты с выходом на верховья Волги и водораздел Волги-Мологи, затем примерно по Тихвинско-Вепсовской гряде с границей на северо-востоке в междуречьях Ояти-Свири (северная граница приладожской курганной культуры IX-XII вв.).

б) Западноновгородская ИКЗ, в основном охватывающая Западное Приильменье и Верхнее Полужье, со сравнительно поздним обособлением субмассива Ижорского плато (Ингерманландская ИКЗ).

в) Псковское ядро, ИКЗ, археологически ограниченная низовьями Великой (с вероятной тенденцией к расширению в «послекурганное время», т. е. позднее XIII в., на среднее течение, но не достигающее верховьев Великой).

Появление стабильных границ этих зон — результат углубляющихся локальных процессов перегруппировки и взаимодействия населения, подчиненных принципиально общему механизму. Постепенно в рамках единой ИКЗ Верхней Руси кристаллизуются и обособляются локальные ИКЗ: Восточноновгородская, Западноновгородская, Псковская. Взаимодействуя не только по выделенным внутренним границам, но и по внешнему периметру Верхней Руси, каждая — со своими ближайшими соседями, локальные ИКЗ усложняют структуру как внутриславянского взаимодействия, так и многоуровневых отношений с соседними неславянскими этносами, автохтонным и пришлым населением [Герд, Лебедев 1991].

Таким образом, можно говорить, что выступая в итоге этих взаимодействий сложным и иерархическим единством Верхняя Русь в целом — это следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов населения Северной Европы, северных индоевропейцев и финно-угров, саамов, финнов и балтов, скандинавов и славян. Уникальность региона в европейской истории, континентальное значение протекавших здесь процессов определяются именно этим, тысячелетним взаимодействием.

Формирование стабильного взаимодействия всех составляющих этнических компонентов Верхней Руси начинается не позднее рубежа VII-VIII вв. и завершается, в основном, в XII в., хотя переживания этого процесса можно проследить и в XIII-XV вв. Славяне ассимилировали прибалтийско-финский субстрат и растворили в своем составе скандинавских выходцев (сохраняя память об этом в летописных и устных текстах). Можно предположить, что на северо-восточной окраине региона, в Приладожье, до XIII в. сохранилось смешанное скандо-финское население, по атрибуции Д. А. Мачинского, «колбязги» письменных источников [Мачинский 1989]. Наряду с ними в Южном Приладожье удерживается, видимо, даже в определенной мере консолидируясь, древнейшее саамское население «лопь» новгородских источников. Еще более определенно прослеживается консолидация других периферийных этнополитических образований финского населения, племенных объединений — конфедератов Новгорода, корелы, ижоры, води. Стабильные соседские отношения связывают Верхнюю Русь с племенами Прибалтики и Финляндии [Рябинин 1997].

Устойчивость позиции, своеобразие и стабильность структурных связей Верхней Руси как особого региона Северной Европы сочетается с ее глубокой и устойчивой внутренней структурированностью, отразившей хронологическую глубину и различные этапы формирования этого региона.

Важнейшая из отмеченных границ ИКЗ Верхней Руси, меридиональная граница по Волхову-Ильмену-Ловати, с севера на юг от Ладожского озера делит территорию на две части («восточно-новгородскую» и «западно-новгородскую» культурные области) и разграничивает древние этнокультурные массивы, один из которых тяготеет к юго-западной Балтике, другой — к Волго-Окскому междуречью (см. рис. 1, I, II, IV). Осторожная ретроспектива позволяет в этих массивах усматривать подоснову, по крайней мере, прибалтийско-финского и волжско-финского населения, и, таким образом, линия Волхов-Ловать выступает прежде всего как важнейшая из внутренних границ финно-угорского языкового массива (см. рис. 1, I, III), своего рода «тектонический разлом» субстратной подосновы демографической конструкции Верхней Руси.

Широтная граница, по линии Западная Двина-верховья Великой-верховья Ловати, также проступающая по комплексу лингвоархеологических данных, обособляет регион с юга и с I тыс. до н. э. в течение всего железного века и до древнерусского времени включительно выступает как стабильный рубеж (см. рис. 1, IV, VI). В языковом отношении эта граница располагается между финно-угорским (на севере) и индоевропейским (южнее) языковыми массивами, причем последний представлен, естественно, прежде всего балто-славянскими и славянскими ветвями индоевропейской языковой семьи.

Граница микрорегиона Западного Приильменя-Верхней Луги охватывает и область в нижнем и среднем течении реки Великая-Псковского озера. Оба ареала длительное время выступают то как «пограничье» соседствующих взаимоналагающихся культурных групп, то нередко как пустующая «ничейная земля». Освоение ее, с эпохи длинных курганов и сопок VII-VIII вв., не стремясь к однозначно жесткой этнической атрибуции той и другой группы памятников, нельзя не связать с собственно славянским расселением в регионе.

Показательно, в таком случае, что и наивысшая концентрация славянского этноса, и его распределение по базовым коммуникационным трассам и ключевым точкам Древней Руси, от Новгорода к Ладоге, связано во многом с освоением «ничейных» областей и территорий (ср. распространение топонимов *Межа*, *Рубеж* [Алексеев 1968]). В первую очередь* это следует объяснить своеобразием и эффективностью ландшафтно-хозяйственного стереотипа, генетически соотносимого со средневропейскими условиями и впервые распространившегося в регионе именно силами славянского населения. Основным этапом его расселения связан, очевидно, с медленным продвижением с юга, по «меридиональному пути» с верхневолжских озер Селигера в Приильменье.

Трасса Ловать-Волхов, освоенная этим земледельческим населением, в VIII-XI вв. из пограничной зоны превращается в фактор этнокультурной интеграции, и притом — важнейшую составляющую общеевропейской континентальной магистрали, летописного Пути из Варяг в Греки [Лебедев, Жвиташвили 1999]. Именно процессы обмена, транспортировки, речной навигации, урбанизации, а затем вызванная ими этносоциальная консолидация, развивающиеся на этом пути и базирующиеся на нем, как на непрерывно развертывающейся системе коммуникаций, в IX-XIII вв. определили дальнейший ход русской истории, а следовательно, место и значение Северо-Запада Новгородской земли.

Однако структурная определенность и своеобразие региона, проступающие в XIII-XIV вв., явились следствием и притом одной из фаз процесса демогенезиса, единого и непрерывного со времени окончания ледникового периода [Герд и др. 1999]. Его ритм объединяет Верхнюю Русь с Северной Европой, в то же время во многом обособливает регион от соседних и родственных в языковом отношении восточно-славянских областей Восточноевропейской равнины, чем во многом определяется и драматичная история Новгорода Великого, проявившаяся, в частности, в трагических коллизиях его отношений с владими́ро-суздальскими государями, опиравшимися на ИКЗ Волго-Окского междуречья,

а в послемонгольское время — с князем Александром Невским и его московскими преемниками.

Восточнее Волхова и южнее Ладожского озера в IX-XII вв. сложилась практически лишенная славянского компонента культура курганов Южного Приладожья, объединившая финские и скандинавские элементы и связанная, вероятнее всего, с «колбягами», известными по «Русской Правде» и другими источникам (см. рис. 1, V, 14). В пределах Верхней Руси это — крайний случай формирования ИКЗ на неславянской основе (лишь с XIII-XIV вв. поглощаемой ближайшим «жалничным» ареалом), что свидетельствует о различной направленности и исходе «этнического состязания» на этой территории. Преимущественная

концентрация славянского компонента наблюдается в пределах ИКЗ сопки предшествующего периода, а концентрация жальников, видимо, отображает сравнительно высокий удельный вес в отдельных районах дославянского населения. В связи с этим обращает на себя внимание еще один компактный «жальничный» ареал в низовьях Великой, в районе Пскова-Изборска-Печор.

В целом же группировка археологических культур позволяет проследить динамику формирования ИКЗ и, в частности, установить время первого появления более или менее устойчивых в дальнейшем ареальных границ, выявить неоднократные колебания этой динамики и констатировать сложение итогового, достаточно стабильного соотношения ИКЗ в начале древнерусского времени.

По данным археологов, VIII в. — век возникновения города Ладога, а письменные источники позволяют судить, что уже в первой половине IX в. здесь было русско-варяжское наместничество. Следы скандинавского населения в Ладоге выявляются, в частности, по данным антропологии, до XII в. включительно [Санкина 1998; Тухтина 1987]. Неоднократно поднимавшийся в филологической литературе и активно поддержанный в последнее время рядом археологов вопрос о западно-славянской основе русских северо-западных диалектов требует особого рассмотрения, хотя как будто бы находит определенное подкрепление в последних археологических открытиях. Отметим основные этапы истории русских говоров и групп населения Поволховья, Приильмения и Приладожья.

1. Проникновение первоначальных потоков славянских поселенцев на Волхов и в Приильмие; последние археологические данные позволяют допустить начальное появление славян именно в низовьях Волхова, что заставляет вспомнить гипотезу В. Б. Вилинбахова о «морском» пути расселения славян из юго-западной Балтики [Вилинбахов 1963]; здесь их движение встречается с расселением восточных групп славян с верховьев Днепра в обход бассейна Великой и Западного Приильмения, возможно, «Серегерским путем», а затем по Ловати и ее притокам в Восточное Приильмие.

2. Формирование в Восточном Приильмие и в Поволховье в условиях словено-финского контакта и в формах культуры новгородских сопок и жальников Ладога-Тихвинской группы собственно севернорусских диалектов.

3. Продвижение севернорусов Поволховья на Лугу, Плюссу, Нарову.

4. Обособление, стабилизация и внешняя активизация севернорусского (новгородского) наречия в условиях активного словено-скандинавского политического союза.

5. Ассимиляция в рамках первичного объединения ближайших к словенскому севернорусскому ареалу племенных групп чуди и мери.

6. Консолидация на периферии славянского ареала этнокультурных массивов веси (вепсов), ижоры, корелы, води.

7. Федеративное объединение славяно-русских городов и земель Новгорода, Пскова, Ладоги и племенных территорий ижоры, корелы, води с их «племенными столицами» (не позднее 1270-1333 гг.).

Литература

- Авдусин 1991 — Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М., 1991.
- Алексеев 1968 — Алексеев Л. В. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 19*68.

- Башенькин 1989 — Башенькин А. Н. Некоторые общие вопросы культуры веи V-XIII вв. // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период): Межвуз. сб. трудов. Вологда, 1989.
- Белецкий 1990 — Белецкий С. В. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: Истоки и становление. Торопец, 1990.
- Белецкий 1993 — Белецкий С. В. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (Проблема соотношения) // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 6.
- Белецкий, Белецкий 1993 — Белецкий В. Д., Белецкий С. В. Раскопки в Псковском Кремле в 1992 году и проблема происхождения города Пскова // Отчетная сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 1993.
- Богуславский 1991 — Богуславский О. И. К хронологии юго-восточного Приладожья IX-XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.
- Булкин и др. 1978 — Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978.
- Вилинбахов 1963 — Вилинбахов В. Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1963.
- Герд, Лебедев 1991 — Герд А. С., Лебедев Г. С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // Сов. этнография. 1991. № 1.
- Герд и др. 1999 — Герд А. С., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Седых В. Н. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999.
- Глазырина 1984 — Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйнштейна»: К истории русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1983. М., 1984.
- Гумилев 1990 — Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Джаксон 1991 — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X-XIII вв.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988-1989. М., 1991.
- Джаксон, Мачинский 1989 — Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане, сыне Эйнштейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX-XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989.
- Долуханов, Носов 1985 — Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в IV-X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массой. Л., 1985.
- Дубов 1982 — Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л., 1982.
- Каргопольцев — Каргопольцев С. Ю. О ранних вещах в длинных курганах (в печати).
- Кирпичников 1979 — Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979.
- Кирпичников 1984 — Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников 1985 — Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Кирпичников, Сарабьянов 1996 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.
- Кирпичников и др. 1986 — Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Конецкий 1984 — Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.
- Конецкий 1987 — Конецкий В. Я. Население Приильменя в этнических процессах на Северо-Западе в VIII-XIII вв.: (К постановке проблемы) // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987.

- Конецкий 1989 — Конецкий В. Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1989.
- Конецкий, Носов 1985 — Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки Новгородской округи. Л., 1985.
- Константин 1989 — Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., комм, под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева М., 1989.
- Корзухина, Давидан 1969 — Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладogi//АО. 1968. М., 1969.
- Кузьмин 1998 — Кузьмин С. Л. О времени, характере и обстоятельствах славянского расселения на Северо-Западе // Ладога и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 декабря 1998 г.: Материалы к чтениям. СПб., 1998.
- Кузьмин, Мачинская 1989 — Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Ладога и ее округа в Vtll-X вв. // Тез. докл. XI Всесоюзной конференции скандинавистов. М., 1989.
- Лапишин 1985 — Лапишин В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв. (по археологическим данным): Автореф. канд. дис. Л., 1985.
- Лаул 1975 — Лаул С. К. Об этнической принадлежности курганов Юго-Восточной Эстонии: Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. // Вопросы финноугроведения. Саранск, 1975.
- Лебедев 1977 — Лебедев Г. С. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977.
- Лебедев 1981 — Лебедев Г. С. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. 1981. Вып. 166.
- Лебедев 1982 — Лебедев Г. С. Археологическое изучение Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). М., 1982.
- Лебедев 1985 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Лебедев 1987 — Лебедев Г. С. Северная часть «Пути из варяг в греки» (памятники и навигационные ориентиры Финского залива-Волхова-Ильмена-Ловати-Двинско-Днепровского междуречья) // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987.
- Лебедев 1993 — Лебедев Г. С. Русь Рюрика как объект археологического изучения // Скифы, сарматы, славяне, Русь: Сб. статей в честь Д. А. Мачинского // Петербургский археологический вестник. Вып. 6. СПб., 1993.
- Лебедев, Рябинин 1978 — Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
- Лебедев, Жвиташвили 1999 — Лебедев Г. С., Жвиташвили Ю. Б. Дракон «Нево» на Пути из Варяг в Греки. СПб., 1999.
- Лебедев и др. 1982 — Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М. Археологическая карта Верхнего Полужья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Леонтьев 1991 — Леонтьев А. Е. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси): Автореф. докт. дис. М, 1991.
- Леонтьев 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М, 1996.
- Лесман 1988 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): Автореф. канд. дис. М., 1988.
- Ляпушкин 1966—Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Культура Древней Руси. М., 1966.
- Ляпушкин 1968 — Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.
- Ляпушкин 1971 — Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Мачинский 1981 — Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

- Мачинский 1986 — Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Мачинский 1989 — Мачинский Д. А. Колбязи «Русской Правды» и приладожекая курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1989.
- Мачинский, Мачинская 1988 — Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Старая Ладога VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.
- Мельникова и др. 1984 — Мельникова Е. А., Петрухт В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (к постановке проблемы) // История СССР. 1984. № 3.
- Микляев 1981 — Микляев А. М. Археологическая география — задача, метод и первые результаты // Контакты и взаимодействие древних культур. Л., 1981.
- Назаренко 1979 — Назаренко В. А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Носов 1974 — Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // ВИД. Вып. 6. Л., 1974.
- Носов 1976 — Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-волжского пути конца VIII-X вв. // ВИД. Вып. 8. Л., 1976.
- Носов 1981 — Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164.
- Носов 1982 — Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных // Новгородский исторический сборник. Вып. 2(12). Л., 1982.
- Носов 1990 — Носов Е. Н. Новгородское Рюриково Городище. Л., 1990.
- Пацуто 1970 — Пацуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории Восточной Европы // Скандинавский сборник. Вып. 15. Таллин, 1970.
- Петров 1999 — Петров Н. И. «Могила превысокие»: Погребальные памятники Новгородской земли. СПб., 1999.
- Платонова 1988 — Платонова Н. И. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. канд. дис. Л., 1988.
- Платонова 1991 — Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991.
- Равдоникас 1924 — Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.
- Рябинин 1985 — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Рябинин 1991 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси (к истории славяно-финских культурных связей): Историко-археологическое исследование: Автореф. докт. дис. Л., 1991.
- Рябинин 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
- Рябинин, Черных 1988 — Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Сов. археология. 1988. № 1.
- Рябинин — Рябинин Е. А. Городище Любша (в печати).
- Сакса, Тюленев 1990 — Сакса А. И., Тюленев В. А. Корела // Финны в Европе VI-XV вв. 4.2: Русь, финны, саамы, верования. М., 1990.
- Санкина 1998 — Санкина С. Л. Скандинавы в составе населения Старой Ладоги (XI-XII вв.) // Ладога и эпоха викингов. СПб., 1998.
- Седов 1970 — Седов В. В. Новгородские сопки II САИ. Е1-8. М., 1970.
- Седов 1974 — Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ. Е1-8. М., 1974.
- Седов 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
- Седов 1990 — Седов В. В. Топоним «Изборск» // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 11. Псков, 1990.

- Сениченкова 1998 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги УЩ-Х вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореф. канд. дис. СПб., 1998.
- Славяне и скандинавы 1986 — Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1986.
- Спицын 1899 — Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. № 8.
- Средневековая Ладога 1985 — Средневековая Ладога; Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985.
- Тухтина 1987 — Тухтина Н. В. К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1987.
- Тюленев 1980 — Тюленев В. А. Предыстория древнего Выборга // Строительство и архитектура Ленинграда. 1980. Вып. 1.
- Тюленев 1982 — Тюленев В. А. Каменные оборонительные сооружения Выборга XIII-XVI вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1982.
- Тюленев 1984 — Тюленев В. А. К вопросу о дошведском поселении на месте Выборга // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Тюленев 1995 — Тюленев В. А. Изучение старого Выборга. СПб., 1995.
- Черных 1985 — Черных Н. Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Шмидт 1968 — Шмидт Е. А. О Смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.
- Hackman 1910 — Hackman A. Ett Fornfynd pa Tytasaari // Finska viken. Kaukomieli. Vibogske ardelningen. T. 4. Helsinki, 1910.
- Lebedev 1980 — Lebedev G. S. On the early date of the Way «from the Varangians to the Greeks» // Fenno-ugri et Slavi. 1978. Helsinki, 1980.
- Lebedev 1996 — Lebedev G. S. St. Petersburg in the Baltic expanse — Prerequisites and genesis of the megapolis // Karelia and St. Petersburg: From Lakeland interior to European Metropolis / Ed. E. Varis, S. Porter. Joensuu, 1996.
- Stang 1996 — Stang H. The Naming of Russia // Meddelser Universitetet i Oslo Slavisk-baltisk avdelning 1996, 77. Oslo, 1996.

ВЕРХНЯЯ РУСЬ В СВЕТЕ ДАННЫХ РУСИСТИКИ

Выделение ИКЗ Верхней Руси (ВР) было нами обосновано ранее [Основания регионалистики 1999]¹.

Диалекты Верхней Руси входят в единую Северо-Западную диалектную зону (рис. 1) и во многом в общую Западную диалектную зону (рис. 2).

О чем свидетельствуют, в частности, языковые факты русских диалектов Верхней Руси?

Псковская область. Когда говорят о псковских говорах, обычно имеют в виду русские диалекты современной Псковской области. Однако с позиций диалектологии и лингвистической географии на территории Псковской области выделяется не одна, а несколько групп говоров. Это такие говоры, как: 1) южнопсковские, 2) среднепсковские (собственно псковская группа), 3) северопсковские, 4) восточнопсковские, 5) юго-западные псковские, 6) гдовские.

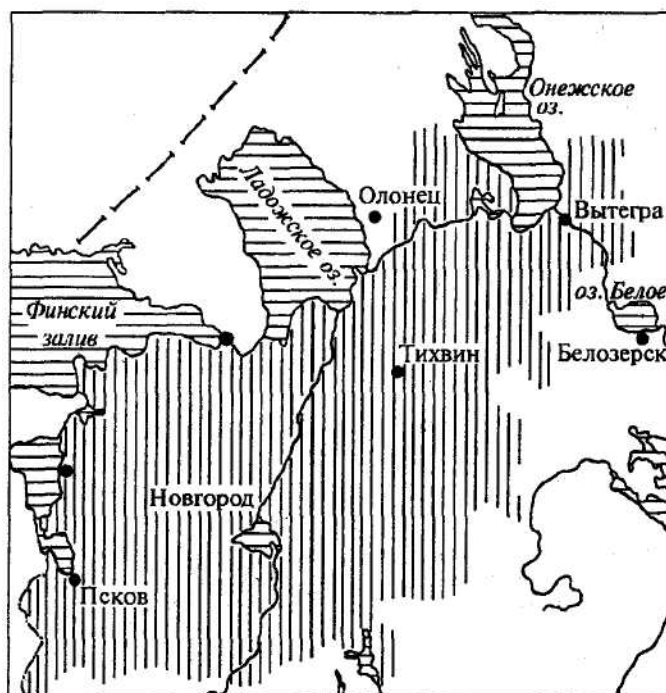

Рис. 1. Северо-Западная диалектная зона (вертикальная штриховка).

Рис. 2. Западная диалектная зона (косая штриховка).

¹Источники построения очерка см. на с. 70-71.

Основанием для выделения разных типов говоров являются достижения русских полевых диалектологов и лингвогеографов, для которых Псковская область в течение столетия служит своеобразным полигоном отработки методов и приемов русской диалектологии.

Любая диалектная граница — это всегда достаточно широкая переходная зона шириной от 7-8 до 15-20 км. Так, по итогам многолетних исследований в области фонетики, грамматики и, в особенности, лексики на территории псковских говоров выделяются следующие основные типы диалектных границ (изоглосс).

1. Себеж, Пустошка, Невель, Великие Луки на восток иногда до Торопца, Холма.
2. Красно городское, Опочка, Пушкинские Горы, Новоржев и далее на юг до Великих Лук, Торопца, Холма.
3. Красногородское, Пыталово, реже до Острова, Печор, Новоржева, на восток до Великих Лук, Торопца, Порхова, реже до Струг Красных, изредка захватывая Псков. Эта зона дугой огибает самый центр Псковщины и ее ядро вокруг Пскова.
4. Великие Луки, Торопец, Холм, на севере до Ашево, Дедович, но не севернее, на западе до Локни, Новоржева, Дедович.
5. Великие Луки, на севере полудугой до Холма, Новоржева, Дедович, Плюсссы, Гдова, на юго-западе иногда (редко) до Пустошки, Опочки, Себежа.
6. Опочка, Локня, Великие Луки.
7. Печоры, Псков, Остров, Порхов.
8. Псков, Середка, Порхов, иногда до Дедович, Новоржева, реже до Холма, Торопца.
9. Гдов, Ляды, Плюсса, на восток к Порхову до Холма, Торопца, Локни, изредка полудугой до Себежа.

10. Гдов, Ляды, узкой полосой вдоль Чудского и Псковского озер по берегу вдоль озера к Печорам, реже до Острова, Пыталова.

11. Гдовский угол, исключая все другие говоры Псковщины.

Собственно Псковскую группу говоров (западную группу среднерусских говоров) по современной классификации образуют только гоюры к югу от Пскова, Порхова и к северу от районов Себежа, Опочки, Пустошки, Великих Лук, продолжаясь и на восток до Торопца, Осташкова.

Такова картина современного диалектного членения Псковской области. К этому следует добавить, что на крайнем западе области, в Печорском районе, бок о бок с русскими проживают сету, группы православных эстонцев, носителей вырусского диалекта эстонского языка.

Таким образом, на территории современной Псковской области выделяются следующие основные ареальные микрозоны: Северно-Псковская; Гдовская; Средне-Псюовская; Южно-Псковская; Восточно-Псковская; Западно-Псковская; Юго-Западная к западу и юго-западу от р. Великая (основные группы говоров см. рис. 3).

Новгородская область (губерния) в различных очертаниях ее границ разных времен не раз подвергалась диалектологическому обследованию. Отметим основные пучки изоглосс и диалектные зоны в границах современной Новгородской области (рис. 4).

1. Граница между Западноновгородской и Восточноновгородской зонами — вверх по р. Волхов, начиная от городов Кириши, Чудово к Новгороду, через Ильмень и далее вверх по Ловати до Поддоря, Холма.

Эта граница разделяет две основные группы новгородских говоров:

- 1) западноновгородскую (к западу от границы);

2) восточноновгородскую (к востоку от границы).

При этом западная граница западноновгородской диалектной зоны, начинаясь еще в Принаровье, вдет по р. Плюсса к поселку Ляды Псковской области и далее по р. Люта к Стругам Красным и Порхову.

Противопоставление говоров по обоим берегам Ловати отчетливо видно на многих картах ДАРЯ и имеет глубокий исторический характер. Южнее Поддорья-Холма на периферии Новгородской области это противопоставление перекрывается мощной границей, идущей с территории Псковской области от Себежа и Опочки на Поддорье, Холм, Марево и далее на Верхневолжские озера, которая выделяет в Новгородской области особую подгруппу холмско-поддорских говоров (см. рис. 4, граница д).

Доказательством выделения отмеченных выше зон и микрозон являются не только различные исследования прежних лет, карты ДАРЯ, но и сотни слов Новгородского областного словаря, группирующихся вокруг районных географических помет.

При этом в пределах западноновгородской группы говоров обособляются: во-первых, особая зона (овал) к северу от устья р. Шелонь, левый берег (бассейн р. Мшага) и районы к северу от деревень Костыжицы, Ситня; во-вторых, собственно Поозерье (см. рис. 4, микрозоны 2, 3) до Сергово на юге; иногда левый берег Шелони и Поозерье объединяются в одну зону.

В целом говоры Западного Приильменя противостоят говорам Восточного Приильменя.

2. Мстинская зона — переходная зона в бассейне р. Мста. Граница по Мсте от Новгорода до Любьгино прослеживается на многих картах ДАРЯ. Мстинская группа всегда тяготеет не к югу, а к правобережью Волхова (см. рис. 4, граница з).

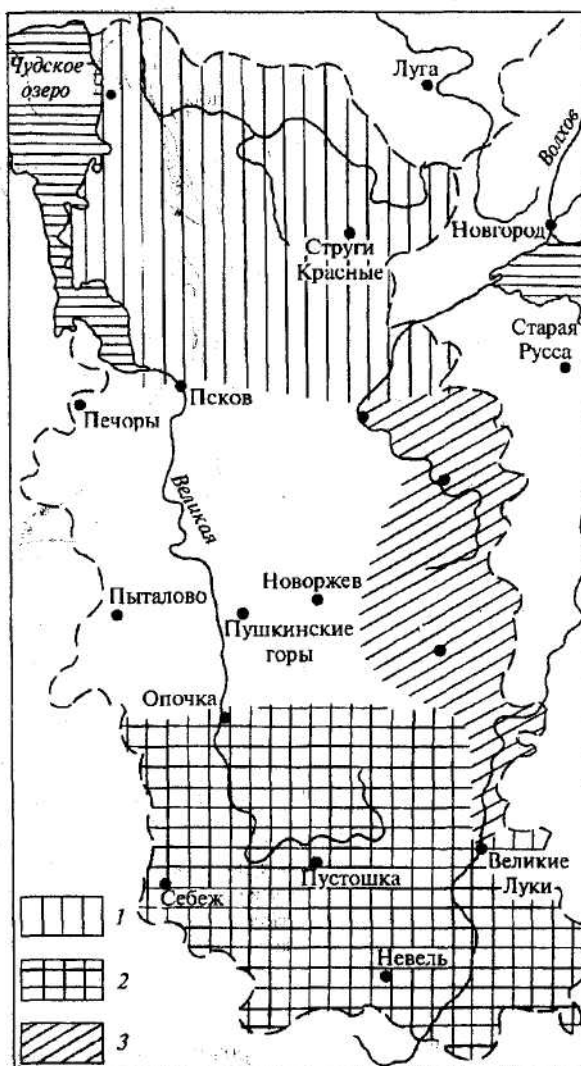

Рис 3. Диалектное членение Псковской области (по данным [ЛАВР]).

Языковые особенности: 1 — северо-псковские, 2 — южно-псковские, 3 — новгородские.

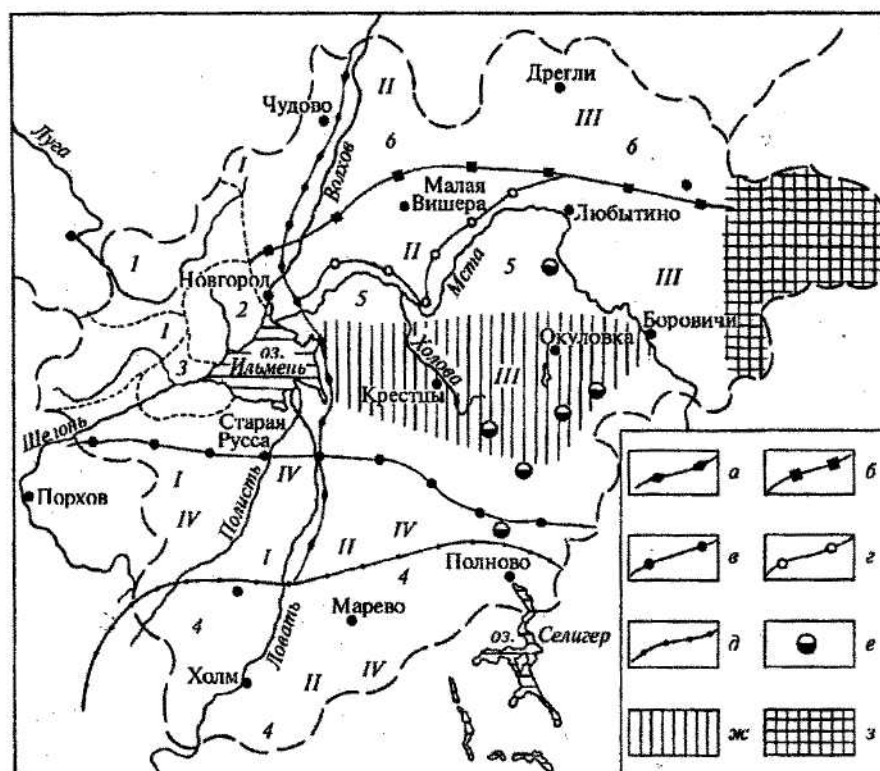

Рис 4. Диалектное членение Новгородской области (по данным [ЛАВР]).

а — граница между Западноновгородской (I) и Восточноновгородской (Я) диалектными зонами; *б* — южная граница чудово-дрегельских говоров; *в* — граница между Северновгородской (III) и Южноновгородской (IV) диалектными зонами; *г* — граница говоров по р. Мста; *д* — северная граница Среднеловатской зоны; *ж* — современные говоры карел; *жс* — Боровичско-Крестецкая зона; *з* — Белозерская зона. Диалектные микрозоны: 1 — Верхнелужская, 2 — Поозерье, 3 — Нижнелужская, 4 — Среднеловатская, 5 — Мстинская, 6 — Пашско-Тихвинская.

3. Размытая аморфная микрозона боровичско-крестецко-валдайского треугольника по линиям Боровичи-Крестцы-Ильмень-Вавдай (см. рис. 4, микрозона *жс*).

Ленинградская область. На западе Ленинградской области по данным ЛАВР отметим следующие ареальные зоны.

1. Ижорские плато — к северу от линии нижнее течение Луга-Кингисепп (Ямбург)-Волосовс—Кикерино-Тосно-бассейн р. Мга

2. Курголовский полуостров и левый берег Луги в ее низовьях.

3. Мощный клин с юга на север между линиями с юга Кингисепп-Волосово, на севере Лебяжье-Ораниенбаум. Обычно это заход западноновгородских, верхнелужских и вообще севернорусских явлений.

4. Курголово и Копорская губа (прибрежные районы).

5. Мыс Серая Лошадь.

6. Микрозона Лебяжье-Ораниенбаум.

?. Мыс Колгомя.

В бассейне р. Луга выделяются следующие зоны.

1. Верхняя Луга (с верховьев до района г. Луга).
2. Район г. Луга и некоторый особый овал на юг.
3. Ящера-Большой Сабек.
4. Ниже Большого Сабека.

В бассейне р. Плюсса выделяются следующие микрозоны.

1. Нижняя и средняя Плюсса, часто захватывая Гдов.
2. Большая переходная зона «северу от поселка Ляды-г. Луга (Большой Сабск)-бассейн р. Люта.

На востоке Ленинградской области отметим четыре микрозоны.

1. Единую Ладого-Тихвинскую зону, охватывающую территорию от среднего течения Мсты на юге до Свири на севере, от Волхова на западе до Чагоды и верховьев Суды на востоке.

2. Два микроареала: первый — Пашско-Тихвинский к югу и второй — Оятский к северу от течения рек Каплю, Кондега, нижнего течения Паши. Первый — северной границей имеет течение этих рек, а южной — верховья рек Луга, Волхов, среднее течение Меты. Оятская микрозона к северу от рек Капша, Кондега, нижнее течение Паши южной границей имеет течение этих рек, а северной — бассейн Свири.

3. Две зоны на границе, пересекающей бассейн р. Свирь в районе Усланка-Яндеба на нижнее и верхнее течение Свири. Зона к югу и юго-востоку от Усланки-Яндебы на юге сливается с Оятской зоной, а зона к северу от Усланки образует единый ареал с Южным Прионежьем в районе Вознесенья, Ладвы, Шелтозера, Вытегры.

4. Вычленяется особая зона в бассейне рек Колпь, Лидь.

Таким образом, в административных пределах современной Ленинградской области выделяются следующие ареальные зоны (обозначены арабскими цифрами на рис. 5).

Прибалтийская и Ладого-Тихвинская зоны

1 — Гдовская.	10 — Новолодожская.
2 — Принаровская.	11 — Лужско-Волховская.
3 — Нижнелужская.	12 — Верхнелужская.
4 — Курголовская.	13 — Пашско-Тихвинская.
5 — Сойкинская.	14 — Оятская.
6 — Копорская.	15 — Нижнесвирская.
7 — Ковашская.	16 — Александрово-Свирская.
8 — Ингерманландская.	17 — Верхнесвирская.
9 — Приневская.	18 — Прионежская.

В целом в рамках Верхней Руси отметим следующие ареальные зоны.

1. Единая Псковско-Новгородско-Тверская диалектная зона — одна из самых сильных и ярких микрозон ВР (псковские, новгородские и тверские, преимущественно западнотверские, диалекты).

2. Единая Псковско-Новгородская зона (факты псковско-новгородских междиалектных связей).

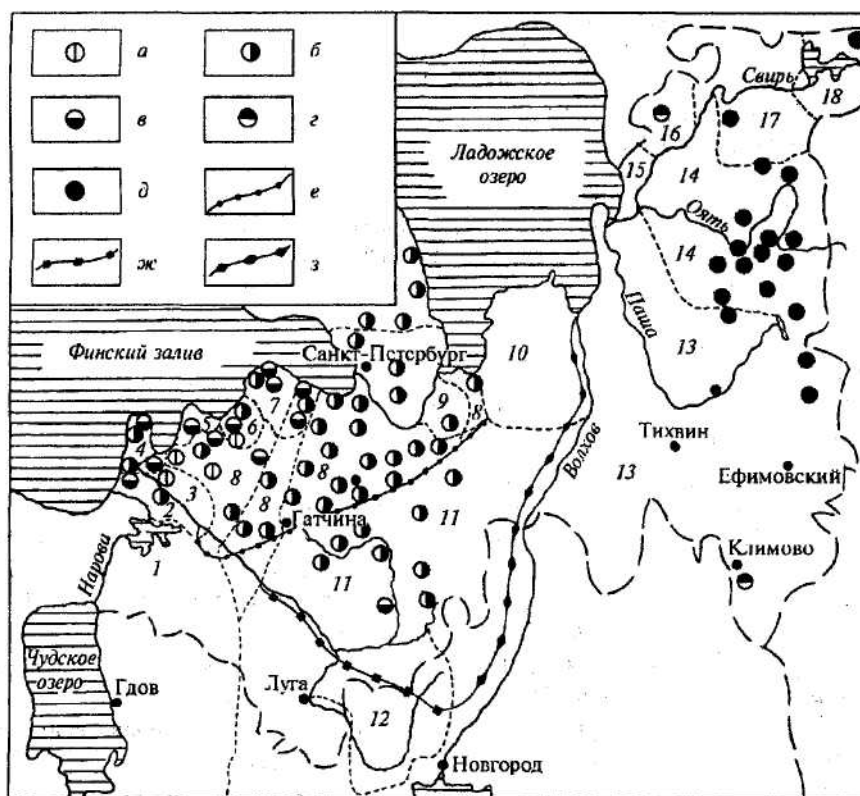

Рис. 5. Диалектное членение Ленинградской области (по данным [ЛАВР]).

а — поселения води, *б* — поселения финнов, *в* — поселения ижоры, *г* — поселения карел, *д* — поселения вепсов, *е* — южная граница Ингерманландской зоны, *ж* — северная граница Псковско-Гдовской зоны, *з* — граница между Прибалтийской и Ладого-Тихвинской зонами.

3. Собственно Псковская зона, преимущественно в границах между линиями Гдов, Середка, Новоселье, Порхов, Дно, Дедовичи, Новоржев и Красногородское (Себеж), Опочка, Пустошка (Локня, Новоржев), Великие Луки, Торопец, Андреаполь.

4. Единая зона, объединяющая псковские говоры, Западное Приильменье, запад Ленинградской области, бассейн р. Луга.

5. Зона, объединяющая Юго-Восточное Приладожье, Поволховье, восток и юг Псковской области (исключая центральную часть Псковской области).

6. Зона, объединяющая Приладожье, Поволховье не южнее Новгорода, р. Мста. Эта зона противопоставлена бассейнам Луги, Плюсы, оз. Ильмень.

Таковы факты внутриареального членения диалектов Верхней Руси. Многочисленные исследования по русским северо-западным диалектам позволяют сегодня уже достаточно четко очертить их место, среди других русских диалектов (рис. 6).

Следующий этап реконструкции истории диалектов ВР связан с определением разных типов внешних междиалектных связей с другими диалектами, прежде всего связей с другими славянскими языками и диалектами. Отметим ниже эти типы связей.

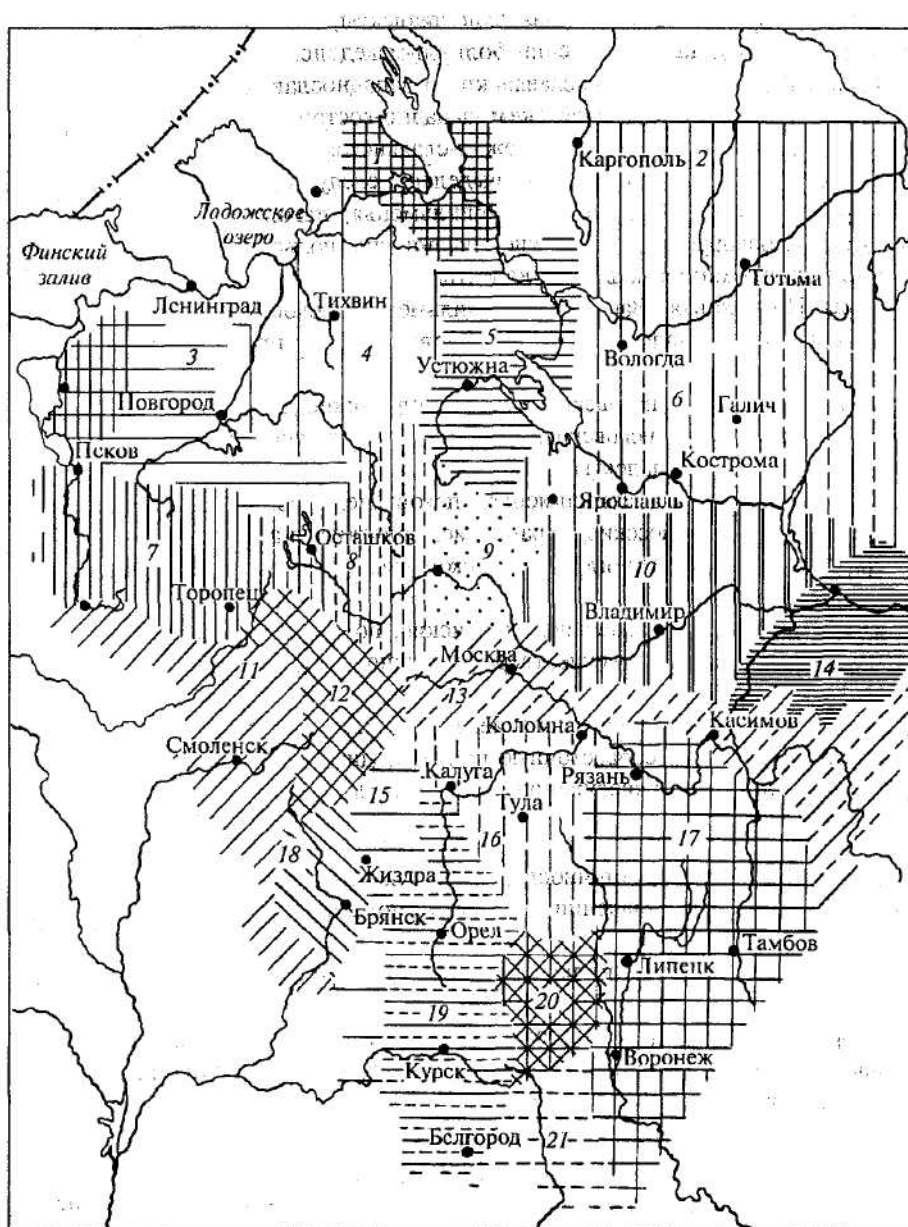

Рис. 6. Диалектное членение русского языка (по данным [Захарова, Орлова 1970]).

1 — Онежская группа, 2 — Вологодская группа, 3 — Новгородские говоры, 4 — Ладого-Тихвинская группа, 5 — Белозерско-Бежецкая группа, 6 — Костромская группа, 7 — Псковская группа, 8 — Селигерско-Торжковские говоры, 9 — Калининская группа, 10 — Владимиро-Поволжская группа, 11 — Западная группа, 12 — Верхне-Днепровская группа, 13 — Восточные среднерусские говоры, 14 — Горьковская группа, 15 — Межзональная группа, 16 — Тульская группа, 17 — Рязанская группа, 18 — Верхне-Деснинская группа, 19 — Курско-Орловская группа, 20 — Елецкая группа, 21 — Оскольская группа.

I. Говоры ВР, общеславянский диалектный континуум.

II. Говоры ВР, другие восточнославянские диалекты, западнославянские и южнославянские диалекты в их противопоставлении болгаро-македонской зоне.

III. Говоры ВР, другие восточнославянские и западнославянские диалекты в их противопоставлении диалектам южнославянским (западно-восточнославянский ареальный континуум в его противопоставлении ареалу южно-славянскому).

Внутри последнего типа могут быть выделены следующие подтипы связей.

1. Говоры Поволховья¹, Западного Приильменя, псковские, смоленские, брянские, курско-орловские, белорусские, полесские, украинские, польские, нижнелужицкие, словацкие диалекты, иногда минуя чешские диалекты.

2. Говоры Поволховья, Западного Приильменя, псковские, смоленские, брянские, курско-орловские, белорусские, украинские, словацкие в их противопоставлении польским и чешским диалектам.

3. Говоры Поволховья, псковские и только словацкие диалекты.

4. Говоры Поволховья, псковские, смоленские, брянские, курско-орловские, белорусские, полесские, польские диалекты.

5. Говоры Поволховья, Приильменя, псковские, смоленские, брянские, курские, орловские, белорусские, полесские, украинские, польские диалекты.

6. Говоры Поволховья, Приильменя, псковские, реже смоленские и только польские диалекты.

7. Говоры Поволховья, псковские, украинские, польские, словацкие диалекты.

8. Говоры Поволховья, псковские, тверские, южнорусские диалекты и только словацкие, реже украинские диалекты.

9. Южно- и среднепсковские, брянские, мазовецкие, кашубские диалекты.

10. Среднепсковские, северо-восточные польские диалекты.

11. Севернопсковские, нижнелужицкие, польские диалекты.

12. Псковские, польские диалекты.

IV. Говоры ВР, остальные восточнославянские диалекты (восточнославянский ареальный континуум в его противопоставлении западно-южнославянскому). Отметим ряд подтипов данного типа связей.

1. Говоры Поволховья, Приильменя, псковские, смоленские, брянские и только украинские диалекты.

2. Новгородские, псковские, западнотверские, смоленские, украинские диалекты.

3. Говоры Поволховья, Приильменя, псковские, реже тверские не южнее Опочки, Великих Лук, Ржева и только украинские диалекты.

4. Новгородские, западноукраинские диалекты.

5. Псковские, новгородские, белорусские диалекты.

6. Говоры Поволховья, Приильменя, псковские, смоленские, брянские, курские, орловские, белорусские, полесские диалекты.

7. Новгородские (центр), белорусские (центр) диалекты.

8. Новгородские, северо-восточные белорусские, частично севернорусские диалекты.

9. Псковские, новгородские, северобелорусские диалекты.

¹Ниже под говорами Поволховья понимаются говоры, входящие в Ладого-Тихвинскую диалектную зону [Русская диалектология 1964].

10. Псковские, западнорусские, белорусские диалекты.
11. Новгородские, псковские, западнотверские, смоленские, белорусские, включая полесские, но исключая другие украинские диалекты.
12. Новгородские, южнопсковские, западнотверские, смоленские, брянские, витебские, могилевские, реже центральные и северо-западные белорусские диалекты.
13. Новгородские, западнорусские, белорусские (кроме полесских), севернорусские диалекты.
14. Севернопсковские, среднеднепровские, полесские диалекты.
15. Среднепсковские, южнопоковские, смоленские, калужские, орловские, курские, витебские, могилевские, белорусские северо-западные диалекты.
16. Псковские, тверские, верхнеднепровские, калужские, тульские, рязанские диалекты.
17. Псковские, западнорусские, тверские, калужские диалекты.
18. Южнопсковские, тверские, смоленские, мещерские диалекты.
19. Псковские, новгородско-смоленские диалекты.
20. Псковские, тверские осташковские диалекты.

V. Различные данные позволяют очертить сильную и четкую единую диалектную зону, включающую курско-орловские, брянские, смоленские, калужские, восточные, северо-восточные белорусские диалекты (к востоку от линии Вильнюс-Минск-Гомель) и говоры южной Псковщины в целом не севернее линии Опочка-Великие Луки-Кунья.

В этой группе следует выделить также ареал, который объединяет говоры Поволховья, псковские диалекты, русские говоры Прибалтики, белорусские говоры не южнее линии Поставы-Глубокое-Витебск (реже до Могилева), т. е. преимущественно говоры в бассейне Западной Двины.

VI. Отметим особо следующие типы объединений и противопоставлений, в которые вступают переходные говоры в районе оз. Селигер.

1. Селигер, среднерусские, западнорусские, южнорусские — *южнопсковские, смоленские, курские, брянские* диалекты.
2. Селигер, псковские, южнорусские — *севернорусские* диалекты.
3. Селигер, южные, юго-западные, среднерусские — *псковские* диалекты.
4. Селигер, среднерусские, восточнорусские диалекты — *озера Пет, Вселуг, псковские, брянские, смоленские, курские* диалекты.
5. Селигер, севернорусские, среднерусские — *среднепсковские, южнопсковские, смоленские, брянские, курские, орловские* диалекты.
6. Селигер, севернорусские, среднепсковские, северопсковские диалекты — *южнорусские* диалекты.

В целом говоры в районе оз. Селигер чаще объединяются с диалектами южнее линии Порхов-Марёво-Валдай-Тверь-Клин. Однако даже там, где Селигер тяготеет к западным среднерусским (псковским) говорам, осташковские и пеновские говоры чаще объединяются с говорами к югу от Острова, Пушкинских Гор, Новоржева, Холма, а говоры вокруг Пскова в эти объединения входят реже.

Материалы ДАРЯ также свидетельствуют о прочных связях говоров района Селигера с севернорусскими диалектами.

—¹ Сначала приводятся говоры, с которыми Селигер объединяется, а курсивом — те, которым он противопоставлены.

трактоваться и как суперстрагные, древнеиндоевропейские, т. е. того неолитического населения, которое предшествовало и бантам, и прибалтийским финнам. Больше всего таких названий в Врсточном Причудье.

Согласно Агеевой, 5% от общего числа гидронимов составляют финно-угорские названия. Например: реки Вайминка, Веньга, Веренда, Визуй, Вой, Вокша, Кебь, Кукса, Луга, Оя; озера Вань, Ворзо, Ильмень, Кудо.

Таким образом, в целом вне зависимости от спора об отдельных словах и фактах очевидно, что для дославянского периода на территории ВР выделяются два основных языковых типа: финно-угорский и балтийский.

Русские диалекты Ладого-Тихвинской зоны и сегодня еще представляют собой архаический новгородский диалект в его наиболее чистом виде. При этом они отражают именно общий новгородско-псковский этап в истории развития русских северо-западных диалектов. В частности, в диалектах этой зоны практически отсутствуют какие-либо специфические псковизмы. При этом южная (пашско-волховская) часть говоров Поволховья и Приладожья от Капши (Новинка), Кондеги на севере и до верховьев Волхова и среднего течения Меты на юге представляет собой на редкость гармоничное и целостное единство, не разделенное никакими изоглоссами.

Напротив, к северу от рек Паша, Капша, Кондега определенно выделяется Оятская группа говоров.

Специфика славянско-финского взаимодействия в истории говоров Поволховья и Юго-Восточного Приладожья объясняется, по-видимому, тем, что к моменту прихода новгородцев на эти земли в низовьях Волхова, на Сяси, Тихвинке, Кашне, Кондеге, в места, достаточно дикие и глухие, к северу от Новгорода, Ладого, прибалтийско-финское население было довольно редким и немногочисленным, а племена, которые здесь обитали, — достаточно однородными в языковом отношении.

Встреча и постоянное взаимодействие новгородцев с носителями вепсской речи на Ояти оказали на русский диалект гораздо большее воздействие, чем на русские говоры Пашско-Волховской зоны.

В любом случае в лингвистическом отношении Оятская микрizona уже издавна представляет тр'и типа языка: 1) древнейший вепсский; 2) относительно «чистый» от субстратных влияний русский диалект в низовьях Ояти и Свири; 3) русский смешанный диалект, возникший в результате взаимодействия с вепским, чаще всего через стадии вепско-русского билингвизма.

Таким образом, Пашско-Волховская диалектная зона демонстрирует один тип языкового развития, а Оятская — несколько другой, в котором билингвизм и смешанные типы языкового общения с самого начала занимали важное место в языковой эволюции (подробнее историю формирования диалектных зон ВР см.: [Основания регионалистики 1999]).

Литература

- Агеева 1989 — Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Основания регионалистики 1999 — Основания регионалистики / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999.
- Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Источники

- Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Веста. Моск. ун-та. 1947. № 9.
- Андреев В. К. Названия построек и их частей в псковских говорах: Автореф. канд. дис. СПб., 1993.
- Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Ашиток Н. И. Псковско-прикарпатские параллели: Автореф. канд. дис. Киев, 1988.
- Васильев В. Л. Географическая терминология в говорах Новгородской области (ареально-семасиологический анализ на восточнославянском фоне): Автореф. канд. дис. СПб., 1995.
- Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.
- Восточнославянские изоглоссы. М., 1995; 1998.
- Герд А. С. О языковом союзе на Северо-Западе РСФСР // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1978.
- Герд А. С. Диалектное членение русских говоров на Северо-Западе РСФСР // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Т. II. М., 1984.
- Герд А. С. Из псковско-брянских лексических параллелей (к вопросу о «белорусском» влиянии на язык Пскова) // Брянские говоры. Л., 1985.
- Герд А. С. К истории говоров к юго-западу от Пскова // Диалектная лексика. 1987. СПб., 1991.
- Герд А. С. Лингвогеографическое членение Псковской области по данным лексики // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Герд А. С. К истории говоров к востоку от Пскова // Вопросы теории и истории языка. Л., 1993.
- Герд А. С. Русская историческая диалектология в кругу смежных дисциплин // Вопр. языкознания. 1995. №2.
- Герд А. С. К истории говоров Западного Приильмения // Говор. Сыктывкар, 1996.
- Герд А. С. Лингвистический атлас Верхней Руси. СПб., 1996 (ЛАВР):
- Герд А. С. Историческая диалектология и историческая география (на материале псковских и новгородских говоров) // Псковские говоры. Oslo, 1997.
- Герд А. С. Славянская историческая диалектология и история регионального языка // Слово и культура. Т. I. М., 1998.
- Герд А. С. Лингвогеографическое членение Новгородской области // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 1998.
- Герд А. С. Язык и речь населения Псковского края // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков / Под ред. А. В. Гадло. 1999.
- Герд А. С. Лингвогеографическое членение Ленинградской области // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2001.
- Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси: История ландшафта. СПб., 2001.
- Герд А. С., Мокиенко В. М. К проблеме членения славянских диалектов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
- Глушкина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. Псков, 1973.
- Горишкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.
- Денисенко Ю. Ф. Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья: Автореф. канд. дис. СПб., 1994.
- Диалектологический атлас русского языка. Т. I. М., 1986; Т. II. 1989 (ДАРЯ).

¹В источниках представлены многочисленные дополнительные факты.

- Дыялекталагічны атлас беларускай мовы.* Мінск, 1963 (ДАБМ).
- Записняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1996.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка М, 1970.
- Зеленин Д. К.* О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Вып. IV. М., 1954.
- Копорский С. А.* Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. Калнинин, гос. педагог, ин-та. 1946, Т. 10,
- Крысью В. Б.* Заметки о древненовгородском диалекте // Вопр. языкознания. 1994. № 5.
- Лаучюте Ю. А.* Лексические балтизмы в славянских языках: Автореф. канд. дис. Л., 1971.
- Меркулов Ю. Н.* Лексика рыбаков озера Селигер: Автореф. канд. дис. Л., 1974.
- Ларин Б. А.* Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963.
- Лутовинова И. С.* Слово о пище русских (к истории слов в русском языке). СПб., 1997.
- Мжельстя О. С.* Местная лексика в псковской деловой письменности; Автореф. канд. дис. Л., 1956.
- Мотенко В. М.* Лингвистический анализ местной географической терминологии: Автореф. канд. дис. Л., 1969.
- Муллонен И. И.* Гидрошшия бассейна р. Оять: Автореф. канд. дис. Тарту, 1983.
- Новгородский областной словарь* / Под ред. В. П. Строговой. Вып. 1. Новгород, 1992; Вып. 12. 1995.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров.* М., 1970.
- Основания регонапистики* / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999.
- Півторак Г. П.* Формування і далектна диференціяція давньоруської мови. Київ, 1988.
- Псковские говоры.* Псков, 1962, 1968, 1973, 1979, 1988, 1991, 1995, 2001.
- Псковский областной словарь с историческими данными* / Под ред. Б. А. Ларина, А. И. Лебедевой и др. Вып. 1. Л., 1967; Вып. 13. СПб., 2001.
- Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Русская диалектология* / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
- Севернорусские говоры.* Вып. 1. Л, 1970; Вып. 2. 1975; Вып. 3. 1979; Вып. 4. 1984; Вып. 5. 1989; Вып. 6. СПб., 1995; Вып. 7. 1999.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 1994; Вып. 4. 1999; Вып. 5. 2002.
- Трубачев О. Н.* Эгаогенез и культура древнейших славян. М., 1991.
- Филин Ф. П.* Очерки истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940.
- Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Д., 1972.
- Филин Ф. П., Мальцев М. Д.* Лингвистический атлас района озера Селигер. М; Л., 1949.
- Храмцова В. П.* Лексика псковских рыбаков: Автореф. канд. дис. Л., 1969.
- Чайкина Ю. И.* Лексика Белозерья в историческом аспекте: Автореф. докт. дис. Л., 1974.
- Якубинский Л. П.* Образование народностей и их языков // Веста Ленингр. ун-та. 1947. № 2.

ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕЙ РУСИ

На территории Верхней Руси — в районе, ограниченном с запада р. Нарова, Псковским и Чудским озерами и левыми притоками р. Великая, с юга водоразделом Западной Двины и Верхней Волги, с востока — междуречьем Меты и Мологи, с севера Сясью и Тихвинкой, Ладожским озером, Невой и Финским заливом, первое население появляется на финальной стадии мезолита. Крайне немногочисленные памятники этого времени известны на западе региона.

Более широко распространены памятники следующей по времени эпохи неолита. Они представлены большим скоплением стоянок в Полужье (в районе оз. Сяборо, а также озер Мерево и Келло). Однако все эти памятники также недостаточно многочисленны для того чтобы наметить картину заселения края.

Традиционно самую распространенную группу погребальных памятников Северо-Запада второй половины I тыс. н. э. принято именовать длинными курганами. Они встречаются практически по всей территории, ограниченной с запада Чудским озером (но есть и в Эстонии), бассейном р. Великан, верховьями Ловати, селигерскими озерами, к северо-востоку уходят до Мстинско-Моложского междуречья и бассейна Суды. Эту группу древностей, традиционно принято именовать псковскими (псково-новгородскими, псковско-вологодскими, псковско-боровичскими) длинными курганами, в отличие от группы смоленских (смоленско-полоцких) длинных курганов. Памятники отличаются широкое разнообразие типов насыпей: встречаются круглые высокие (до 3–4 м) курганы, равно как и небольшие (ок. 0,2 м в высоту), почти плоские насыпи. В то же время сама группа памятников получила свое название по наиболее характерным длинным курганам (до 100 м в длину). Распространены также различные комбинированные погребальные сооружения. Могильники этой группы могут включать от двух-трех до нескольких десятков насыпей, встречаются и одиночные курганы. Носители культуры, связанной с этими памятниками, практиковали как сожжение на стороне (прах часто помещали компактно, вероятно, в каком-либо простейшем, например берестяном, сосуде), так и на месте. В целом весь пласт указанных древностей представляется достаточно единым. Имеющиеся в историографии попытки создания четкой хронологии указанных древностей пока не дали окончательного результата. Могильники группы длинных курганов датируются, в основном, V–IX вв. н. э., наверняка существовали курганы и несколько более позднего времени.

Погребальный инвентарь длинных курганов достаточно скуден. Встречается керамика, грубая, лепная; стеклянные бусы, бронзовые головные и поясные украшения и пр.

Погребальные древности — важнейший источник, позволяющий нам судить о носителях данной традиции. Поселения, с ними связанные, стали открываться лишь в недавнее время. Наиболее типичным, вероятно, может считаться поселение на оз. Съезжем в Мстинско-Моложском междуречье [Носов 1981]. Известны и укрепленные поселения [Исланова 1993; Фурасев 1992; Петров, Фурасев 1995].

Длинные курганы периферийных зон распространения (юг современной Псковской области — граница с зоной распространения смоленских длинных курганов; территория к северу от рек Молога и Чагода) отличаются некоторыми культурными особенностями,

связанными с прилегающими регионами. Но надо, заметить, что в целом данная группа древностей носит очень ровный характер на всей обширной территории распространения.

Древности типа псковских длинных курганов можно оценить как некий единый пласт, характерный практически для всей территории Верхней Руси и приуроченный к моренным ландшафтам и песчаным почвам и связанный с подсечным земледелием. Вероятно, конец бытования этой группы погребальных памятников связан с христианизацией данной территории и сложением древнерусской погребальной культуры.

Другая группа древностей, широко распространенная на Северо-Западе России и, прежде всего, в Новгородской земле еще с 1880-х гг., получила наименование сопок (или новгородских сопок). Они распространены практически на всей той территории, которую занимают и длинные курганы; хронологические рамки бытования этих древностей традиционно ограничиваются VIII-X вв.

Сопки — высокие (от 1,5 до 12 м) погребальные насыпи, располагающиеся как одиночно, так и группами до 10-12 курганов. Носители этой погребальной традиции практиковали, в основном, сожжение на стороне и помещали прах чаще всего в верхней части погребальной насыпи. Поселения, связанные с погребальным обрядом, обычно располагаются недалеко от самих насыпей и приурочены к водным артериям. Основными регионами скопления сопок могут считаться важнейшие водные магистрали Северо-Западной Руси — Ловать, Мста, Луга, нижний Волхов, отчасти — Сясь и Шелонь. На позднем этапе бытования традиции возникают связанные с ними укрепленные поселения (особенно хорошо исследованные в Верхнем Полужье), позднее в ряде случаев плавно перерастающие в древнерусские поселения.

Проблема взаимосуществования двух культурных групп на одной сравнительно небольшой территории давно находится в поле зрения исследователей. В большинстве работ противопоставление двух групп насыпей сводится к их этнической атрибуции и, соответственно, к противопоставлению друг другу носителей этих погребальных традиций как двух различных этнических групп (обычно у славян — сопки и у финнов — длинные курганы или у славян ильменских — сопки и у кривичей — длинные курганы их п.). На наш взгляд, сводить противопоставление двух типов погребальных насыпей к противопоставлению двух этнических групп (при том, что механизм этнической идентификации погребальных памятников вряд ли когда-нибудь будет найден) на сегодняшний день методологически неоправданно. Одно очевидно — обе группы сосуществуют на территории в целом единой, но связаны с разными типами ландшафтов. В то же время, как отмечалось выше, наблюдается некоторая разновременность в хронологии этих памятников — сопки появляются на Северо-Западе значительно позднее, чем древности типа длинных курганов.

Проблема появления сопок (исходя из времени их появления) связана уже с историческими событиями на Северо-Западе России. Ряд исследователей связывают появление идеи сооружения высоких насыпей со скандинавским обрядом «больших королевских курганов» в Уппсале и появлением носителей традиции на Северо-Западе и, конкретно, в Ладогe. В пользу этого свидетельствует хронология возникновения погребального обряда типа сопок — IX в. — время активного функционирования Пути из Варяг в Греки и проникновения скандинавов на Северо-Запад России.

Оценивая круг проблем, связанных с древностями преддревнерусского времени, отметим наиболее характерные.

В первую очередь, сегодня основной источник для изучения данного периода — погребальные древности. Поселения этого времени изучены достаточно слабо, но те, что исследованы, дают интересные материалы — часто налицо нерасчлененность древностей,

на одних и тех же памятниках обнаруживаются материалы и той и другой погребальной традиции. Кроме того, этнические атрибуции погребальных традиций на сегодняшний день не могут нас устраивать. Вероятно, корректнее говорить о той или иной группе древностей и не соотносить их с этносами (а почему, собственно, именно этнические реалии отразились в форме погребальных памятников, вещевом наборе и т. п.?).

Во времена княжения Владимира Святого и Ярослава происходят огромные изменения в жизни обществ Восточной Европы как политического, так и культурного характера. Сложение единого государства сопровождается принятием принципиально новой идеологии (христианства) и возникновением новых общих для всей России культурных стереотипов, археологически отразившихся в возникновении единого погребального обряда и вещевого комплекса. На Северо-Западе России, на территории складывающихся Новгородской и Псковской земель, этот процесс отличали некоторые особенности.

Прежде всего хочется отметить важнейшую роль возникающих примерно в то же время городов. Само образование Новгорода многие исследователи связывают с походом княгини Ольги на Мету и Лугу в 945 г. События, сопутствующие походу, заслуживают особого рассмотрения. Вероятно, Ольга, шедшая из Киева, двигалась вдоль Пути из Варяг в Греки, т. е. по Ловати, далее (по тексту летописи) на Мсту и Лугу. Примерно к середине X в. относятся и первые культурные напластования Новгорода. Причем эти слои появляются сразу на большой территории; с самого начала бытования поселения на территории Новгорода мы встречаем здесь большие, сложившиеся усадьбы, принадлежавшие явно не рядовому населению. Более того, практически в то же время зафиксированы следы пожаров на городище у Передольского погоста (верхняя Луга), в Которском погосте, в Ладоге. Некоторые исследователи связывают пожары именно с походом Ольги; все это находится в едином контексте с образованием древнейшего Новгорода [Кузьмин 1991].

С этого времени — середина X в. — особая роль в истории региона принадлежит крупным городам (Псков, Новгород, Ладога) и небольшим локальным центрам (погосты). В Новгородской земле начинают формироваться местные варианты древнерусской культуры.

В древнерусскую эпоху система расселения формируется как путем внутренней колонизации, так и каких-то взаимодействий с неславянским миром, окружавшим центральные районы Новгородской земли. Она исследована, в первую очередь, по погребальным древностям, в атрибуции которых также существует определенная сложность. Выделяется несколько групп погребальных насыпей в рамках единого погребального обряда (курганы без каменных обкладок, курганы с каменными обкладками, грунтовые могильники и жальничные могильники). Не удастся жестко приурочить эти группы ни к определенным территориям, ни к определенным хронологическим рубежам; они более или менее синхронны и существуют практически на всем обширном пространстве Новгородской и Псковской земель в течение длительного времени, до XIII а кое-где и до XV-XVI вв.

В целом здесь наблюдается следующая тенденция (ср. [Лебедев 1982]): в западной части новгородских и псковских земель достаточно широко распространена традиция сооружения курганных насыпей (вплоть до XV в.). Восточная часть Новгородчины (к востоку от Волхова-Ловати) насчитывает сравнительно небольшое число курганных могильников с трупоположением. Впрочем, и в восточной зоне есть отдельные очень яркие древнерусские курганные могильники (к примеру у д. Новинка — см. [Пронин 1984]), а в западной — целые зоны жальничных могильников, не включающих в свой состав древнерусские курганы (к примеру, Нижнее Поплюсье — течение р. Плюсса ниже погоста Ляды; соседняя с ней Гдовщина [Спицын 1903]). Надо отметить, что форма и характер погребальных насыпей того времени в значительной степени бывают связаны с характером окружающего ланд-

шафта, с почвенными особенностями и пр. [Конецкий 1984]. Выделять же целые группы погребальных памятников по форме могильных насыпей и, более того, основывать на форме погребального сооружения этническую интерпретацию того или иного типа могильной насыпи (тем более для XIII-XV вв.) по меньшей мере неуместно [Пронин 1988].

Особая группа погребальных памятников — так называемые «жальники» — грунтовые погребения с каменной обкладкой. Впервые термин «жальник» был введен в научную литературу еще З. Д. Ходаковским [Ходаковский 1844]. Особую группу памятников этот термин стал обозначать после выхода в свет в 1880 г. двух статей — А. Волькенштейна и Л. К. Ивановского [Волькенштейн 1881; Ивановский 1881]. Сам термин «жальник», как и термин «сопка», взят из народного названия этих (а иногда и других) погребальных памятников, распространенного в некоторых регионах Новгородской земли. Вхождение народной терминологии в научную литературу часто приводило к недоразумениям: что именовать сопкой, а что — жальником (ср. [Данченко, Петров 1998]). Особенно много различных ошибок, вызванных данной проблемой, возникало при составлении археологических карт на основании разного рода опросных листов, анкет и пр., когда исследователь относил памятник к той или иной группе, базируясь, в первую очередь, на его народном названии. Таков, к примеру, свод жальников, составленный в 1931 г. Н. И. Репниковым [Репников 1931].

Характеризуя жальники в целом, можно сказать, что они полностью синхронны древнерусским курганным и грунтовым могильникам. Последние присутствуют на востоке Новгородской земли в небольшом количестве: основная масса средневековых сельских кладбищ представлена там жальниками. Возможно, само членение древнерусских могильников Северо-Запада Руси на курганные, грунтовые и жалышчные могильники не отражает хронологических или этнических реалий. Что стоит за этим членением мы пока не можем сказать. Вероятно, древнерусскую погребальную культуру следует оценивать как некий единый все же обряд с локальными вариантами (тут надо заметить, что культурное единство Новгорода со всей Новгородской землей отразилось и в археологическом материале). Особенно это справедливо для времени с начала XII в., когда повсеместно складывается более или менее стандартный древнерусский погребальный убор; огромное же большинство вещей, обнаруживаемых в сельских погребениях, либо изготовлено непосредственно в Новгороде, либо сделано по новгородским образцам [Лесман 1984].

Крупные города, с одной стороны, и сложившиеся в додревнерусское время поселенческие массивы, с другой, стимулируют дальнейшую колонизацию внутренних пространств, протекающую, особенно во втором случае, в неразрывной связи с исходной общиной, метрополией. Кроме того, на определенном этапе (видимо, конец XIV в.) важную роль в колонизации начинают играть монастыри и светские владельцы; для центральных районов Новгородской земли велика также роль архиепископа. Именно с этого времени начинают заселяться сравнительно дальние и неудобные окраины Новгородской земли.

В целом в начале древнерусской эпохи выделяются следующие основные поселенческие массивы: Верхнее Полужье, Среднее Поплюсье, Поозерье, Ижорское плато, Восточное Приильменье. На территории последнего можно отметить Валдайский, Боровицкий, Крестецкий массивы памятников. Отсюда, по всей видимости, и идет заселение окружающих пространств. К концу новгородской независимости практически все пространства, пригодные для земледелия, оказываются заселенными.

Верхнее Полужье являет собой достаточно рано освоенный регион с плодородными почвами, особенно усиленно колонизируемый в древнерусскую эпоху (XII-XV вв.). Именно здесь располагаются большие древнерусские могильники в непосредственной близости от

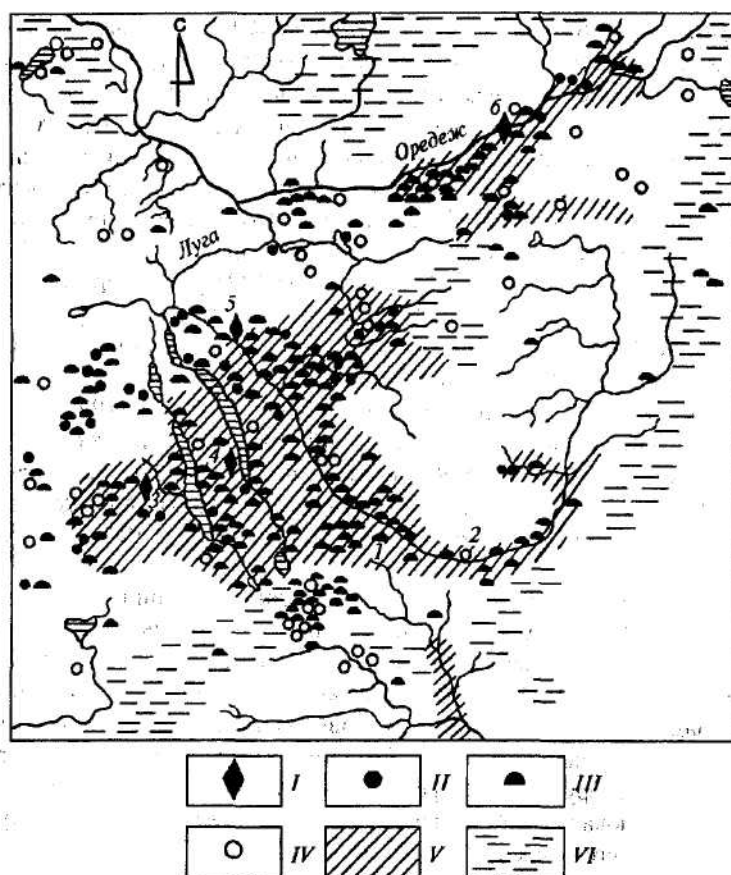

Рис. 1. Археологические памятники Верхнего Полу __ „
(древнерусский период).

I — укрепленные поселения конца I — начала II тыс/ н. э.; *II* — древнерусские селища; *III* — курганные могильники; *IV* — жальники и грунтовые могильники; *V* — ареал суглинистых почв с преобладанием дерново-карбонатных и остаточно-карбонатных; *VI* — болотные почвы. *Укрепленные поселения*: 1 — Передольское (Передольский погост), 2 — Косицкое (Косицкий погост), 3 — Городец, 4 — Бутковичи (Петровский погост), 5 — Подгородье, 6 — Надбелье (по данным [Платонова 1991]).

городищ и прилегающих к ним селищ. Цепь таких городищ вытянута вдоль Луги от Сабле до Подгорья. Они связываются некоторыми исследователями с погостами времени княгини Ольги (т. е. с теми локальными центрами государственной власти, которые княгиня установила, разгромив во время своего похода местные элиты), а в более раннее время — с крупными центрами первой волны славянской колонизации Полужья, шедшей, вероятно, из Поозерья и южных территорий [Платонова 1984; Платонова 1991] (рис. 1). Большинство этих городищ переживает короткий подъем в начале древнерусской Эпохи (с середины X в.) и доживает примерно до середины-конца XII в. В то же время позднее, к XV столетию, близ большинства этих городищ образуются новые административно-приходские центры (рис. 2) — тоже погосты, но в ином значении слова — Косицкий, Передольский, Сабельский

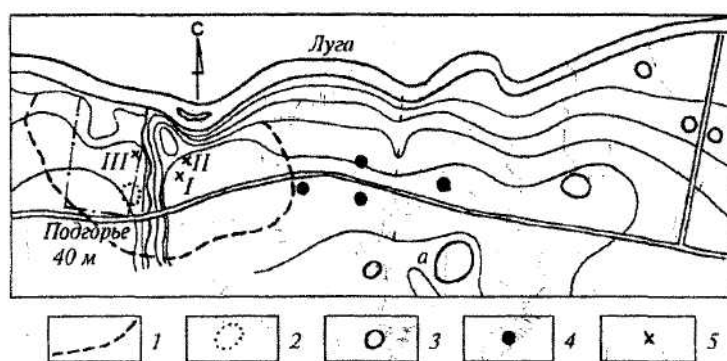

Рис. 2. Комплекс памятников у Передольского погоста.

1 — граница раннесредневекового поселения; 2 — жальничный могильник ХІV-XV вв.; 3 — сопки (а — «Шум-гора»); 4 — сопочные насыпи, уничтоженные в конце ХІХ в. (местонахождение указано по описаниям М. И. Быстрова); 5 — раскопы № I—III в центральной части поселения (по данным [Платонова 1991]).

погосты близ одноименных городищ; Городенский погост близ городища у д. Белая (более раннего, относимого еще к железному веку). Подчас такой ранний, древнерусский центр не перерастает в поздний погост (Подгородье), иногда крупное поселение древнерусского времени становится не погостом, а селом (Белое).

В системе поселений Верхнего Полужья особая роль принадлежит району Тесова. Именно здесь сходились водный и «горный» пути из Балтики в Новгород. Тесовская пристань, Тесовская застава ХVІІ в. — ключевые пункты на подступах к Новгороду. Сегодня округа Тесова представляет собой хорошо освоенный сельскохозяйственный массив в низовьях течений Рыденки, Тесовой и близ озер Рыденское (Фралеvское) и Тесовское (Пристанское). Его пространственной доминантой является стоящая ныне в развалинах церковь св. Климента. По предположению Ю. М. Лесмана, с селищем, лежащим близ этого храма, можно соотнести городок Тесов ХІІІ столетия [Лесман 1995]; впрочем, это утверждение не представляется бесспорным (ср. [Селин 1996]). В округе Тесова, вдоль плодородных берегов Рыденки, побережья Тесовского и Антоновского озер расположено большое число древнерусских курганных могильников (ныне, впрочем, практически уничтоженных).

Впервые Тесов упомянут Новгородской первой летописью в связи с новгородско-орденским конфликтом 1233-1234 гг., соотносимым с внутриновгородскими событиями — так называемой смутой «Торисовой чади» [Янин 1962]. В 1233 г. немцы «изловили» в Тесове некоего Кюрила Синкинича, которого через год новгородцы с князем Ярославом Всеволодовичем освободили из Медвежьей Головы (Оденпе), разорив западное побережье Чудского озера [НПЛ 1950]. Во второй раз Тесов фигурирует в источниках в 1240 г., в связи с походом немцев на Лугу: «Той же зиме приидоша Немце на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на них возложиша, а город учиниша в Копорьи погосте. И не то бысть зло, нь и Тесово взяша, и гонящаяся 30 верьст до Новаграда, гость бигощи; и село Лугу и до Сабля» [НПЛ 1950. С. 295]. Оба раза Тесов в ХІІІ в. предстает нам небольшим укрепленным пунктом на пути к Новгороду. После 1240 г. этот городок исчезает со страниц летописи, вероятно, после конфликта с Орденом 1240-1242 гг., главный оборонительный рубеж Северо-Запада новгородских земель переносится в Копорье.

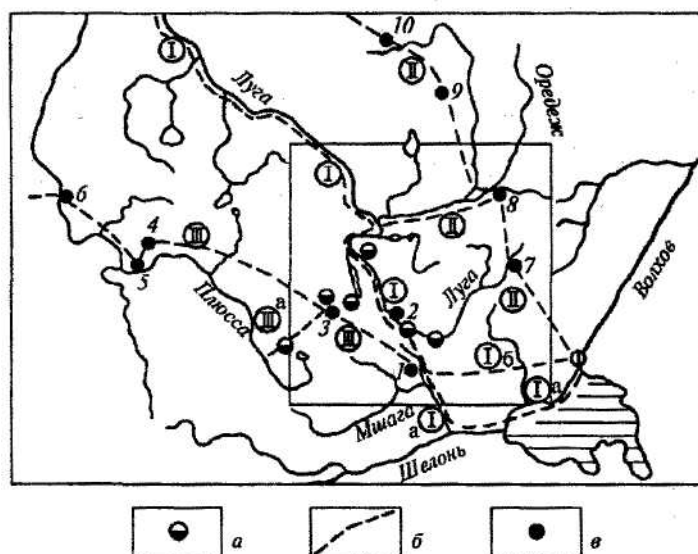

Рис. 3. Средневековые транзитные пути, пересекавшие территории Верхнего Полужья (по И. А. Голубцову с дополнениями Н. И. Платоновой [Платонова 1991]).

а — укрепленные поселения древнерусского времени; *б* — средневековые пути из Новгорода на северо-запад (I — Лужский путь, 1а — водная дорога на Медведь, 1б — прямая дорога на Медведь, II — Водская (Ивангородская) дорога, II-I — Тесовско-Орежский отрезок Луженого пути, III — прямая зимняя Гдовская дорога); *в* — станы (ямы) XVI-XVII вв. (1 — погост Медведь, 2 — погост Онежцы, 3 — Дремячий погост, 4 — Лятцой погост, 5 — Лосяцкий погост, 6 — Щепецкой погост, 7 — Луской погост, 8 — Тесовский погост, Р — погост Чаша, 10 — Грезневский погост).

Дополнительным аргументом в пользу существования Тесова — укрепленного пункта уже в XIII в. — является, вероятно, и Климентовское посвящение главного храма Тесовского погоста в XVI в., соотносимое, возможно, с Климентовским посвящением соборной церкви в Ладоге (подробнее см. [Селин 1995]). Первое упоминание о церкви св. Климента в Тесове относится к рубежу XV и XVI вв. [НПК 1868]. Храм этот располагался близ городка Тесова XIII в.; думается, что задолго до первого описания, в годы существования городка, на этом месте возникла и первая церковь. В 1998-2000 гг. на поселении у д. Заполье, соотносимом с летописным Тесовом, были проведены археологические исследования. Полученный материал свидетельствует о возникновении поселения на рубеже X-XI вв. На раннем этапе прослеживается связь памятника как с северным кругом древностей (гребни с циркульным орнаментом), так и со степной зоной (детали поясной гарнитуры). Керамический комплекс свидетельствует о непрерывности существования поселения в X-XVIII вв.

В XIV-XV вв. городок Тесов ни разу не появляется на страницах источников; однако в период около 1500 г. местность вокруг бывшего новгородского городка представляется хорошо освоенной, центральные поселения Тесовской округи выполняют некоторые дополнительные функции, не свойственные рядовому сельскому поселению. Тесово в эти годы — торговое поселение на перекрестке речного и сухопутного (собственно, Ивангородская дорога) путей, ведущих из Новгорода в Ивангород и Нарву (рис. 3). На Тесовской пристани

Рис. 4. Археологический комплекс у р. Белой (по данным [Конецкий и Носов 1995]).

1 — сопки, 2 — курганы, 3 — городище, 4 — селища.

останавливались корабли, приходившие из Ругодива (Нарвы) и Ивангорода, там существовали таможня, ямчужный амбар и т. п.

В Верхнем Поплюсье также можно выделить два раннедревнерусских центра — укрепленных поселений, известных по исследованиям С. Л. Кузмина. Это городище у д. Сквородка и городище близ позднейшего Которского погоста. Опять-таки, в первом случае местный центр, доживающий до раннедревнерусского времени, не перерастает в позднейший погост; во втором же — поселение было заброшено в конце XII столетия, с тем чтобы в XV в. возобновиться в 1 км к западу и стать погостским центром. В Верхнем Поплюсье, примерно посередине между Сквородкинским и Которским комплексами, в древнерусское время возникает еще один поселенческий микромассив в районе современной д. Березицы, в культурном смысле связанный с более ранними древностями круга длинных курганов и находящийся в контактной зоне с памятниками типа сопок К сожалению, в этом комплексе известны лишь погребальные древности, выявленные поблизости поселения, которые практически не изучены. Не развился этот комплекс и в укрепленный центр, подобный ранним погостам.

На востоке Новгородской земли подобные комплексы также существовали. Одним из самых известных крупных гнезд памятников — локальных центров Помостья — может считаться Вельский комплекс памятников [Конецкий, Носов 1995] (рис. 4). В эпоху средневековья близ этого комплекса сформировалось несколько лежащих неподалеку друг от друга погостов: Прокофьевский на Белой (с каменной церковью св. Прокофия 1442 г. — см. [Седов, Петров 1987]), Никольский на Белой и Успенский (Богородицкий) на Белой. Этот комплекс находился в среднем течении р. Мета, близ впадения в нее небольшой р. Белая, и включал в себя городище рубежа I—II тыс. н. э. и несколько могильников с высокими насыпями.

Видимо, сходный комплекс располагался на восточном берегу Ильменя близ современной д. Городище Парфинского района Новгородской области. И здесь наблюдается та же

картина, что и в случае с Которским погостом: городище конца I тыс. н. э. в какой-то момент было заброшено; затем, видимо в древнерусское время, возникает поселение на Маяте (позднейшее село Тисва XVI в.); погост же эпохи позднего средневековья располагается уже в третьем месте, близ современного села Лажины (Лажинский или Влажинский погост — (НМ 1539/40. Л. 270, 286 об.¹). Такое перемещение центра происходит трижды в рамках сравнительно небольшой территории и одного гнезда памятников, располагающихся вдоль р. Маята.

На территории Псковской земли мы не знаем подобного соотношения ранних центров с позднесредневековыми; здесь надо заметить, что сама Псювская земля имеет, по сравнению с Новгородской, достаточно яркую особенность: при значительно меньшей территории гораздо большее число пригородов — это и неудивительно, учитывая пограничное положение Пскова. В то же время погостские центры представляются звеном низшего ранга. По исследованиям Б. Н. Харашова, сравнительно небольшая часть псковских погостов связана с ранними центрами (рубеж I и II тыс. н. э.), большая часть датируется XIV-XV вв. и лишь некоторые возникают в XVI столетии [Харашов 1990; 1991; 1995].

Перечисленные пункты не исчерпывают всего количества локальных гнезд памятников; мы привели лишь наиболее яркие примеры таких гнезд на изучаемой территории. Многие из них на сегодняшний день не выявлены.

Средневековые древности Новгородской и Псковской земли лучше всего исследованы на территории Ингерманландии, Верхнего Полужья, Верхнего Поплюсья и Гдовщины. В целом древнерусский погребальный обряд представляется универсальным; особенностью для всего Северо-Запада является частое присутствие в древнерусских погребальных сооружениях каменных конструкций. По устному замечанию В. Я. Конецкого, эта особенность может быть локализована даже шире — вообще для всего Северо-Запада и Северо-Востока Руси, включая Новгородскую и Псковскую земли и Ярославское и Костромское Поволжье. Действительно, каменные конструкции в погребениях присутствуют во всех указанных регионах. По тому же устному замечанию, данная особенность как глобальное явление может объясняться присутствием на всех этих территориях финского населения, а также местными почвенными условиями. В этом отношении достаточно характерно погребение северо-западного типа (т. е. с каменной обкладкой по периметру), обнаруженное в 1986 г. на Украине [Орлов 1988].

После присоединения Новгородской Земли к Московскому государству появляются принципиально новые источники для истории сельского расселения — массовые поземельные описания, в литературе традиционно именуемые писыцовыми книгами. Они практически целиком охватывают всю Новгородскую (а с конца XVI в., и Псковскую) землю, дают яркую картину сельского расселения на всей этой обширной территории. Большинство селений Северо-Запада России впервые упомянуто именно в указанных документах. Они дают достаточно широкий разброс способов расселения. В старых, давно заселенных областях встречается большее число крупных (5-10 и более дворов) поселений, к ним тяготеют погостские центры. Напротив, болотистые регионы заселены хуже, поселения там небольшие, неустойчивые.

Выявляются и определенные региональные различия: так, в Копорском уезде (территория Ижорского плато) встречено много крупных селений, многие из которых соотносятся

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на «Неопубликованные материалы» (см. в конце статьи после «Литературы»).

с более ранними курганными и курганно-жальничными могильниками. В Верхнем Полужье селения в целом тяготеют к течению рек Луга и Оредеж, а также к западной части их междуречья; к северу от Оредежа селения возникают лишь на исходе древнерусской эпохи. В Поозерье система расселения складывается, видимо, очень рано, в момент присоединения Новгорода к Москве эти земли — ближайшая округа Новгорода, тесно с ним связанная. Восточная часть новгородских земель изучена хуже; о ней представляется возможным говорить как о едином целом. Здесь население также приурочено к ранним, иногда городским (Демон) центрам, в Половатье и Мстино-Моложском междуречье селения привязаны к крупным водным артериям, та же картина наблюдается вдоль течения Сяси и Чагодоши с их притоками. На «Тверском рубеже» существует особый тип поселений — «слободки» — крупные селения или агломераты селений, возникшие под влиянием определенных фискальных льгот или энергии землевладельца [НПК 1910. Стб. 191, 192].

Именно в документах эпохи присоединения Новгорода к Москве в полном объеме отразилась и административная структура Новгородской земли. Писцовые книги позволяют с (?одышей или меньшей точностью выявить систему погостов-округов — небольших территориальных единиц, функционально связанных с приходской организацией и налогом-обложением. Эта система сложилась к концу эпохи новгородской независимости. Более крупными единицами были существовавшие с новгородского времени уезды или присуди и появившиеся на рубеже XV и XVI вв. пятины — пятые части основной новгородской территории. Уезды, как правило, составлялись из погостов. При этом их границы не были постоянными. Изменение пределов уезда происходило передачей погостов из одного уезда в другой, причем границы погостов не изменялись. Такая традиционность и внутренняя целостность погоста сохранялись до XIX в. В ряде случаев границы административных единиц XV в. остаются неизменными чрезвычайно долго; некоторые из них совпадают с уездными и губернскими границами XVIII — начала XX вв. Согласно Екатерининской губернской реформе, при образовании новых Лугского и Гдовского уездов их территория была определена перечнем погостов, ранее входивших в Шелонскую и Водскую пятины. Точно так же при создании в 1773 г. на территории бывших Новгородского и Ладожского уездов Водской пятины уездов «нового типа» использовались разделение на погосты [ПСЗ 1830; Селин 1998].

Система расселения в это время на территории Псковской земли в целом сходна с Новгородской. Большими поселенческими массивами предстают здесь побережья Псковского и Чудского озер, районы псковских пригородов Остров и Опочка.

В течение последних веков новгородской и псковской независимости заселяются междуречья Шелони и Луги и, в большой своей части, сам бассейн Шелони (округа Порхова), к этому же времени стоит, вероятно, отнести заселение большей части территории новгородских владений Ржевы Пустой и Великих Лук.

Далеко не все возможные места для расселения были заняты к концу XV в., хотя по степени освоенности пространства система расселения, зафиксированная в первых сохранившихся писцовых книгах, приближается к той, что возникла на Северо-Западе России в 1920-1930-х гг. в результате земельных реформ первых двух десятилетий XX в. В годы правления Василия III и первой половины царствования Ивана IV продолжалось дальнейшее освоение незаселенных пространств. Впрочем, результаты этого процесса, достигнутые к середине XVI в., принципиально не изменили ситуацию рубежа столетий.

Процесс дальнейшего расселения сопровождался церковным строительством — в течение XVI в. число сельских храмов в Новгородской земле увеличилось примерно в 2,3 раза. Выделяются несколько регионов, в которых этот процесс развивался особенно

интенсивно — Верхнее Полужье, Северо-Восточное Причудье, течение рек Чагодошь, Удомля, а также новгородско-тверское пограничье — бассейн рек Волчина, Медведица, Тифинка (Тростенский, Райский, Осеченский погосты). Думается, что такая интенсивность связана с ранним заселением данных территорий.

Район Которского погоста выделяется также как зона наиболее интенсивного храмового строительства в эпоху позднего средневековья, соотносимая, пожалуй, в Новгородской земле лишь с Пооредежьем. Здесь еще в XV в. возникают четыре храма, не считая погостского; в течение же XVI в. строятся еще четыре храма и теплая церковь на погосте [Селин 1994].

Такая обстановка общего культурного, хозяйственного, политического подъема нашла свое завершение в 60-х гг. XVI столетия, с началом Ливонской войны и установлением опричного террора Опричное войско, совершившее в 1570 г. поход на Новгород и позднее чуть не учинившее террор во Пскове, повергло Северо-Запад страны в полное опустошение. Ситуация, зафиксированная в писцовых книгах начала 1580-х гг., может быть названа катастрофической практически для всех регионов Новгородской и Псковской земель. Выделяются, впрочем, и островки сравнительного благополучия. Это Северо-Восточное Причудье. Здесь вплоть до конца XVI в. большая часть селений продолжает стабильно функционировать.

Время правления Бориса Федоровича Годунова можно назвать периодом недолгого подъема. Тенденция общего упадка, сокращения числа поселений и населения в целом на короткое время ослабевает. Смерть Бориса Федоровича и начавшаяся после нее эпоха Смутного времени еще более усилили катастрофические процессы. Впрочем, именно в этот период, особенно после занятия войсками Якова Делагарди Новгородской земли, возникают отдельные регионы, где происходит некоторая стабилизация. Роль объединяющих центров возвращается к погостам — многие из них шведы укрепляют и используют в качестве опорных пунктов: Тесово, Заречье (НМ 1615), Бронницы [Sundberg 1982], Болонья, Черенск (НМ 1611). Видимо, Тесовский острог XVII в. располагался в месте, топографически соотносимом с раннесредневековым городком Тесовом. Он мог возникнуть еще при царе Борисе Федоровиче: Аксель Гюльденстиерне, возможно обмолвившись, называет в 1602 г. село Тесово городом [Гюльденстиерне 1911. С. 9]. Позднее, в разоренной стране эти погостские центры вновь послужили исходными пунктами вторичной колонизации. Так, после Столбовского мира на месте Тесовского острога образуется Тесовская застава — форпост близ границы со Швецией, в 20-30-е гг. XVII в. здесь стоит отряд стрельцов, возглавляемых заставным головой. Среди городов, находившихся в ведении Новгородской четверти, в 1657 г. упомянут Тесовский острог [Неволив 1859], хотя в аналогичном перечне 1670 г. он уже не фигурирует. В последний раз Тесовская застава отмечена в 1668 г. [РШЭО 1960]. Позднее городское поселение на этом месте не упоминается: как в ХПІ, так и в XVII в. Тесов не стал городом.

Повторная колонизация разоренных хмель началась практически сразу после Столбовского мира 1617 г. и продолжалась в течение XVII, XVIII и XIX вв., причем в XVII в. как на территории, оставшейся за Россией, так и в Ингерманландии. Колонизация строилась уже на иных основаниях — вновь возникавшие селения представляли собой большие деревни, но в гораздо меньшем числе. Много крупных волостей было роздано в поместья и вотчины, число которых в это время на Северо-Западе значительно увеличилось. По наблюдениям некоторых исследователей, такая повторная колонизация опиралась на погосты как на «опорные пункты освоения» [Воробьев, Дегтярев 1986. С. 57]. Исследование этой особенности колонизации XVII столетия может, на наш взгляд, дать модель для реконструкции более древних процессов [Panchenko, Petrov, Selin 1994]. В целом же вторичное освоение

водораздельных земель, наблюдаемое в XVII-начале XVIII столетия представляется процессом длительным и неравномерным.

Достаточно характерна здесь картина с территорией в районе оз. Ещера. Мы имеем данные, что уже в юнцe XIV в. округа озера была заселена и освоена [НГБ 1955]. По писцовой книге 1500 г. она предстает также отлично освоенной территорией [НПК 1868]: в 1539/40 г. на центральном поселении округа мы впервые встречаем церковь (ИМ 1539-40об). После Ливонской войны округа Ещерского озера запустевает и не может оправиться от потрясений вплоть до середины XVIII столетия, когда на ее территории впервые возникают новые поселения. Заметим, что к рубежу XIX и XX вв. плотность сельских поселений в округе Ещерского озера была сравнима с той, что известна в 1500 г. (ср. РТКЕР 1919), а к середине 20-х гг. XX столетия — даже превзошла ее.

Литература

- Валькеништейн 1881 — Валькеништейн А. П. Несколько слов об антропологии жальников Валдайского уезда // Труды II Археологического съезда. Т. 2. М., 1881.
- Воробьев, Дегтярев 1986 — Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение: От «Смутного времени» до кануна Петровских реформ. Л., 1986.
- Гюльденстерна 1911 — Щербачев Ю. Н. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шпезвиг-Гошлинского в Россию 1602 г. М., 1911.
- Ивановский 1881 — Ивановский Л. К. Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии // Труды II Археологического съезда. Т. 2. М., 1881.
- Исланова 1993 — Исланова И. В. Поселение и могильник Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье (о новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э.) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 8. Новгород, 1993.
- Конецкий 1984 — Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников центральных районов Новгородской земли // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984.
- Конецкий 1995 — Конецкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории северо-запада Руси. СПб., 1995. (Славяно-русские древности. Вып. 3.)
- Кузьмин 1991 — Кузьмин С. П. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991.
- Лебедев 1982 — Лебедев Г. С. Археологическое изучение Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982.
- Лесман 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984.
- Лесман 1995 — Лесман Ю. М. Древнерусский Тесов // Древности северо-западной России. СПб., 1995.
- НГБ 1955 — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 г. М., 1958.
- Неволин 1859 — Неволин К. А. Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // Поли. собр. соч. Т. 6. СПб., 1859.
- Носов 1981 — Носов Б. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. 1981. Вып. 166.
- НПК 1868 — Новгородские писцовые книги. Т. 3. СПб., 1868.
- НПК 1910 — Новгородские писцовые книги. Т. 6. СПб., 1910.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.
- Орлов 1988 — Орлов Р. С. Разведка в Поросье // АО. 1986. М., 1988.

- Патент, Петров 1997 — Панченко А. А., Петроц Н. И. «Жальники» востока Новгородской области в современной сельской культуре // Дивинец Староладожский. СПб., 1998.
- Петров, Фурасьев 1995 — Петров Н. И., Фурасьев А. Г. Городища культуры псковских длинных курганов и Балтийско-Волжский путь // Древности северо-западной России. СПб., 1995.
- Платонова 1984 — Платонова Н. И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Платонова 1991 — Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости 7 // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991.
- Пронин 1984 — Пронин Г. Н. Раскопки курганно-жальничного могильника у д. Новинка в Новгородской земле // КСИА. 1984. Вып. 183.
- Пронин 1988 — Пронин Г. Н. Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. М., 1988.
- ПСЗ 1830 — Высочайше утвержденный доклад Сената об учреждении Новгородской губернии в Тихвинском уезде воеводской канцелярии и приписке некоторых погостов к городам Порхову, Гдову, Старой Руссе, Новой Ладоге и Тихвину // ПСЗ. Собр. 1. Т. 19. № 13966. СПб., 1830.
- Репников 1931 — Репников Н. И. Жальники Новгородской земли // Изв. гос. акад. истории материальной культуры. 1931. Т. 9. Вып. 3.
- РШЭО 1960 — Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сборник документов. М.; Л., 1960.
- Седов, Петров 1987 — Седов Вл. В., Петров Д. П. Каменные храмы в городах, монастырях и погостах Новгородской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1987.
- Селин 1994 — Селин А. А. Которский погост Шелонской пятины: Сюжет средневековой сельской истории // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993 г. Псков, 1994.
- Селин 1995 — Селин А. А. О посвящении сельских храмов в Новгородской земле XVI в.: Св. Климент (папа римский) // Теорет. конф. «Философия религии и религиозная философия: Россия, Запад, Восток»: Тез. докл. СПб., 1995.
- Селин 1996 — Селин А. А. Ивангородская дорога. СПб., 1996. (Научные доклады.)
- Селин 1998 — Селин А. А. Историческая география Новгородской земли XVI-XVIII вв.: Южные уезды Водской пятины: Автореф. канд. дис. СПб., 1998.
- Спицын 1903 — Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова // Материалы по археологии России. Вып. 23. СПб., 1903.
- Фурасьев 1992 — Фурасьев А. Г. Топография и фортификация городищ культуры псковских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991: Материалы симпозиума. Псков, 1992.
- Харлашов 1990 — Харлашов Б. Н. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // Сов. археология. 1990. № 1.
- Харлашов 1991 — Харлашов Б. Н. Псковские губы (к вопросу о происхождении) // КСИА. 1991. Вып. 20.
- Харлашов 1995 — Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV-XVI вв.: Автореф. канд. дис. М., 1995.
- Ходаковский 1844 — Ходаковский З. Д. Жальники: Донесения о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского // Русский исторический вестник. Т. 7. СПб., 1844.
- Янин 1962 — Янин В. П. Новгородские посадники. М., 1962.
- Panchenko, Petrov, Selin 1994 — Panchenko A., Petrov N., Selin A. «Language replacement» by Priit Ligi // Fennoscandia archaeologica. Vol. 11. Helsinki, 1994.
- Sundberg 1982 — Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614-1616: Text and commentary. Stockholm, 1982. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. Vol. 14.)

Неопубликованные материалы

- ВТКЕР 1919* — Военно-топографическая карта Европейской России. Съемка 1919 г. 1 : 126000 (в 1 дюйме 3 версты).
- НМ 1539/40а -- Список с писцовой книга Деревской пятины письма Григория Морозова и Жихаря Рябчикова конца 1530-х — начала 1540-х гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 17150.
- НМ 1539/406 — Список с писцовой книги Водской пятины Дмитрия Валueva, 1539/406 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 17145.
- НМ 1611 — Отписка боярину и большому ратному воеводе Я. П. Делагарди и боярину кн. И. Н. Большому Одоевскому Тихамира Загоскина, посланного в Черенский острог для сбора кормов с Белозерской половины Бежецкой пятины ратным людям ротмистра Франсбрука, о том, что 12 погостов Белозерской половины дают кормы ротмистру Ирику Берсу, что кормы с погостов, дозренных Казарином Унювским, будут собираться по росписи с нового дозора, что: ротмистр Франсбрук не отпускает его, Загоскина, и что подьячий Дружина Харитонов, посланный с ним для дела не годится // СПбФИРИ. Коп, 124. Оп. 1. Картон 4. Д. 505.
- НМ 1615 — Книга записная сбора хлеба и денег для шведских войск по Тесовскому острожку. 1615. ГАШ // СПбФИРИ. М/ф. 403 (без пагинации).

МАГИСТРАЛЬНЫЕ ДОРОГИ СЕВЕРО-ЗАПАДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XVI-XVII вв.

Магистральные (ямские) дороги являются специфическим типом пространственных объектов. Они выделяются из числа обычных, местных, традиционных путей именно своим государственным происхождением. И. Я. Гурлянд показал, что в процессе создания сети сухопутных магистралей в конце XV-XVI вв. ямские дороги были ориентированы в первую очередь на государственные потребности. Тот, кто проезжал по таким дорогам по частной надобности, вплоть до начала XVII в. был обречен на разного рода затруднения [Гурлянд 1900]. В настоящей работе мы вкратце рассмотрим историю основных дорог Северо-Запада России. Главная задача, которую мы ставим перед собой, — показать развитие магистральных дорог Новгородской земли в контексте изменений в сельском расселении XVI-XVII вв. Нами не рассматривается одна из важнейших дорог — Большая Московская. Ее исследование следует проводить в контексте истории ямского устройства всего Русского государства XVI-XVII вв.

И. Я. Гурлянд убедительно показал, что становление магистральной дорожной сети на территории Новгородской земли происходило в XVI в. и началось практически сразу после присоединения Новгорода Иваном III [Гурлянд 1900]. Первые упоминания о ямах в писцовых книгах встречаются в 1500 г. [НПК 1868; ВОИДР 1851]. В это время действовали Ивангородская и Ореховская дороги, предположительно уже тогда осуществлялась ямская гоньба по Ладожской дороге. На ямах в начале XVI в. находилось по два ямщика, осуществлявших, по мнению И. Я. Гурлянда, общее руководство ямской гоньбой. К 1540 г. закончилось оформление основных транспортных магистралей Водской пятины.

Транспортная сеть на Северо-Западе продолжает развиваться в середине XVI в. В это время были изменены трассы Ивангородской и Ореховской дорог. Серьезное реформирование системы транспортных магистралей Водской пятины произошло в 1572 г. Ямские устройщики Тихон Лаптев и Вялища Обухов распределили на каждую ямскую станцию по два ямщика и два поддатчика. По мнению И. Я. Гурлянда, уже в это время на новгородских дорогах должны были появиться слободы ямщиков. В 1586 г. начинается массовое верстание ямских охотников. Вокруг крупнейших ямов селятся слободы ямских охотников, осуществлявших гоньбу по этим направлениям. Возглавляли такие слободы ямские приказчики. В слободе стоял ямской двор для приезжих. В некоторых слободах были ямские дьячки, ведавшие делопроизводством.

События конца XVI в. привели к упадку сухопутных дорог. В это время Ореховская и Ивангородская дороги становятся практически заброшенными. Важнейшим путем на Северо-Западе остается Ладожская дорога, причем именно водный (санный) вариант ее трассы.

В годы шведского военного присутствия на Северо-Западе сухопутные дороги вновь приобретают ключевое значение. Они активно используются шведской администрацией для контроля над занятыми районами. Вдоль Ивангородской дороги и по течению Волхова были сооружены небольшие крепости-шанцы. Там располагались гарнизоны, тюрьмы, государевы житницы.

¹Ямские дьячки известны на некоторых ямах Московского государства уже в 1548 г. Есть данные, что они избирались населением округа (вместе с ямщиком и дворником) и утверждались великокняжеским наместником [Гурлянд 1900].

О судьбе сухопутных магистральных дорог в первые десятилетия после Столбовского мира известно крайне мало. Часть системы укреплений вдоль дорог, организованной шведами, по всей видимости сохраняется (Тесовский острог, Зверинская застава и пр.). При этом водные пути в XVII в. имеют большее значение, нежели в XVI. В описаниях дорог того времени путь по рекам (в первую очередь — по Волхову и Луге) упоминается чаще, чем сухопутные магистрали. Значение дорог Северо-Запада Новгородской земли в это время вообще падает. Для государства важнее всего два других направления — дорога из Новгорода в Псков и далее к Риге и из Москвы на север, к Ярославлю и Архангельску.

В XVII в. правительство стремится регламентировать порядок устройства дорог и передвижение по ним. В Соборное уложение 1649 г. вошла целая глава «О мытах, перевозах и мостах» [Соборное уложение 1649]. По мнению современных исследователей, эта глава была составлена с использованием Литовского статута [Там же]. Согласно Соборному уложению, служилые люди освобождались от уплаты пошлин и «постоялого» при переезде через владения помещиков и вотчинников. На последних в значительной степени ложилась ответственность за обустройство дорог. Особо в Соборном уложении оговаривалось запрещение устраивать новые мыта и перевозки на дорогах без особого разрешения. Мыта и перевозки служили землевладельцам компенсацией за затраты, понесенные при устройстве дорог. Последнее положение нашло отражение в Статейном списке 1641 г., послужившем одним из источников для Соборного уложения [Статейный список 1641].

Записки шведского военного резидента Пальмквиста фиксируют на приграничной территории развитую сеть дорог. Помимо рассматриваемых нами Ивангородской, Ореховской, Ладужской дорог Пальмквист подробно описывает путь из шведских владений к Новгороду по Луге и Оредежу, вариант пути к Новгороду минуя Тесово, из Ниеншанца напрямую к Ореховской дороге и пр. [Пальмквист 1993]. Магистральные пути XVI в. с ямскими станциями отмечены Пальмквистом как зимние варианты дорог. Это указывает на то, что в XVII в. в летнее время сухопутные магистрали были труднодоступны. Отметим также, что в XVII в. исчезает исключительно государственное значение магистральных дорог. Среди тех, кто ездит по Ивангородской, Ладужской дорогам, купцы встречаются часто.

В ходе Северной войны система транспортных магистралей на Северо-Западе достаточно сильно меняется. В начале войны, в ходе боевых действий в Восточной Ингерманландии, сухопутные дороги активно используются и той и другой стороной; наступления и отдельные набеги проводятся именно по трассам дорог. Причем для обеих сторон важным представлялось установление контроля над этими магистралями. Позднее в систему русских государственных магистралей включаются дороги, поддерживавшиеся шведским правительством в Ингерманландии. Это, в первую очередь, дороги из Ниеншанца к Нарве и из Нарвы к Новгороду. Последняя была частью Ивангородской дороги, отрезанной от Русского государства после Столбовского мира.

Шведское дорожное строительство в XVII в. было организовано по земельному принципу. На каждые двух-трех милях (10-15 км) поселялся крестьянин с двумя работниками, который должен был по прибытии почты отправить ее до следующего почтового крестьянина. Такие почтовые крестьяне были также обязаны заботиться о том, чтобы на их дистанциях дорога содержалась в исправности [Гиппинг 1909]. В других шведских провинциях в XVII в. также производились реформы дорожного устройства [Павулан 1971]. Шведские принципы были частично приняты Петром I при организации дорожной службы на Северо-Западе [Высочайшая резолюция... 1724].

1. Ивангородская дорога

Ивангородская дорога соединяла в XVI-XVII вв. Новгород с Ивангородом. Она проходила через болотистые низины, лежавшие в северо-западной округе Новгорода. Большая часть этих мест принадлежала Николаевскому Вяжицкому монастырю. Далее Ивангородская дорога шла через Сесовскую волость, до конфискации Ивана III целиком, а в XVI в. лишь частично принадлежавшую новгородскому владыке. Далее следовали болота, отделявшие Новгородский уезд от Копорского. В этих болотах в XVI в. возникли два небольших монастыря. По Копорскому уезду и далее до города Ям дорога шла от селения Кселению, самыми важными пунктами на этом пути были Зарецкий и Врудский погосты. Участок Ивангородской дороги между Ямом и Ивангородом был проложен, вероятно, непосредственно после строительства Ивангородской крепости (см. ниже), через лесистые массивы, где в юнцe XVI в. возник Пятницкий монастырь.

Самые ранние сведения об Ивангородской дороге, точнее — о Водском пути, трасса которого может быть достаточно определенно идентифицирована с Ивангородской дорогой, относятся к рубежу XIV-XV вв. Ревельский бургомистр Герт Витте пишет о «горном» пути, которым русские добираются в Ревель из Новгорода по Водской земле (Wattlande) [Bunge 1859].¹ В источниках XVI в. встречается второе наименование Ивангородской дороги — Водская (лишь в районах, расположенных вблизи Новгорода).

В первой половине XVI в. Ивангородская дорога представляет собой стабильно функционирующий и важный для страны путь. Сооружение новых храмов вдоль дороги также может считаться свидетельством ее особого значения: новые церкви, кроме всего прочего, выполняли функции пространственных ориентиров и делили дорогу на отрезки, часто соответствовавшие ямским прогонам.

Новый этап начинается после 1570 г. После опричного разорения северо-западных земель ситуация на дороге резко меняется. Ивангородская дорога после 1570 г. предстает опустошенной, ямские станции — неустроенными. Во многих документах этого времени дорога упоминается как причина гибели селений [Самоковасов 1908]. Проходившие вдоль дороги опричные отряды жгли и грабили окрестности. Дорога воспринималась в качестве причины бедствий. «Большая дорога» как причина запустения селений упоминается и в некоторых других районах Новгородской земли, в Деревской [Осьминский и др. 1974] и Бежецкой [Абрамович 1974] пятинах.

В конце Ливонской войны дорога временно прекращает функционировать. В Водской пятине велись военные действия. В ходе реконструкции государственной дорожной сети 1586 г., когда по Большой Московской, Ореховской и другим дорогам активно велось «устройство» ямских станций, Ивангородская дорога не восстанавливалась далее ближайшего к Новгороду Лусского яма «для немецких людей» [Книги ямские... 1586. Л. 129 об.]. На север страны в это время вела лишь Ореховская дорога.

В годы руссегашведской войны 1591-1593 гг. Ивангородская дорога вновь обретает государственное значение. В течение 1590 г. русские отряды неоднократно движутся по дороге в сторону занятых шведами крепостей. 6 января 1590 г. царь Федор Иванович послал по «Ругодивской» дороге воевод В. К. Черкасского и Дм. И. Вельямина, «а велел им государь стоять до своего государева указу в селе в Тесове, отшот от Новагорода шестьдесят верст» [Разрядная книга 1475-1605]. В январе того же 1590 г. сам царь Федор Иванович с царевичем Рослунеем «из Ямские Веси к Яме городу» [Разрядная книга 1475-1605; Разрядная

¹Впервые на это упоминание указал А. И. Никитский [Никитский 1893].

книга 1559-1605] могли подойти -только по Ивангородской дороге. При этом известно и о вылазках шведов в отвоеванные уезды в 1591-1593 гг., производившихся по трассе Ивангородской дороги. Во время одной такой вылазки по Ивангородской дороге шведы полностью разорили Пятницкий монастырь, лежавший в 2 верстах к западу от Яма [Грамота митрополиту Варлааму... 1594; Грамота воеводе Ногтеву... 1594]. В 1591-1592 гг. был издан указ царя Федора Ивановича об устройстве Тесовского и Зарецкого ямов. Эти новые станции были больше, чем в середине столетия. «Государевы устроищики» должны были «сажать» на них по 20 человек ямских охотников, с пятью лошадьми каждого [Книги Новгородских ямов... 1586-1588]. Позднее между этими ямами возобновился третий, Чашинский, близ Чашинского монастыря.

В правление Бориса Годунова функционирование Ивангородской дороги резко активизируется. Уже в последние годы XVI в. правительство принуждает вотчинников поставлять крестьян на дорожные работы [Порядная 1597]. До нас дошел обширный комплекс документов 1602-1603 гг., связанных с визитом в Россию датского принца Ганса, жениха царевны Ксении Борисовны, умершего в Москве. Русские власти стремились создать на время визита датского герцога благоприятную картину. На Ивангородскую дорогу, по которой он должен был проехать, по царской грамоте посылаются досмотрщики для проверки, сохранности мостов. На дорожные работы с погостов, приписанных к ямам, созываются крестьяне [Отписка... 1602]. Однако не всегда мероприятия правительства шли гладко. Подчас помещики и монастырские настоятели противились участию своих людей в обустройстве дороги, ямские охотники разбегались. В 1602 г. правительство направляет в Ивангород часть служилых людей и новокрещеных татар для встречи датского королевича, собирает в Новгороде еще большее число дворян [Грамота воеводе Буйносову-Ростовскому... 1602].

Мероприятия правительства по благоустройству дороги продолжались, вероятно, вплоть до подписания в 1609 г. Выборгского договора, вслед за которым началось постепенное проникновение шведских войск на Северо-Запад России, завершившееся в 1611 г. занятием Новгорода. На плане Новгорода, изображающем осаду его Делагарди, изображена *Via Sorogiam ducens* (Большая Копорская дорога), со стороны которой наступает на Софийскую сторону шведское войско [Коваленко 1995]. По всей видимости, это была Ивангородская дорога, а два храмовых комплекса на ней — скорее всего, Богоявленский и Трехсвятский монастыри на Вотской дороге. Интересно, что по сообщению шведского историка XVII в. Ю. Видекинда еще в 1609 г., когда войско Делагарди впервые двигалось к Новгороду, оно остановилось в Тесове, «в 10 милях от города» [Видекинд 1672. С. 49-51].

1611-1617 гг. представляются чрезвычайно интенсивным этапом в истории Ивангородской дороги. Она начинает непрерывно функционировать, в первую очередь как военная коммуникация, обеспечивающая связь Новгорода — резиденции Якова Делагарди, с Балтийским морем и метрополией. Дорога берется шведами под контроль. В Зарецком и Тесовском ямах возникают «острожки» или «шанцы» [Книга записная... 1615; Донесения нидерландских.. посланников.. 1878; Якубов 1890]. К периоду шведского господства относится и единственное обнаруженное А. Селиным изображение Ивангородской дороги. Это гравюра, участника голландского посольства... 1615-1616 гг., предпринятого, как и миссия Дж. Мерика, с целью заключения мира между Россией и Швецией [Goeteeris 1619]. На этой гравюре изображен какой-то участок дороги между Врудским и Тесовским ямами, проходивший по болотистой местности. Дорога на гравюре образована рядами вплотную прилегающих друг к другу бревен, лежащих перпендикулярно движению путников и укрепленных жердями. В правом углу автором изображены голландцы-всадники, вступаю-

щие на гать. Такой картине соответствует и описание Ивангородской дороги, сделанное другим участником этого посольства: «...Дороги очень дурны; почти половина дороги состоит из дерев, которые кладутся по болоту. Деревя эти во многих местах были переломаны, а стороною нельзя было ни ехать, ни идти...» [Донесения нидерландских посланников... 1878. С. 37].

Новый этап начинается после заключения в 1617 г. русско-шведского мира в Столбове, когда произошло размежевание границ двух государств. Соглашение о границах было подписано именно на Ивангородской дороге — в местечке Осиновая Горка — точке пересечения дороги со шведской границей [Межевая запись... 1618]. Позднее, в течение XVII в., это место служит пунктом размена перебежчиков с той и с другой стороны [Жербин 1956; Отписка.. 1636]. С этого времени характер дороги изменяется. Она становится магистралью, соединяющей два государства. Надо отметить, что в магистрали правительство заинтересовано не было. В годы русско-шведской войны 1655-1657 гг. по Ивангородской дороге в пограничные места вторгаются отдельные шведские отряды, один из которых разорил Троицкий Зверинский монастырь [Память... 1663].

В XVII в. со все большей интенсивностью начинают использоваться водные пути в Новгород — по Луге и Мшаге или через Неву и Ладогу. Последним путем, в частности, ехал в свое первое путешествие Адам Олеарий [Олеарий 1906], но, возвращаясь в Голлггинуию, и затем назад из Голштинии в Россию и Персию во второй раз, он все же воспользовался Ивангородской дорогой [Там же]. Даже постоянно функционировавший участок дороги от Тесовской пристани до Новгорода был в плохом состоянии. В 1633 г., когда на пристань прибыл большой груз «лаг и железных шапок», возникли сложности с его транспортировкой [Отписка.. 1633]. Во второй половине XVII в. шведский разведчик Э. Пальмквист так описывает Ивангородскую дорогу: «Эта дорога почти сплошь идет по замерзшим болотам, едва только проходимым летом, особенно от селения Мокрицы до Новгорода, где дорога идет по очень топким и опасным местам... В зимнее время дорога эта, напротив, гладка и ровна как специально устроенный ледяной каток» [Пальмквист 1993. С. 15]. Интересно, что в это же время со шведской стороны дорога поддерживалась, видимо, в относительном порядке.

2. Ореховская дорога

Ореховская дорога, соединявшая Новгород с Орешком и продолжавшаяся далее на север уже под названием Корельской, являлась составной частью сети магистральных путей Водской пятины, образовывавшейся Ивангородской, Копорской, Корельской и Ладожской дорогами, а также дорогой из Ладоги к Орешку. Она отходила от Ивангородской в Лусском яме и далее шла почти строго на север. Ореховская дорога проходила через болотистые, малозаселенные местности, что приводило к определенной нестабильности в ее использовании. Когда у государства не доставало средств на поддержание коммуникаций, оно оставляло Ореховскую дорогу. Военные действия, в конце Ливонской войны затронувшие и территорию Водской пятины, привели на некоторое время к взятию основных сухопутных магистралей (Ореховская, Ивангородская дороги) под контроль шведами. Но русские дороги не очень устраивали шведов в военном отношении. Их «дурной характер» считался современниками основной причиной провала похода на Новгород в 1582 г. Так описывает один из участников этого похода Ореховскую дорогу: «Когда на этот раз была потеряна надежда на Нетеборг, шведы должны были снять свой лагерь и отступить с убытком. Тогда все гофлейты в Мартинов день пошли к Новгороду, по дурной дороге, на которой все лужи

были переполнены водой, и непогода с ливнем длились и день и ночь, и все мосты в России плавали под водой» [Рюссов 1880. С. 345].

Между 1572 и 1586 гг. ямские охотники с запустевших ямов были переведены на продолжавшие функционировать Ореховский и Волжинский ямы [Книги ямские... 1586]. В 1586 г. Ореховская дорога была обустроена, ямские станции укрупнены — если раньше на станциях сидело по два охотника и два «подцатчика», то в 1586 г. на каждую станцию поместили по 10 ямских охотников [Выписка... 1603]. Из документов 80-х гг. XVI в. мы узнаем о структуре ямской станции. В эти годы станция включала в себя ямскую слободу: комплекс дворов ямских охотников, ямской пригонный двор — место, где помещались подошедшие подводы, и ямской двор — административное помещение. Но Ореховская дорога прослужила, по всей видимости, до начала русско-шведской войны 1591-1593 гг. По ее окончании, с отвоеванием Ивангорода, Яма и Копорья с уездами, главной становится Ивангородская дорога. В 1597 г. Ореховская дорога была упразднена, а ямских охотников перевели на Ладожскую дорогу, на вновь учрежденный Пчевский ям [Две челобитные... 1603].

В изгонных книгах, обнаруженных и опубликованных И. А. Голубцовым, существует подробная роспись Ореховской дороги и действовавших на ней до 1597 г. ямах. Этот документ перечисляет пункты на Ореховской дороге в следующем порядке: Лусский ям, Гдицкий ям, Волжинский ям, Шапецкий ям, Назышский ям, Ореховский ям. Расстояние между этими ямами исчислялось в 25-30 верст [Голубцов 1950]. При этом ко времени составления Изгонных книг Ореховская дорога и находившиеся на ней ямы уже не действовали, функционировал лишь водный путь из Новгорода в Орешек и Корелу через Ладогу и Ладожское озеро.

В XVII в. Ореховская дорога восстанавливается. В конце этого столетия путь по Ореховской дороге мимо Костовской заставы описывает И. Ф. Кильбургер [Кильбургер 1915]. Если Ивангородская дорога приходит в запустение на территории Московского государства и продолжает активно использоваться в Шведской Ингерманландии, то Ореховская дорога, напротив, функционирует в России, а в Швеции становится заброшенной.

3. Ладожская дорога

Водный (и санный) путь из Новгорода в Ладогу и обратно существовал издавна, как один из участков Пути из Варяг в Греки. Волхов, являясь наиболее прямой и короткой магистралью, связывавшей эти два города, естественно, продолжал ею оставаться и в XVI в. Однако именно в это время в России возникают сухопутные ямские дороги. Дорога из Ладоги в Новгород легла вдоль Волхова, мимо селений Водской пятины, т.е. вдоль левого берега реки.

Первые источники, указывавшие на существование Ладожской дороги, относятся к 40-м гг. XVI в. В описании Андреевского Грузинского погоста 1540 г. упомянута «деревня Курцева на Кересги ям». Видимо, в середине XVI в. Ладожская дорога не получила ведущего значения в системе транспортных магистралей Новгородской земли. Платежная книга Корельской половины Водской пятины, составленная около 1560 г., аккуратно перечисляет ямы, владевшие землями. Среди них названы ямы: Лусский, Волжинский, Шапецкий, Палкиногорский и пр. Все они лежат на Ивангордской, Ореховской и Корельской дорогах. Ни одного яма на Ладожской дороге книга не знает, хотя в ней подробно описаны поместья и вотчины в Ладоге, ее округе и в большинстве Поволховских погостов. Н. Е. Бранденбург относит образование яма в Ладоге ко времени не ранее 1591 г. [Бранденбург 1896].

Ладожская дорога начинает устраиваться как постоянно действующая магистраль лишь со второй половины XVI в. В 1586 г. был издан указ, требовавший перевести ямских охотников с Волжинского яма на Ладожскую дорогу и учредить там ямские станции. В этом году были учреждены «поперечные», т. е. второстепенные ямы на Вылегах, в Грузине, на Солецею погосте «для сюрор подмены лошадей». На всех этих ямах в 1586 г. поместили по 5 человек ямских охотников. В 1591 г. ямскими устройщиками С. Кузминским и О. Ивановым был организован ям в Ладого [Там же].

В 1597 г. происходят существенные реформы в области дорожной сети в Новгородской земле. Ликвидируются Ореховская и Корельская дороги и их место занимает Ладожская, причем используются оба ее варианта — водный и сухопутный. На последний, впрочем, как на требующий больших затрат, надеялись мало [Выписка... 1603]. В ходе реформы поперечные ямы ликвидировались. Вместо них создавались крупные ямские станции на двух сторонах Волхова: «Первой ям на Вотцкой стороне в деревне на Смолках, а другой ям на Обонежской стороне на Пчеве» [Там же]. После этого ключевую роль начинает играть Смолковский ям. Именно он становится перекрестком Ладожской и Тихвинской дорог. Но из-за неудобства положения дороги на левом берегу р. Волхов охотники в 1601 г. были переведены на Обонежскую сторону на вновь образованный Пневский ям. Известен документ 1597 г., перечисляющий ямы на Ладожской дороге. Это Пневский, Пчевский и Ладожский ямы. Дорога шла «рекою Волховом и берегом» [Голубцов 1950]. В 1601 г. ямы на Ладожской дороге были укрупнены. На каждый из них было поселено; по 10 ямских охотников [Выписка... 1603]. По всей видимости, на рубеже XVI-XVII вв.; путь по Ладожской дороге был преимущественно водным и санным (по реке). На это указывает расположение ямов и по правому и по левому берегам Волхова.

Нам мало известно о функционировании Ладожской дороги в годы шведской оккупации. Нет сомнения, что движение между Ладогой и Новгородом в 1610-1618 гг. было чрезвычайно активно. Несколько раз за это время Ладога, Порожская волость, район Гостинопольского монастыря становятся ареной боевых действий. По мнению К. Н. Сербиной, именно заняв Ладожскую дорогу, русские отрезали экспедиционный корпус шведского генерала Делагарди от главной базы шведских войск в Финляндии, с которой после этого приходилось сноситься через Тесово и Ивангородскую дорогу [Сербина 1951].

После ухода шведов в начале XVII в. восстанавливаются ямские станции. Однако свидетельств восстановления сухопутной дороги в Новгород ранее середины столетия мы не знаем. Напротив, источники, относящиеся ко времени сразу после мира, скорее, свидетельствуют о некотором недоумении путников при выборе пути от Ладого к Новгороду и Москве. 28 октября 1619 г. князь Ф. Барятинский, О. Прончищев и Б. Кашкин писали в Москву, что стоят в Ладого «за розпутицею. А как зимней путь учинитца, и мы пойдем из Ладого ко государю к Москве, розспрашивая, на те места, куда лутче пройти» [Челобитная... 1620]. В 1650 г. ладожские ямские охотники должны были обеспечивать коммуникации «от Ладого до Новгорода и до свейского рубежа до Лавуи реки и до Пашского яму» [Бранденбург 1896]. Таким образом, к середине века дорога была восстановлена.

4. Дорога из Ладого в Орешек

Дорога из Ладого в Орешек являлась, по всей видимости, одной из важнейших магистральных дорог Новгородской земли в XVI -- начале XVIII в. Она шла от центра города Ладога вдоль течения небольших рек Ладожки и Кобоны мимо Федоровского

Песоцкого погоста к деревне Городище на Лавуе, близ которой в XVII в. был построен Лавуйский острог — пограничный пункт на русско-шведской границе. От р. Лавуя (Лава) дорога шла к Егорьевскому Лопскому погосту, а от него — к Назыинскому яму на Ореховской дороге, где с ней соединялась.

Большинство сведений о дороге из Ладоги в Орешек относится к рубежу XVI-XVII вв., а также к началу XVIII в. Нам известен только один ям, расположенный на этой дороге, — Ладожский.

Первые сведения о дороге из Ладоги в Орешек были собраны Н. И. Репниковым. В начале XX в. крестьяне, жившие близ бывшей русско-шведской границы, указывали «Карыгановскую», или «Киргановскую» дорогу, на которой была застава — стан разбойников [Репников 1914]. Эта дорога соотносится с дорогой из Ладоги в Орешек, а такое необычное название — с названием д. Курыханово (Курганцы, Куруханово), известной в Егорьевском Теребужском погосте с 1568 г. [Писцовая книга... 1568] и лежавшей на дороге из Ладоги в Орешек. Дороге из Ладоги в Орешек была посвящена отдельная статья. В. П. Петренко [Петренко 1982], в которой проведена локализация дороги по данным Генерального межевания 90-х гг. XVIII в. Интересно, что на карте, опубликованной В. П. Петренко, отмечены как раз те пункты на дороге, которые не назвал в своем описании дороги из Нотебурга в Ладогу Э. Пальмквист: Ахматова Гора, Кисельня, Пески, Чаплино, Васильково. Это связано с тем, что в своей работе В. П. Петренко опирался не только на документальные свидетельства, но и на собственные полевые изыскания (фольклорные, археологические данные), материалы которых ныне утеряны¹.

В источниках конца XVI [Голубцов 1950] и начала XVII в. [Выписка... 1603] зафиксирована точная длина дороги — 70 верст. Описание, данное этой дороге шведским разведчиком Э. Пальмквистом, было нелицеприятным: «Когда-то, а именно во времена графа Якова Делагарди, эта дорога очень хорошо была обстроена мостами и т. п., но теперь же пришла в совершенную негодность и почти непроходима, особенно летом из-за густых зеленых зарослей и болотистой топкой почвы» [Пальмквист 1993. С. 16]. Более чем интересно, какими источниками времен шведской оккупации Ладожского уезда пользовался Пальмквист: в нашем распоряжении таких нет. В источниках XVII в. эта дорога не упоминается. Однако существование Лавуйской заставы, расположенной на пересечении Ладожско-Ореховской дороги и русско-шведской границы, косвенно указывает на использование этого пути в XVII в. До нас дошло описание Ладожской дороги 1701 г., составленное новгородскими дворянами накануне русского наступления на Нотебург и Канцы [Роспись 1701].

5. Корельская дорога

О Корельской дороге у нас довольно мало известий. Она соединяла Орешек с Корелой, в районе Каяфинского яма выходя к границе со Швецией, и функционировала в течение XVI в. Первые сведения о ямах на Корельской дороге относятся к 1539 г., однако, надо полагать, что ямская служба на ней была установлена несколько раньше.

Так как содержание ямов обеспечивалось, в основном, за счет земельных владений, то сведения о ямах сохранились в писцовых книгах XVI в. В то же время, есть указания на некоторые пункты, не отмеченные среди владельцев (д. Ям в Воскресенском Городенском

¹Любезно сообщено мне В. Ф. Игнатенко.

погосте [История Карелии... 1987], деревня на Соболине яму в Михайловском Сакульском погосте¹). Это позволяет предположить, что данные названия отражают какие-то более ранние, чем середина XVI в., реалии.

В 1540 г. на каждом из учрежденных тогда ямах — Палкиногорском, Каяфинском, Костроминском, Корельском и, по всей видимости, ямах, расположенных в Ореховском уезде, чье описание до нас не дошло — Вложском и Кобылицком, было помещено по два ямщика. Платежная книга 1560 г. донесла до нас сведения обо всех ямах на Корельской дороге [Платежная книга 1560].

Между 1560 и 1568 гг. было проведено укрупнение ямов. Согласно писцовой книге 1568 г., сохранялись только вновь учрежденный в Сакульском погосте Пустошский ям и ям в городе Корела.

В последние годы Ливонской войны вдоль Корельской дороги активные боевые действия ведет шведский военачальник Понтус Делагарди. Местные предания жителей северных окрестностей Петербурга, записанные в начале XIX в., связывали остатки заброшенных в XVIII в. дорог именно с деятельностью Понтуса Делагарди [Гиппинг 1909]. Эти предания типологически схожи с теми, что связываются современным местным населением с остатками другой магистральной дороги Северо-Запада — Ивангородской.

После Плюсского перемирия 1584 г., когда Корела с уездом на несколько лет были оккупированы шведами, дорога, естественно, забрасывается. И после Тявзинского мира, в 1597 г., Корельская дорога не была возобновлена. В «Выписи из Новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым, упоминаются такие ямы между Орешком и Кьрелой: Пурносельский, Пустошский, Паринский, Корельский. При этом в Выписи отмечается, что в 105 г. (1596/97 г.) Корельская дорога была «отставлена, а гоняют на Ладогу», т. е. водным путем [Голубцов 1950]. Однако в октябре 1597 г. был издан указ о возобновлении Корельской дороги. На ней было велено устроить две ямские станции, «где будет пригоже». На эти станции и на ям в городе Корела было помещено по пять человек ямских охотников [Отписка... 1604]. Новая дорога не повторяла трассу старой, а шла через уже упоминавшийся Кобылицкий ям и далее вдоль западного берега Ладожского озера (по реконструкции И. А. Голубцова) до Каргалского яма и Корелы. В 1611 г. на Ореховской дороге, в Кобылицком яму, соединились войска Пьера Делавиля и Якова Делагарди [Отписка... 1611].

По всей видимости, дорога из Орешка (Нотебурга) в Корелу в «шведское время» не функционировала. На карте Бергенгейма, отражающей ситуацию в Шведской Ингерманландии на 1676 г., такой дороги нет, однако на ней обозначен «*redutt*», находящийся на западном берегу Ладожского озера [Бергенгейм 1827], близ возникшего в конце XVI в. Никольского монастыря в Олосском устье [Отдельные книги... 1598-1600. Л. 399-400]. Возможно, эти укрепления были как-то связаны с последней трассой дороги.

б. Псковская дорога

Дорога из Новгорода во Псков была, по всей видимости, одной из наиболее древних. По мнению А. В. Михайлова, эта дорога как сухопутный путь существовала уже в конце XV в. [Михайлов 1996]. Первое подробное описание дороги было составлено бароном

¹Соболин ям в Сакульском погосте известен по писцовой книге 1568 г., однако о каких-то ямских учреждениях близ него мы не знаем. Деревня на Соболине яму принадлежала в это время трем группам своеземцев (Спировы, Якольские, Коньковы) и Пречистенскому Коневскому монастырю [История Карелии 1987].

Сигизмундом Герберштейном [Герберштейн 1988]. При этом ямские станции на ней упоминаются достаточно поздно, лишь к концу XVI столетия. Псковская дорога начиналась в Новгороде, в Алексеевской ямской слободе [Перепись... 1602]. В «Выписи из Новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым, упомянуты следующие ямы на Псковской дороге: Веряжский, в 20 верстах от Новгорода, Пшасский, еще в 30 верстах, далее еще в 20 — Раицкий ям, еще в 20 — Сухловский, далее, в 15 верстах — Дубровенский, от него в 20 верстах — Загорье, откуда оставалось 30 верст до Пскова [Голубцов 1950]. Особенно активно дорога начинает использоваться в XVII столетии, когда она становится важнейшей магистралью, связывающей Россию со странами Запада: Рисунки, вошедшие в «Альбом Мейерберга», изображают многие пункты на Псковской дороге — Опоки, Дубровну, Сольцы, Голино и пр. [Альбом Мейерберга 1903]. Участок дороги между Голиным и Новгородом в XVII в. был преимущественно водным. Э. Пальмквист писал о сухопутном отрезке этого пути: «От Сольцов можно ехать также и сухим путем до самого Новгорода, хотя эта дорога и очень затруднительна, особенно весной и осенью, по причине встречающихся здесь в массе речек, ручьев, болот и топких мест» [Пальмквист 1993. С. 17]. Воспоминания о Псковской дороге сохранялись в окрестностях Новгорода до конца прошлого столетия [Августинович 1879].

7. Гдовская дорога

Дорога из Новгорода в Гдов, по всей видимости, не относилась к числу первостепенных. Ее учреждение следует относить к концу XVI в. В сентябре 1585 г. было принято решение установить ямскую гоньбу из Новгорода в Гдов, для чего учредить ям на Дремяцком погосте, примерно на полпути. До этого, вероятно, существовали какие-то использовавшиеся гонцами и прочими правительственными чиновниками пути из погоста в погост. Документ, в котором говорится о предложении учредить ямскую гоньбу из Новгорода в Гдов, упоминает дорогу от Новгорода до Дремяцкого погоста и оттуда — до Псковского рубежа [Наказ... 1585]. По всей видимости, такая дорога должна была идти через Сумерскую волость. Для устройства шов в сентябре 1585 г. в разные погосты были посланы дети боярские, в частности, «в Дремяцкой погост до Новгорода и Гдова» [Список... 1585]. Гдовская дорога являлась ответвлением Псковской. Она шла с ней совместно до Пшасского яма и далее поворачивала на север [Отписка... 1595]. В «Выписи из Новгородских изгонных книг» описана дорога из Новгорода к Гдову Шелонской пятиной, вероятно, функционировавшая в конце XVI столетия. Дорога, согласно этому документу, составляла 180 верст и включала в себя следующие пункты: Медвецкий, Дремяцкий, Лядский, Лосицкий и Щепецкий погосты [Голубцов 1950]. Данную дорогу, по всей видимости, и следует рассматривать как возникшую из существовавших ранее дорог, связывавших отдельные погосты. Пример дороги, трасса которой в большинстве пунктов, вероятно, совпадала с трассой дороги из Новгорода в Гдов, приводится в документе, датированном 25 февраля 1595 г. В нем описывается гоньба через Пшасский ям на Псковской дороге «до Щипца, и до Лоси, и до Прибужа» [Отписка... 1595]. Позднее Гдовская дорога, видимо, так и остается второстепенной, но функционирует отдельными участками, а участок трассы от Лятцкого погоста до Гдова сейчас является действующей магистралью.

¹Впрочем, Герберштейн проезжал в Новгород из Великих Лук и на Псковскую дорогу выехал только в Опоках.

8. Тихвинская дорога

Дорога из Новгорода к Успенскому Тихвинскому монастырю существовала по меньшей мере с XVI в. Самые ранние сведения о дороге «от Новагорода к Тифине» встречены нами в «Выписи из новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым. Надо полагать, что дорога возникла из старого пути в Обонежье, подобно Гдовской дороге, т. е. из системы небольших, второстепенных дорог без регулярной ямской гоньбы, связывавшей отдельные погосты друг с другом. Возобновленная в начале XVII столетия Тихвинская дорога отворачивала от Ладожской в Пневском яме и далее шла к Пшегужскому яму. Ямские охотники с Пневского яма, ища более легкого пути, подвозили гонцов и прочих проезжающих Волховом до Грузию и далее р. Осуя, а только последний участок пути шли «горней» дорогой [Челобитная 1604]. Далее, со Пшегжи, дорога шла на Кременицкий погост и к Сяси [Там же]. «Выпись из Новгородских изгонных книге, опубликованная И. А. Голубцовым, достаточно скупо говорит о трассе Тихвинской дороги, упоминая на ней лишь Сухловский ям, лежавший на Ладожской дороге, от которого шел поворот на Тихвин, и Пшегужский ям, известный по множеству других источников.

Таким образом, реконструкция трассы Тихвинской дороги, предлагаемая нами, достаточно приближительна. В частности, мы ничего не знаем о яме в самом Тихвине. Надо полагать, современная дорога из города Чудово в Тихвин в общих чертах совпадает с Тихвинской дорогой эпохи позднего средневековья.

Заключение

Мы рассмотрели восемь дорог, проходивших по Северо-Западу Новгородской земли в конце XV — начале XVIII в. В XVI в. эти дороги представляли собой организованную сеть связанных друг с другом трасс. Ивангородская и Ореховская дороги совпадали друг с другом на протяжении пути от Новгорода до Лусского яма, дорога из Ладоги в Орешек соединялась с Ореховской в Назыинском яме, а Ладожская дорога служила как бы восточной гранью большого треугольника. Кроме того, Ореховская дорога была частью дороги из Новгорода на Корелу, а от Ладожской в Смолковском (ранее в Грузинском) яме дорога отходила на восток, на Тихвинский погост. В разные периоды значение этих дорог менялось. Первоначально устроенные как государственное учреждение ямские дороги в очень сильной степени зависели от политического положения в стране. Поддержание сухопутных дорог в хорошем состоянии требовало заметных финансовых и людских затрат, поэтому в годы кризисов актуальными становились водные пути как более дешевые и простые в использовании.

Процесс церковного строительства в Новгородской земле XVI в. был тесно связан с развитием магистральной сети. По всей видимости, привязка строящихся в XVI в. дорог к приходским и монастырским центрам была не случайной. Она может указывать на принцип, использованный при прокладке дорог, и на происхождение ямских дорог как бывших путей из погоста в погост¹. Складывающаяся в XVI в. сеть приходских центров в значительной степени приурочена к главным государственным магистралям. Обращает на себя внимание

¹На то, что многие ямские дороги имели именно такое происхождение, указывает, к примеру, процесс устройства Гдовской дороги в конце XVI в. Данную дорогу, по всей видимости, следует рассматривать как возникшую из существовавших ранее дорог, связывавших отдельные погосты. Точно так же описывается, к примеру, в изгонных книгах, опубликованных И. А. Голубцовым, «Дорога из Новгорода к Соловецкому монастырю горним путем». Надо заметить, что и путь Ивана III на Новгород в 1478 г. протекал как путь от погоста к погосту. Подробно это обстоятельство было рассмотрено А. А. Фроловым [Фролов 1997].

то, что С системой этих магистралей связана именно та приходская Система, которая складывается в XVI в., а не система погостов. Возможен и обратный вариант: сельские храмы XVI в. возникали вдоль дорог, строившихся именно в это время. Некоторые участки дороги соединяют приходские храмы, а также монастыри, которые являются ориентирами на пути следования.

После Смутного времени почти все рассматриваемые нами ямские дороги приходят в упадок и практически не поддерживаются государством. Нам не известно ни одно описание северо-западных дорог, где бы содержались данные о хорошем состоянии хоть какого-нибудь участка. В начале XVIII в. ямские дороги Новгородской земли, сыграв свою роль в начале военных действий, полностью теряют значение.

Литература

- Абрамович 1974 — Абрамович Г. В. Бежецкая пятина // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.
- Августинович 1879 — Августинович И. Отчет по исследованию? и осушению болот в Новгородской губернии за 4 года (с 1875 по 1879 год). СПб., 1879.
- Альбом Мейерберга 1903 — Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в.: Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в настоящую величину. СПб., 1903.
- Бергенгейм 1827 — Карта бывших губерний Иваньгорода, Яма, Копорья и Нозтеборга, составленная под присмотром Генерал-Маиора Шуберта Генерального Штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1-м. СПб., 1827.
- Щанбенбург 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896.
- Видекинд 1672 — Видекинд Ю. История шведско-московской войны. 1672 / Пер. с лат. С. А. Аннинского // СПбФИРИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 140. Ч. 1.
- ВОИДР 1851 — Переписная и окладная книга Водской пятины: Вторая половина / Публ. М. А. Оболенского // Вестн. об-ва истории и древностей Российских. Т. 11. М., 1851.
- Выписка... 1603 — Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. Ст. 757-772 (РИБ. Т. 22).
- Высочайшая резолюция... 1724 — Высочайшая резолюция на докладные пункты Камер-Коллегии — о содержании дорог. 13.11.1724 // ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. № 4591. СПб., 1838.
- Герберштейн 1988 — Герберштейн С. Записки о Московитских делах. М, 1988.
- Гиппинг 1909 — Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. Т. 2. СПб., 1909.
- Голубцов 1950 — Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI-XVII вв. и отражение их на карте середины XVII в. // Вопр. географии. 1950. Т. 20.
- Грамота воеводе Буйносову-Ростовскому... 1602 — Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку Поздееву с наказом сейчас же послать в Новгородские пятины для вызова в Новгород детей боярских и новокрещенов из татар и для сбора казаков, а по ямам подвод для встречи датского королевича. 12.08.1602 // СПбФИРИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 20.
- Грамота воеводе Ногтеву... 1594 — Грамота новгородскому воеводе кн. Д. А. Ногтеву о выдаче руги Пятницкому и Воскресенскому монастырям под Ямом. Отпуск. 9.05.1594 // РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. 1594 г. Л. 25.
- Грамота митрополиту Варлааму... 1594 — Грамота новгородскому и великолукскому митрополиту Варлааму о выдаче беспоплиного антиминса во вновь сооруженную теплую церковь Космы и Дамиана Пятницкого монастыря под городом Ямом. Отпуск. 9.08. 1594 // Там же. Л. 29-30.
- Гурлянд 1900 — Гурлянд И. Е. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.
- Две челобитные... 1603 — Две челобитные охотников Пчевского яма. Дек. 1603 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. Ст. 752-753 (РИБ. Т. 22).

- Донесения нидерландских посланников... 1878 -г Донесения Нидерландских посланников о их посольстве в Швецию и Россию в 1615-1616 гг. Сообщения из Нидерландского Государственного Архива // Сборник Русского исторического общества. 1878. Т. 24.*
- Жербин 1956 — Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.*
- История Карелии 1987 — История Карелии XVI-XVn вв. в документах. Т. 1. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.*
- Кильбургер 1915 — Кильбургер И. Ф. Краткое известие о русской торговле как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // 6-й сборник статей членов студенческого историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира. Киев, 1915.*
- Книга записная... 1615 — Книга записная сбора Хлеба и денег для шведских войск по Тесовскому острожку. 1615 // СПбФИРИ. М/ф. 403 (без пагинации).*
- Книги Новгородских ямов... 1586-1588 — Книги Новгородских ямов 1586-1588 гг. // ОР РНБ. ОСПК. Q IV. 264.*
- Книги ямские... 1586 — Книги ямские Новгородского уезда И. Г. Вельяминова да дьяка С. Собаки Васильева. 1586 // Там же. 261.*
- Коваленко 1995 — Коваленко Г. М. Швеция и Россия в XVII в.: Из истории политических и культурных связей / Rapportserie utg. Av Forskningarkivet vid Umeå Universitet // Scriptum. 1995. № 40.*
- Межевая запись... 1618 — Межевая запись о размежевании по Столбовскому договору Новгородского, Ладожского и Гдовского уездов от Шведских владений. Лета 7126 марта 29 дня // ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 19, III. СПб., 1830.*
- Михайлов 1996 — Михайлов А. В. К изучению волока в междуречье Черехи и Узы // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1995. Псков, 1996.*
- Наказ... 1585 — Наказ ямскому строичику, которого предположено было послать для устроения ямской гоньбы в Дремячском погосте. 1585. 14.09 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. Ст. 79-81 (РИБ. Т. 22).*
- НПК1868 — Новгородские писцовые книги, издаваемые Императорской археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1868.*
- Олеарий 1906 — Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.*
- Осьминский и др. 1974 — Осьминский Т. И., Амромина Р. А., Дмитриева З. В. Деревская пятина во второй половине XVI в.: Запустение 6080-х гг. // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.*
- Отдельные книги... 1598-1600 — Отдельные книги Водской пятины 7107-7108 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960.*
- Отписка... 1595 — Отписка Ивана Краснослепова об исполненном поручении, роспись патым лошадям Пшаского яма и обыски. 1595. 25. 02 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. Ст. 3153-35 (РИБ. Т. 22).*
- Отписка... 1602 — Отписка досмотрщиков Ивкова и Семенова и роспись мостов на их участке. 1602. 21. 06//Там же. Ст. 528-534.*
- Отписка... 1604 — Отписка из Новгорода от воеводы В. И. Буйносова-Ростовского и дьячка Н. Суколепова по поводу устроения Корельской дороги. 1604 // СПбФИРИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л, 115-122.*
- Отписка... 1611 — Отписка неизвестного лица о неприязненных действиях шведского полковника Якова Делагарди под Орешком. 1611 после 23.02 // Архив П. М. Строева. Т. 2. Пг, 1917. Ст. 190-192 (РИБ. Т. 35).*
- Отписка... 1633 — Отписка Тесовского заставного головы Ёоронина новгородскому воеводе кн. И. М. Катыреву-Ростовскому о латах, перебежчиках и пр. Июнь 1633 // СПбФИРИ. Ф. 109. Д. 766.*
- Отписка... 1636 — Отписка А. Мелницкого и С. Свербеева в Новгород о пути их на Осиновую Горку для перебежчицкой размены. 29.03.1636 // Там же. Д. 595.*

- Павулан 1971 — Павулан В. В. Полшика шведской администрации в Видземе XVII в. в отношении путей сообщения, транзита и дорожного хозяйства // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин, 1971.
- Паяшквист 1993 — Паяшквист Э. Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1674 году. Новгород, 1993.
- Память... 1663 — Память из Новгородского дворцового приказа сотнику стрелецкому Л. Аристову об отдаче на оброк строителю Троицкого Зверинского монастыря старцу Феодосию с братьей сроком на 10 лет, без перекупки пустошей Чащиц, Озерешны, Часовенки и Ольховца. 18. 11. 1663 // СПбФИРИ. Кол. 172. перемі. 3. Д. 240.
- Перепись... 1602 — Перепись охотников Алексеевской слободы, их семей и имущества. 1602. 30. 05 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. Ст. 456-492 (РИБ. Т. 22).
- Петренко 1982 — Петренко В. П. Городище на реке Лаве // КСИА. 1982. Вып. 171.
- Писцовая книга 1568 — Писцовая книга Водской пятины И.В.Булгакова и подьячего П.Шепелева. 1568 // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 7.
- Порядная 1597 — Порядок 7 крестьян Никольского Вяжицкого монастыря с казначеем Никодимом на подвоз леса и постройку мостов на Ивангородской дороге, 1597. 21.10 // РИБ. Т. 32. СПб., 1915. Ст. 724-725. Архив П.М.Строева. Т. 1.
- Разрядная книга 1475-1605 — Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1987.
- Разрядная книга 1559-1605 — Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974.
- Решите 1914 — Репников Н. И. Памятники военной старины в низовьях Волхова // Записки разряда военной археологии Русского военно-исторического общества. Т. 3. Пг, 1914.
- Роспись 1701 — Роспись пути горному от Ладоги к Канцам по сказке Новгородских дворян Кушепева, Бестужева и князя Мышецкого. [1701] // Устрялов Н.П. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. Приложение. СПб., 1863. № 68. С. 193-194.
- Рюссов 1880 — Рюссов Б. Ливонская хроника. [1584] // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, Т. 3. Рига, 1880.
- Самоковасов 1908 — Самоковасов Д. Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVII столетий. Т. 2. М., 1908.
- Сербина 1951 — Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского средневекового города: Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. М.; Л., 1951.
- Соборное уложение 1649 — Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарий. Л., 1987.
- Список 1585 — Список детей боярских, посланных для устройства ямов. 1585, сент. // Дела Тайного приказа. Т. 2 // РИБ. Т. 22. СПб., 1908. Ст. 85.
- Статейный список 1641 — Статейный список, содержащий пять указов. 1641. 23.07 // Законодательные акты Русского государства: Вторая половина XVI — первая половина XVII в. Л., 1986. С. 195-200.
- Фролов 1997 — Фролов А. А. О маршруте «мирного похода» Ивана III на Новгород // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. докл. Вып. 11. Новгород, 1997.
- Челобитная 1604 — Челобитная игумена Деревяницкого монастыря на охотников Пневского яма 1604. 1.07 // СПбФИРИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27, ямские дела. Л. 128-129.
- Челобитная 1604а — Челобитная ямских охотников Пнюгужского яма. 1604 // СПбФИРИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27, ямские дела Л. 136, 133 (листы перепутаны).
- Челобитная 1620 — Челобитная кн. Ф. Борятинского, О. Прончищева и Б. Кашкина, 1620 // СПбФИРИ. Кол. 276. Оп. 1. № 27, ямские дела. Л. 537-538.
- Якубов 1890 — Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского архива // ЧОИДР. 1890. Вып. 1, 4.
- Bunge 1859 — Bunge F. G. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 4. Reval, 1859.
- Goeteeris 1619 ~ Goeteeris A. Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616 ... Graven-Hage, -. 1619.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Древнейшие известия о населении, обитавшем в этом регионе в начале I тыс. н. э., принадлежат ряду античных и раннесредневековых источников. Используя метод ретроспекции, можно попытаться соотнести сообщаемые этими источниками сведения с несколько более древними временами.

В начале I тыс. н. э. лесной северо-восток Европы населяли люди, именуемые Тацитом финнами [Тацит 1969]. Спустя пять столетий Иордан, сообщая о покорении Германарихом в IV в. северных племен, уже приводит их названия, в которых сравнительно легко угадываются знакомые по Повести временных лет этнонимы: чудь, весь, меря и мордва. В тексте готского историка они соединены со словами, по-видимому, географически локализуемыми перечисленные народы [Иордан 1960]. Те из них, которые сопутствуют этнониму «чудь», в середине прошлого столетия были истолкованы как некая территория между Ладожским и Онежским озерами [Браун 1859]. В то же время, существует и иное толкование этих строк Иордана, принадлежащее современному петербургскому этнологу А. Н. Анфертьеву (доклад на конференции «Ладога и исторические источники». Старая Ладога, декабрь 1999 г.). Согласно этому толкованию, рассматриваемые строки Иордана следует читать примерно так: «... и другие (остальные) народы». По мнению других авторов, список этнонимов, приводимых Иорданом, представлял собой перечень народов, проживавших близ двух возможных путей следования из Северной Европы на Волгу: одного, пролежавшего по Западной Двине, и другого — более восточного, шедшего через Ладожское, Онежское и Белое озера. Древность последнего у некоторых исследователей вызывает сомнения [Носов 1976]. Между тем, именно этот путь фиксируется приведенным выше набором этнонимов, что позволяет предполагать местами обитания веси во второй половине I тыс. н. э. районы к югу и юго-востоку от Ладожско-Онежского межозерья, возможно — вплоть до Белого озера, где несколько столетий спустя ее и локализует русский летописец [ПВЛ 1950].

Феннов Тацита, а равным образом упомянутых Иорданом чудь и весь, значительная часть языковедов признает финно-уграми и, точнее, прибалтийскими финнами [Попов 1973]. В соответствии с этим процесс формирования некой протоприбалтийско-финской этнокультурной общности, по мнению некоторых финских археологов, начинается еще раньше, с появлением типичной гребенчатой керамики и сложением в III тыс. до н. э. культуры поздней гребенчатой керамики. В следующем тысячелетии население, оставившее эту керамику, испытывает сильное влияние из центральных районов Русской равнины, преобразуясь в результате в эпинеолитическую общность, включавшую культуру асбестовой и текстильной керамики. Первая распространяется на территорию к северу и северо-западу, а вторая, соответственно, к югу и юго-востоку от Ладожского озера. I тыс. до н. э. можно охарактеризовать как период их относительно спокойного развития, заканчивающийся бурной эпохой переселения народов, начавшейся там, по всей видимости, примерно в VIII в. н. э. [Мейнандер 1982]. Следствием наблюдаемой в это время активизации межплеменных контактов являются сведения Тацита и Иордана.

В отличие от Финляндии и Северо-Западного Приладожья, к юго-востоку от Ладожского озера последствия эпохи переселения народов практически не ощущаются. Отчасти это

можно объяснить недостаточной изученностью археологических памятников на рассматриваемой территории. Однако по мнению Н. Н. Гуриной, заселение Юго-Восточного Приладожья проходило непрерывно на протяжении всей эпохи железа (нач. I тыс. н. э.) [Турина 1961]. По словам Тацита, характеризующим жизненный уклад финнов в предшествующий «великому переселению народов» период, они отличались «удивительной дикостью и ужасной бедностью», не имели оружия, жили в шалашах и кормились исключительно охотой. Действительно, число и особенности расположения поселений даже более позднего времени, добытый при их раскопках материал позволяют считать, что они принадлежали немногочисленным, в значительной мере обособленным друг от друга родовым коллективам с хозяйством выраженного экстенсивного характера, основу юторого составляли охота, рыболовство и лесные промыслы [Турина 1961; Третьяков 1971].

Во второй половине — последней трети I тыс. н. э. в жизни насельников Приладожья происходят изменения, связанные с появлением на южных окраинах зоны их расселения новых коллективов, отличительной чертой которых был курганный способ погребения умерших. Северо-восточнее оз. Ильмень, на территориях к югу и юго-востоку от прилегающей к Ладожскому озеру низменности, распространяются ранее не известные здесь погребальные памятники — длинные курганы и сопки. В основном они принадлежат пришлому населению, в состав юторого, вероятно, входили и славянские коллективы [Носов 1982]. Первая волна мигрантов, фиксируемая появлением длинных курганов, имела несколько направлений, в том числе и северо-восточное (по отношению к Ильменю). Вероятным результатом контакта аборигенов Южного Приладожья с этой волной переселенцев было появление курганов у населения, прежде хоронившего умерших либо в грунтовых могилах, либо в «домиках мертвых», близких последним по ряду конструктивных особенностей, а в современном состоянии не отличающихся от курганов деревоземляные погребальные сооружения [Башенькин 1985]. Существует и иная интерпретация этого этапа истории заселения Юго-Восточного Приладожья. По мнению О. И. Богуславского, о проникновении этих коллективов в Юго-Восточное Приладожье свидетельствуют также следующие факты. В бассейне р. Лидь существует могильник Максимово (Карасинка), где найдены Ж-образные бляшки VII в., соотносимые с кругом древностей типа «длинных курганов». Кроме того, в могильнике Варшавский шлюз (на Тихвинке) А. Н. Башенькиным был исследован комплекс памятников (поселение и могильник) круга длинных курганов. В верховьях р. Оять частично раскопан погребальный (?) комплекс в д. Винницы с древностями «рязано-окского» облика, известными там до первой половины IX в. В ходе исследований О. И. Богуславского в Городище на Сяси (1987-1988 гг.) была раскопана «сопка» с весьма ранним материалом. Таким образом, проникновение первых курганных древностей вряд ли следует искать в Приильменье, скорее, в финском мире, на востоке и юго-востоке от Приладожья,

Вторая волна пришлого населения отмечена распространением сопок. Точно датировать время появления этих памятников в Юго-Восточном Приладожье достаточно сложно. Сопки, известные в бассейне р. Тихвинка, исследованы не были, сейчас они практически все уничтожены. Данные о сооружении сопок в бассейне р. Сясь позволяют говорить об их синхронности с сопками Поволховья.

Помимо курганного способа захоронения людям, оставившим сопки, принадлежит привнесение на территорию Южного Приладожья новых передовых видов хозяйственной деятельности, в частности, пашенного земледелия [Третьяков 1971]. Правда, в нижнем Поволховье, на Сяси и Тихвинке почвы оказались для него малопригодными [Жекулин 1972]. На берегах Тихвинки и Сяси пришлое население, лишенное этого основного хозяйственно-экономического преимущества, по-видимому, сравнительно быстро раствори-

лось в среде аборигенов. Во всяком случае в высоких сопковидных насыпях X-XI вв., раскопанных на Сяси и Тихвинке, очевидно преобладают элементы местной, более древней, вероятно финской, культуры. Впрочем, эти памятники (высокие сопковидные насыпи на Сяси и Тихвинке) соотносятся, скорее, с восточными высокими курганами, которые, видимо, не связаны с кругом новгородских сопков, а представляют собой особое культурное явление. Таким образом, применительно к этим памятникам, следует, вероятно, вести речь не о «растворении носителей сопочной традиции», а об устойчивости местной культурной традиции.

Огромное влияние на жизнь обитателей нижнего Поволжья и Приладожья вообще оказал северный участок Балтийско-Волжского пути, на котором около середины VIII в. появляется ладожское поселение. Возникнув как транзитный, перевалочный пункт на значительной, ведущей вглубь материка артерии, Ладога, экономическая жизнь которой стимулировалась торговлей Балтики с Востоком, в скором времени превратилась в большое торгово-ремесленное поселение, один из крупнейших центров Северной Европы [Средневековая Ладога 1985].

Уровень социально-экономического развития аборигенов не соответствовал характеру жизни разноэтничного ладожского поселения. Возможно по этой причине насельники ближайших его окрестностей смещаются в более восточные районы Приладожья. На освободившейся вокруг Ладоги территории, по мнению А. Н. Кирпичникова, начинает формироваться Ладожское оолоградь [Кирпичников 1979].

Немалую роль в передвижке коренного населения из соседствующих с Ладогой районов на восток сыграло появление скандинавов [Корзухина 1971]. Вполне освоившись на Волхове в IX в., они сначала проникают вглубь Приладожья, выменивая у аборигенов меха на изделия из металла, кости и стекла, не брезгуя наряду с обменом разбоем и грабежом. Следы этих первых контактов местного приладожского населения с норманнами являются немногочисленные находки вещей, преимущественно североевропейского происхождения, время бытования которых в целом относится к периоду, предшествующему возникновению приладожской курганной культуры.

Изменения в характере взаимоотношений скандинавов с обитателями Юго-Восточного Приладожья происходят уже после событий середины-третьей четв. IX столетия, получивших у автора Повести временных лет освещение в форме легенды о признании варягов и княжении Рюрика, но прежде всего свидетельствующих о становлении древнерусской государственности. Одной из первых акций молодого политического образования стало ограничение свободного транзита иностранных купцов (как арабских, так и североевропейских) через Восточный путь. Это толкало последних на поиски новых путей на юг. Ладога превращается в укрепленный форпост на северной границе; однако иноземцы не прекращали поисков никем не контролируемой дороги к богатствам Востока. Все чаще они появляются на Сяси и других крупных, впадающих в Ладожское озеро, реках, пытаясь по ним проникнуть на Волгу. Вслед за Рюриком, который, «раздая мужем своим грады», Олег в 80-х гг. IX в., стремясь, помимо всего прочего, воспрепятствовать такого рода попыткам, «нача грады ставити» [ПВЛ 1950. С. 18, 20, 215, 217]. В это время, по-видимому, в Приладожье возникает еще по крайней мере одно укрепленное поселение у с. Городище в среднем течении Сяси (возможно, соотносимое с Алаборгом, известным по северным сагам, ср. [Джаксон, Мачинский 1989]). Это укрепленное поселение возникает еще в конце VIII в. В конце IX - начале X в. роль Городища в контроле за Восточным путем была чрезвычайно велика; оно перестало существовать около 930 г., вероятно, когда интенсивность движения была чрезвычайно велика [Богуславский, Мачинская 1994].

Такая деятельность первых русских князей и увеличивавшийся спрос на меха, заставлявший обитателей Ладоги проявлять все большую заинтересованность в установлении стабильных связей с чуждым населением Приладожья — основным добытчиком пушныны, предопределили дальнейший ход событий. В конце IX — на рубеже IX и X вв. в нижнем течении Паши, т.е. на западной окраине мест обитания финноязычных, по всей видимости, коллективов, появляется некая, скорее всего неоднородная в генетическом и достаточно единая в культурном отношении, группа людей, взявших на себя постоянное посредничество в меховой торговле Ладоги с аборигенами. Именно с этой группой следует связывать большую часть ранних, как правило лишенных безусловной этнической окраски, пашских памятников. Наличие в ее составе выходцев из Скандинавии делает понятным сравнительно частое присутствие в курганах Паши элементов материальной культуры и погребального обряда норманнов. В данной среде, знакомой с обычаями коренного финского населения, в частности — с его продолжающим традицию «домиков мертвых» обрядом захоронения, начинают формироваться присущие исключительно приладожской курганной культуре особенности: устройство очага в центральной части погребальных сооружений и деление на мужскую восточную и женскую западную половины.

Появление в Юго-Восточном Приладожье новой, связанной с Ладогой группы населения и вовлечение в меховую торговлю местного населения оказало заметное влияние на культуру и исторические судьбы обитателей этой территории. Тесное соседство с пришельцами не только обеспечило местным коллективам еще один источник знакомства с курганным способом захоронения, но и обусловило участие последних в формировании специфически приладожских элементов погребального обряда. В результате особенности, начинающие складываться в нижнем течении Паши в X столетии, к концу X — началу XI в. приобретают вид устойчивой погребальной традиции, которая, развиваясь, сохраняется здесь на протяжении всего курганного периода¹. Отсюда, вслед за распространением пушной торговли во все более отдаленные районы Приладожья, она распространяется на юг, юго-восток и восток, оказывая заметное влияние на обрядность обитающих там коллективов, выработавших к этому времени свои самобытные формы курганного способа захоронения умерших. Позже, во второй половине XI — начале XII в. при сохранении прежней тенденции начинает проследиваться и противоположно направленная инфильтрация элементов культуры, т.е. особенности, характерные для юго-восточных и юсточных окраин территории приладожских хурганов, распространяются на запад, достигая Паши. Отчасти это можно объяснить притягательной силой появившихся и развивавшихся на Паше местных центров, один из которых, пожалуй самый крупный, возникает в нижнем течении Паши недалеко от места впадения в нее р. Сязнига [Потин 1968].

Параллельно со становлением погребальной обрядности у обитателей Приладожья разворачивается и процесс формирования материальной культуры. Скучная в своей основе, она уже в X столетии насыщается множеством разнообразных по характеру и происхождению предметов, полученных, преимущественно, в обмен на меха. Среди бытового инвентаря особой многочисленностью выделяются бусы. Вполне возможно, что часть вещей, поступивших в это время в Приладожье, была изготовлена в Ладоге. В конце X — начале XI в. появляются, а в течение XI столетия повсеместно распространяются предметы, составляющие специфику материальной культуры населения Юго-Восточного Приладожья

¹Здесь авторы придерживаются хронологии приладожских древностей, предложенной В. И. Равдоникасом и Я. В. Станкевич. В настоящее время существует также абсолютная хронология, разработанная О. И. Богуславским. По его мнению, эти устойчивые особенности складываются в более раннее время, во второй половине IX в.

в курганный период. Среди них и теперь уже со всей определенностью выступает пласт древностей, позволяющий уверенно связывать приладожских обитателей с финским миром. Немалую роль в разработке форм и последующем производстве этих изделий сыграли, по-видимому, местные центры.

За описанным выше явлением стоят серьезные внутренние изменения, происшедшие в жизни населения Юго-Восточного Приладожья на рубеже I и II тыс. н. э. Участие в меховой торговле, а в известном смысле даже ориентация аборигенов края на пушной промысел привела к появлению у них частной собственности, прежде всего на продукт охоты, что в свою очередь, ускорило кризис родовых отношений, способствовало возникновению имущественной, а затем и соответствующей социальной стратификации местного общества. Приладожские коллективы выросли численно. Заметно расширились и окрепли их взаимосвязи. В итоге в XI-начале XII столетия в Юго-Восточном Приладожье разворачивается процесс этнической консолидации его обитателей, начинается формирование качественно новой общности — средневековой народности.

Особенности развития, направленность культурных, экономических и политических связей при отсутствии в письменных источниках безусловных указаний на имя упомянутой общности позволяют условно называть ее приладожской чудью (термин В. А. Назаренко). Использование этого достаточно нейтрального этнонима призвано подчеркнуть исторически сложившуюся обособленность и отличие формирующейся в Приладожье народности от родственного ей в генетическом и языковом отношении, но характеризующегося другой ориентацией связей и другими судьбами, наконец именуемого в русских летописях кривичской или белозерской весью, населения более юго-восточных территорий [ПСРЛ 1859]. Существует и иная, социально-культурная интерпретация этой общности, предлагаемая Д. А. Мачинским. Им же предложен и другой термин для наименования этого населения — «колбяги» [Мачинский, Мачинская 1988].

Процесс этнической консолидации населения Юго-Восточного Приладожья совпал по времени с начальным этапом русской колонизации восточно-европейского Севера и развивался в условиях нарастающей культурной, экономической и политической экспансии Новгорода. Уже в XI столетии в обрядности приладожских обитателей можно отметить ряд черт (захоронение в подкурганной могильной яме, ориентация тела умершего головой на запад), появление которых следует связывать с влиянием христианской погребальной традиции. Соседством с древнерусским населением, отчасти его проникновением в Приладожье, объясняется и распространение в рассматриваемом регионе, начиная с рубежа XI-XII вв., вещей общерусских типов. При этом необходимо отметить, что инфильтрация элементов христианской погребальной обрядности и древнерусской материальной культуры в Приладожье наблюдается не со стороны Ладоги и ее околоражья, а с территорий, расположенных восточнее и юго-восточнее ареала приладожских курганных древностей. Последнее становится понятным при рассмотрении вопросов, связанных с превращением Ладоги в пригород Новгорода и включением Приладожья в состав новгородских земель.

Опираясь на данные сфрагистики, А. Н. Кирпичников полагает, что первые новгородские посадники появились в Ладоге не ранее последней четверти XI в. [Кирпичников 1979]. Соглашаясь с мнением А. Н. Кирпичникова о времени возникновения ладожского наместничества, А. М. Спиридонов склонен все же относить приобретение Ладогой статуса новгородского пригорода к еще более позднему времени, а именно к периоду между 1117 и 1132 гг. [Спиридонов 1982].

Строительство в начале XII в. каменной крепости в Ладоге при безусловном военном значении отвечало также ряду политических соображений [Кирпичников 1977]. Ближайшими

соседями русского государства и здесь и там были союзные ему, но в силу конкретно-исторических условий формирования и существования милитаризованные группы неславянского населения. Связь с Русью стимулировала их социально-экономическое развитие, а в итоге ускорила сложение местной феодальной верхушки, интересы которой далеко не всегда совпадали с интересами русской знати. Возведение каменной крепости в Ладоге должно было демонстрировать аборигенам Приладожья мощь государства.

Окончательное присоединение Юго-Восточного Приладожья к новгородским владениям произошло, по-видимому, лишь после 1164 г., когда норманны, после неудачи под Ладогой, надеясь на помощь приладожских обитателей, пытались отступить на восток, но были настигнуты князем Ярославом Всеволодовичем и ладожским посадником Захарием на р. Воронега. В конце XII — начале XIII в. прекращает свое существование и приладожская курганная культура. Можно предположить, что составление ряда поселений послужило одной из причин образования ладожского наместничества новгородского архиепископа, деятельность которого засвидетельствована сфрагистически, начиная с владыки Климента (1274-1299).

В течение XI в., по всей видимости, значительных территорий, где бы проникновение христианства было сплошным и полным, в Обонежье не было. Однако с середины XI в. появляются первые трупоположения христианского типа с западной ориентировкой как в могильной яме (Рыбежна 1—17; Кургино 5), так и в насыпи (Карлуха-Каменка 6-11) и на горизонте (Новая 1, 3; Ганьково 1). Распространение этого обряда сочеталось с проникновением на эту территорию проволочных височных колец и подвесок-коньков смоленского типа (Алеховщина, Ганьково), что обычно связывается со славянским влиянием. Дальнейшее развитие местного погребального обряда связано с проникновением в него иных представлений: вместо кремации все чаще встречаются трупоположения с меридиональной и восточной ориентировкой, при приладожском погребальном инвентаре появляется западная ориентировка погребенных, при ином положении покойника появляются могильные ямы (Исаево, Костино, Сязнега 1), каменная обкладка (Кяргино-Круглицы 2, Ефремово, Шахново 120). Последние три черты можно связать с древнерусской христианской традицией. Находки крестиков встречаются здесь со второй половины XI в., как в могильниках, обряд которых близок христианскому (Алеховщина 1), так и среда погребений, отнесенных, скорее, к памятникам местной традиции (Гайгово 3, Ригачево 2). Появление элементов новой традиции необходимо связывать не с приходом нового населения, а с изменениями в мировоззрении местного коллектива, поскольку эти погребения топографически вписаны в контекст всего могильника.

Распространение новой обрядности начинается с Ояти и Паши, что объясняется тем, что новгородская колонизация Заволочья примерно с середины XI в., идя по водоразделу, огабала Обонежье с юга и востока. В самом Заволочье существуют погребальные памятники, аналогичные приладожским¹. Вероятно, это — свидетельство торговых связей приладожского населения с Заволочьем (в контексте меховой торговли). Но в данном случае мы рассматриваем иной, следующий по времени этап колонизации. Именно на южных границах Обонежского ряда появляются древнерусские курганные могильники (Дрегли, Мозолево, Вьюницы), насчитывающие от полусотни до сотни курганов. Некоторый импульс христианского населения из Ладоги вверх по Сяси отмечен курганной группой у д. Бесова Харчевня. Датировка этих курганов указывает на конец XI в. как на время возникновения и на XII в. как на время активного функционирования (лировидные пряжки, золотостеклянные бусы).

— ¹Благодарим О. И. Богуславского за любезно предоставленные сведения.

Курганная группа в Мозолево продолжала функционировать по крайней мере до рубежа XIII-XIV вв. (курган № 9). В ней прослеживаются местные финно-угорские черты в виде срубных конструкций, которые широко представлены в предшествующее время в север*-восточных районах исследуемой территории.

Существует и иное мнение о распространении христианства в Приладожье, принадлежащее О. И. Богуславскому. С его точки зрения, приладожские курганы с труположением появляются значительно ранее X в.; их появление напрямую не связано с проникновением христианского обряда погребения. Интересной представляется мысль О. И. Богуславского о том, что с христианством в Юго-Восточном Приладожье связаны первые появившиеся здесь серийно византийские серебряные монеты [Богуславский 1995]. Появление же на территории Юго-Восточного Приладожья древнерусских памятников — сложный процесс, развивающийся двумя путями: по пути трансформации воинских погребений, что происходит в крупных, долго существующих могильниках, и по пути привнесения извне [Богуславский; Яблоник 1989].

С конца XI — начала XII в. курганы Юго-Восточного Приладожья теряют свое⁵ своеобразие; погребальный обряд унифицируется вследствие активной христианизации [Мусин 1988]. В последующее время преимущественно в южных и юго-восточных районах Обонежья распространяется жальничный обряд погребения, переходящий в погребения на церковных кладбищах с каменными крестами (Бесова Харчевня, XIV в.).

Примечательно, что первоначально христианство проникает на территорию Юго-Восточного Приладожья не в процессе государственных мероприятий, а в результате контактов с русскими земледельцами в пограничных районах. На самой же территории Обонежья христианизация предшествует колонизации, которая развернулась позднее, в XIII-XIV вв.

В 15 верстах от Тихвина на берегу оз. Дымское в конце XII — начале XIII в. возник монастырь преп. Антония Дымского, в районе широкого распространения жальников," которые в целом в Новгородской земле начинают бытовать с конца XII-XIII вв. и существуют до XV-XVI вв. Ближе лежащие курганные группы на Тихвинке, в частности в Галично, датирующиеся концом IX — началом XII в., представляют, в основном, дохристианскую традицию (135-137-6, 7, 8), но отражают и древнерусское культурное влияние конца XI-XII вв. (137-1, 2, 3, 4, 5). Появление здесь монаха-подвижника, помимо его собственных духовных устремлений, могло обуславливаться необходимостью миссионерской деятельности в этом крае и может служить примером монастырской колонизации, в целом предшествовавшей колонизации земледельческой. В XIII в. в районе интересующих нас пунктов сосредоточено большое число христианских погребений: древнерусские курганы XI—XIII вв. и жальнику в частности — в районе оз. Юксово, на Ильинском Веницком погосте на Ояти, у Пахитки на Паше (Кожела), а в устье р. Паша на Кумбите известны труположения с западной ориентировкой XI в. Очевидно, что новгородская владычная кафедра брала подать лишь с христианизированного населения, которое во второй половине XIII в. здесь доминировало [Мусин 1988].

В XII в. вновь встал вопрос о более полном охвате населения административно-приходской системой. В 1297 г. князь Ярослав произвел массовое крещение карел. Именно к середине XIII в. можно предположительно отнести истоки местного праздника в Обонежье «День Святого крещения», который праздновался и в некоторых селах Вепсовской возвышенности в первое воскресенье после Ильина дня и сопровождался малым водосвятием¹.

¹Это утверждение принадлежит только В. А. Назаренко. А. А. Селин не может полностью его разделять.

В целом все источники по истории Приладожья XII-первой половины XV в. исчерпываются приведенными выше. Следующие поворотные моменты в истории региона относятся ко второй половине XV столетия, когда Новгород и Новгородская земля, а вместе с ними и Ладога с Приладожьем входят в состав Московского государства. Одним из результатов включения этой территории в состав общерусского государства было появление сплошной переписи населения присоединенных территорий. Сохранившиеся материалы этой переписи являются на сегодняшний день единственным и уникальным источником для реконструкции системы сельского расселения, землевладения, церковного и административно-территориального строительства последних лет новгородской независимости. Состав этих источников — новгородских писцовых книг, где описания селений построены в жесткой зависимости от административно-территориальных (уезды) и административно-территориальных и приходских (погосты)¹ единиц — во многом диктует и основные аспекты их рассмотрения в рамках настоящего очерка.

Приблизительно в конце XV в. московские чиновники разделили основную территорию новгородских земель на пять частей —• пятин, часто игнорируя более древние погостские границы (ср. [Неволин 1853; Андрияшев 1913; Платонова 1984]). Рассматриваемая нами территория была, таким образом, разделена между вновь сформированными Водской и Обонежской пятинами, граница между которыми прошла по Волхову, так что Ладога и Юго-Западное Приладожье остались в Водской пятине, а все Юго-Восточное Приладожье — в Обонежской.

Но кроме пятинного деления, по крайней мере в XVI в., существовало деление Новгородской земли на уезды. Нас здесь особо будет интересовать Ладожский уезд, хотя многие из рассмотренных выше территорий (к примеру, все Нагорное Обонежье, т. е. округа Тихвина и Вепсовская возвышенность) относились к Новгородскому уезду (с середины XVI в. — к Нагорной половине Обонежской пятины).

Очертания Ладожского уезда определить достаточно сложно. Если описание его западной части, произведенное около 1500 г., сохранилось практически полностью и было опубликовано, что дает нам совершенно определенные сведения, то восточная часть уезда, лежавшая в Обонежской пятине, гораздо хуже может быть интерпретирована, так как первое описание Обонежской пятины (1496 г.) сохранилось в незначительных фрагментах [ПКОП 1930], а дошедшая до нас писцовая книга Андрея Плещеева 1583 г. (НМ 1583) не содержит точных указаний, к какому уезду относить тот или иной погост (ср. (НМ 1583, л. 273), о Рождественском погосте на Сяси; ср. об этом же [Неволин 1853]). Дополнительно известно лишь то, что к Ладожскому уезду относились своей восточной («обонежской») частью те погосты, которые в московское время были разделены надвое Волховом и чья западная часть «тянула» к Ладоге (Ильинский на Волхове, Михайловский на Ладожском пороге и Никольский Городищенский). Это заставило В. М. Воробьева писать об отнесении к Ладожскому уезду лишь этих трех погостов Обонежской пятины [ИКСЗР 1994]. Нам такое утверждение не представляется бесспорным. К определенным сомнениям приводит обра-

¹Не путать с погостами раннего средневековья — см. выше.

²См. [ВОИДР 1851], в опубликованной книге Дмитрия Китаева нет лишь описания дворцовых волостей — Силосарской, Порожской и Победицкой; их территории приходится реконструировать по источникам XVII столетия — ср. (НМ 1620) или по опубликованным Д. Я. Самоквасовым отрывкам писцовых книг — см. [Самоквасов 1905].

³Здесь и далее в очерке в круглых скобках даются ссылки на «Неопубликованные материалы» (см. после «Литературы»).

щение к книге записей Софийской пошрины 1576/77 гг. Опираясь на нее достаточно четко можно выявить границы Ладожской и Поволжской десятины (см. (НМ 1576/77); о границах — [Селин 1995]) — церковно-территориального округа XVI столетия, куда, в его Обонежской части, входили не только поволжские погосты, но также уже упоминавшийся Рождественский на Сяси и соседние с ним (Троицкий на Златыне, Богоявленский, Никольский, Воскресенский на Сяси, Воскресенский на Маасельге и Рождественский на Вороной). Более того, главным храмом еще одного, Климентовского на Волхове погоста была церковь Климента в Ладоге — соборная церковь города, построенная в XII в., таким образом и этот погост относился к Ладожскому уезду. Главный же храм Васильевского погоста на Волхове — церковь Василия Кесарийского в Васильевском монастыре — попросту считался одним из храмов г. Ладога. Конечно, нельзя с полным основанием отнести все эти погосты к Ладожскому уезду XVI столетия (в XVII в., по мнению В. М. Воробьева, в Новгородской земле сохраняют свое административное значение лишь Новгородский и Старорусский уезды, см. [ЙКСЗР 1994]), но, в силу очевидной их связи с Ладогой в более раннее время, следует учитывать и эти сведения конца XVI в. (рис. 1).

Западная, «водская» часть Ладожского уезда также отличалась определенным своеобразием. К ней относились погосты Успенский Городенский¹, Федоровский Песоцкий, уже упоминавшиеся Михайловский на Ладожском пороге, Ильинский на Волхове и Никольский Городищенский, а также обширный Егорьевский Теребужский погост, на западе граничивший с Ореховским уездом. Территория этого последнего погоста не представляла собой единого целого: его западная часть была описана под названием «Малой Лопцы», созвучным соседнему Егорьевскому Лопскому погосту Ореховского уезда. Это обстоятельство свидетельствует об относительно позднем разделении Новгородской земли на уезды и об определенном единстве территорий Егорьевского Лопского погоста и Малой Лопцы, и, напротив, об искусственном объединении последней с Егорьевским Теребужским погостом. Надо заметить, что такое объединение могло произойти еще в пору Новгородской независимости (рис. 2).

Интересно, что веком позже на русско-шведских переговорах, предшествовавших заключению Столбовского мирного договора 1617 г., когда русское посольство настаивало на возвращении не только Ладожского, но и Ореховского уездов, одним из аргументов противной стороны была констатация невозможности проведения границы между Ореховским и Копорским уездами (т.е. между Дудоровским и Кипенским погостами и пр.), тогда как, по мысли шведских дипломатов, граница между Ореховским и Ладожским уездами (т.е. между Малой Лопцей и Лопским погостом), которой служила р. Лавуя, была достаточно очевидна [Лыжин 1857]. Архимандрит Сергей (Тихомиров), работая над составлением карт погостов Водской пятины XVI в., выделил Малую Лопцу в отдельную административную единицу и даже в Лопский погост Ладожского уезда [Сергий 1905].

Таким образом, мы наблюдаем, что административное деление Ладожского уезда, сложившееся к концу эпохи новгородской независимости, было достаточно сложным. В московское время наиболее актуальными административными единицами становятся погост и волость. Последняя представляла собой отдельную и часто самостоятельную в административном отношении территорию, своими изначальными границами чаще всего восхо-

¹Название погоста говорит само за себя: центром его являлся собственно город Ладога, вторая же часть названия указывает на то, что главным храмом погоста была церковь Успенского Ладожского монастыря; подчеркнем, что речь здесь идет о погосте-территории, а не о самом городе.

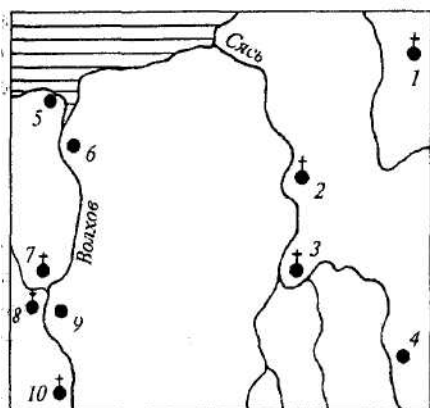

Рис. 1. Погосты и монастыри
Ладожской округи. 1500 г.

1 — Воскресенский погост на Мааселые; 2 — Богоявленский погост на Сяси; 3 — Рождественский погост на Сяси; 4 — Никольский погост на Сяси; 5 — Никольский Медведский монастырь; 6 — Троицкий погост-монастырь на Златыне; 7 — Успенский городенский погост (Успенский монастырь в Ладоге); 8 — Климентовский погост на Волхове (собор св. Климента в Ладоге); 9 — Васильевский погост на Волхове (Васильевский монастырь); 10 — Ильинский погост на Волхове.

Рис. 2. Деление Ладожской округи на штаны
(рубеж XV-XVI вв.).

давшую к крупной вотчине новгородской поры. На этом уровне наблюдается связь административно-территориальной системы и средневекового новгородского крупного землевладения.

Рассмотрим несколько подробнее систему домосковского землевладения в Ладожском уезде. Вокруг самой Ладоги наблюдается чересполосица небольших владений; впрочем лишь здесь, а также непосредственно вдоль волховских берегов отмечается такая картина. Большинство владений уезда — крупные, включающие в себя не менее 10 селений.

После конфискации 1478 г. в дворцовое ведомство были отписаны три волости Ладожского уезда. Состав селений, входивших в Порожскую волость в XV в., нам точно не известен, но следует предположить, что к дворцу была приписана не вся волость. По писцовой книге 1500 г. среди деревень Михайловского погоста на Ладожском пороге известны селения, до конфискации принадлежавшие архиепископу, а к началу XVI в. розданные в поместья [ВОИДР 1851].

Часть селений, конфискованных в 1478 г. у владыки, была передана во дворец¹, а к 1566 г. эта волость перешла в опричнину (НМ 1560. Л. 113). Территория Порожской волости реконструируется нами по писцовой книге 1582 г. (НМ 1582. Л. 480-482). Селения этой

¹Первое известное нам упоминание о дворцовой Порожской волости относится к 1550/51 г. — «дворцовая волость на Пороге на Ладоском в Воцкой и в Обонежской пятинах», т. е. по обоим берегам Волхова (НМ 1756. Л. 1 об.-2 об.).

волости располагались в районе Волховских порогов, к югу от Михайловского погоста-места. Уже с начала XVII в. Порожская волость описывалась отдельно от других селений Михайловского погоста на Ладожском пороге. Порожская волость находилась в ведении Дворца вплоть до конца XVIII в. В 1646 г. была сделана попытка объединить Порожскую волость с дворцовыми рядками Ладожского уезда — Креницы, Сухие Вельцы, Дубно, Сумск, но позднее эти рядки описывались, как и до 1646 г., в составе Успенского Городенского погоста. На планах Генерального межевания Порожская волость располагалась в пределах одной земельной дачи (НМ 1791, № 19).

Судьба другой части селений бывшей владычной волости не менее примечательна. Они не долго пробыли в поместной раздаче. Объединенные с разрозненными селениями Поволховья, бывшими в годы новгородской независимости во владениях разных вотчинников (Марфы Борецкой, Марка Панфильева и др.) к 1582 г. они образовали кормленную черную волость, доходы с которой шли Ладожскому наместнику (НМ 1582. Л. 485-489 об.). Но в 1588 г. эта волость по указу царя Федора Ивановича была передана Новгородскому Духову монастырю (в обмен на земли в Деревской пятине), во владении которого продолжала находиться вплоть до начала XVIII в. [Варлаам 1590].

Волости Победище и Силосари располагались в пределах Успенского Городенского погоста. Описание этих волостей рубежа XV-XVI вв. до нас не дошло¹. В середине XVI в. обе эти волости, как и Порожская, были отписаны в опричнину². Д. Я. Самоквасов опубликовал в отрывках документ, заключающий в себе перечень селений волости Победище (Бобедище), отобранной у Марфы Борецкой в 1478 г. [Самоквасов 1905]. Сравнение этого списка с перечнем селений волостей Силосари и Победище, упомянутых в дозоре Я. Зайцева и подьячего И. Лазарева 1620 г. (НМ 1620), показывает практически полное тождество их названий. Таким образом, к 1620 г. волость Победище 1478 г. распалась на две части, которые были территориально близки друг другу. Селения этих двух частей волости Победище располагались чересполосно. В переписных книгах XVII-XVIII вв. волость Силосари (это название в XVII-XVIII вв. закрепилось сразу за обеими волостями) выступала чаще всего как отдельная территориальная единица вне погостской системы. В XVII в. была сделана попытка расселить в волости Силосари «зарубежных выходцев», но массового характера переселения не принята. В атласе генерального межевания Санкт-Петербургской губернии 1791 г. волость Силосари также описана как отдельная земельная дача (НМ 1791, № 19).

Название «Силосари» связано с д. Монастырь Силосари, упомянутой в 1500 г. в Егорьевском Теребужском погосте. Половина этой деревни в юнцe XV в. принадлежала Марфе Борецкой. Как и другие селения волости, деревня располагалась в верховьях р. Кобона. Каких-либо упоминаний о существовании в этом районе монастыря не известно, не ясно, действительно ли это место связано с каким-то монастырем или мы имеем дело с переосмыслением московскими писцами какого-то финского топонима.

Центр волости Победище находился к югу от Никольского Ладожского монастыря, где в 1500 г. располагалось с. Горка [Самоквасов 1905] (варианты: «Большой Двор» [ВОИДР 1851. С. 12], «Победище Большой, Двор» [ПКВП 1917. С. 113]), где в конце XV в. существовала Кузьмодемьянская церковь. Ранее близ села или на его месте находился

¹Известна только выпись 1756 г. из дворцовых платежных книг письма Ф. Курчебина 1550/51 г. В этой платежной книге упомянута дворцовая волость Победище (НМ 1756).

²«...крестьянин Иванько Патракиев вышел из тое деревни в опричнину, в Михайловской погост в Поросской,

раннесредневековый могильник [Брандесбург 1896. Приложение, табл. 1]. Это селение и дало название волости. Территория, на которой располагалось с. Горка, было чрезвычайно близко к городу Ладога. В документах XVI в. священник Кузьмодемьянской церкви в Горке ставил подпись на документах наряду с другими священниками городских ладожских церквей [Самоковасов 1908], (НМ 1576/77. Л. 130 об). К моменту конфискации Ивана III главное селение волости находилось в совместном владении Марфы Борецкой и Федора Яковлевича Победицкого.

В Ладожском уезде удалось выделить два крупных семейных клана домосковских землевладельцев. По имеющимся данным, в руках семьи Победицких на момент боярского вывода оказалось до половины всего уезда; другое крупное владение принадлежало в тот момент семье Сарских. В обоих случаях удалось идентифицировать пункты, давшие прозвища этим семьям (Сарские получили свое прозвище от сельца Саря в Егорьевском Теребужском погосте [ВОИДР 1851]). Здесь мы приходим к другому важному выводу.

Наблюдения над соответствующими друг другу фамильными прозвищами и топонимами в Новгородской земле позволяют выделить две группы таких пар: антропонимы, образованные от названий селений с помощью форманта -ск, -цк (Победицкий от «Победите», Веряжский от «Веряжино», Лощинский от Лощинского стана, Волмановский от Волмы и т.п.), и топонимы, образованные от уже имевшихся у владельцев прозвищ — «Сверчино» от «Сверчин» и т.п. (последняя продуктивная модель достаточно отчетливо зафиксирована и С. Б. Веселовским на материалах Северо-Восточной Руси реселовский 1945)). По мере дробления вотчин житейх людей, их земельные владения уменьшались, как и владения московских землевладельцев — бояр и детей боярских. Писцовые книги в рассмотренных выше случаях фиксируют несколько этапов такого дробления: самое начало — с вотчинами Победицких, середина — в случае с семьей Сарских и заключительная стадия — к примеру, семья своеземцев Веряжских, составлявших все население небольшой деревни (подробнее: [Селин 1998a]). Формирование же вотчин житейх людей следует отнести, вероятно, к рубежу XIV и XV вв. (ср. [Янин 1981]).

В церковном землевладении Ладожского уезда первейшую роль играли монастыри — как находившиеся в Ладоге, так и располагавшиеся в устье Волхова. Крупнейший, Никольский Медведский монастырь возник, по всей видимости, в конце XV в. Разные исследователи датируют каменный Никольский собор в устье Волхова по-разному. Вл. В. Седов — 1480-1490 гг., О. Г. Гусева — первой четвертью XVI в. [Гусева 1991; Петров 1993]. К рубежу XV-XVI вв. монастырь владел практически всем южным побережьем Ладожского озера. Крупная вотчина — почти вся р. Влоя и среднее течение р. Кобона — находилась в руках новгородского Спасского Ковалева монастыря. Остальное течение Кобоны (за исключением волости Вирола) было в руках Никольского Медведского и Ивановского Ладожского монастырей.

Таким образом, Ладожский уезд XV в. представлял собой, преимущественно, район крупных земельных владений. Ладога являлась естественным центром внутренней колонизации земель уезда, которая, по всей видимости, как и в других регионах, особенно масштабно развернулась здесь в XIV-XV вв.

Дальнейшая история рассматриваемого региона на протяжении XVI в. протекала примерно в том же русле, что и история России в целом. Активная внутренняя колонизация в течение всей первой половины XVI в. сменилась к середине столетия началом упадка, который был стимулирован ведением разорительной Ливонской войны и опричниной. В середине XVI в. в Припadoжье возникает несколько новых крупных селений-рядов: большей частью рыболовецких поселков (Дубно, Лигово, Черное на Кирьяжском песку,

Сумск, Межutki на Сяси, Вельцы). Этот тип поселений существовал в уезде и ранее: в 1500 г. известен рядок Креницы, принадлежавший до боярского вывода Ф. Я. Победицкой, напротив него в XVI в. на правом берегу Волхова возник рядок Немят. В большинстве поселений вотчинниками (каковыми в большинстве случаев теперь выступали монастыри) в середине XVI в. были выстроены церкви.

Однако в 1570 г. Ладога и Приладожье подвергаются разгрому опричным войском во главе с князем Петром Борятинским [Самоквасов 1908]. Ладожское разорение последовало вскоре после разгрома Новгорода царем Иваном Грозным в январе-феврале 1570 г. После «государства правежу» в Ладоге уцелел 31 двор из прежних 108. Округа пострадали не меньше. Опричники вершили правеж жесткими методами. Большинство жителей города либо умерло от побоев, либо разбежалось. При этом опричники — дети боярские и особые «рыбные казаки», собиравшие с царских рыбных ловель в Ладоге рыбу к царскому столу, — вели себя в городе и в ближайшей округе как на завоеванной территории: жгли дома для того, чтобы обогреться, грабили и убивали жителей.

В 1570 г., после опричного разорения Новгорода, «государев правеж» затронул и Ладожскую округу, и сам город. Мы полагаем, что непосредственно опричное разорение Ладоги осуществлялось со стороны Порожской волости — дворцовой волости с центром в Михайловском погосте, располагавшейся в 12 верстах к югу от города и взятой в государеву опричнину (НМ 1560. Л. 113). Непосредственно военные действия в XVI в. коснулись Ладожской крепости, по всей видимости, только на заключительном этапе Ливонской войны. В источниках нет прямых указаний на захват шведами Ладоги в последние годы войны. Однако косвенное указание, на это присутствует в писцовой книге Водской пятины 1582 г., где после переписи 23 погостов пятины говорится: «Да в Воцкой же пятине Ноугородского, да Ореховского, да Ладожского уезда Елизарей Старого да подъячей Семейка Киселев не дописали для войны Немецких людей 13 погостов, как стояли под Орешком и под Ладогою немецкие люди» (НМ 1582. Л. 496 об.). Это указание свидетельствует об осаде крепости и об оккупации уезда в 1582 г. (в книге среди не описанных из-за военных действий погостов перечислены Пречистенский Городецкий, Федоровский Песоцкий, Егорьевский Теребужский и Малая Лопца Ладожского присуда). Заметим, что через год, в 1583 г., деревни на противоположном берегу Волхова, в Васильевском погосте на Волхове Обонежской пятины, были благополучно описаны другой группой московских писцов (НМ 1583).

Некоторый подъем региона относится к годам правления Бориса Федоровича Годунова; в 1584 г. модернизируется, в частности, Ладожская крепость. Но эпоха подъема была недолгой. С началом Смутного времени, особенно после Выборгского договора 1609 г., южное Приладожье, и Ладога в особенности, становятся зоной почти непрерывных боевых действий. Ладожская крепость несколько раз переходит от одной враждующей стороны к другой; так, в 1610 г. ее обороняет французский офицер от натиска отряда воеводы М. Сальтыкова [Делавилль 1841]. Чрезвычайно интересно, что Ладога в годы существования на территории Новгородской земли автономного политического образования в 1611-1617 гг. представляет собой особую территорию с зависимым от Новгорода управлением. Впервые в 1611 г. в Ладоге появляется городской приказчик [Селин 19986], происходивший из рода местных землевладельцев новгородского времени Любских [Селин 1997]. К сожалению, это отразилось и на судьбе документов, составленных в городе в эти годы: если документы Новгородской приказной избы были вывезены в Швецию генералом Делагарди и хранятся в Государственном архиве Швеции, то документы Ладожского архива безвозвратно исчезли. При этом именно Ладога, Ладожский уезд являлись, вероятно, наиболее пострадавшими в 1611-1617 гг. территориями. Существуют документы, свидетельствующие о том, что

жительство в Ладогe, в Ладожских монастырях в годы шведской оккупации было опасным. Так, два крестьянина, жившие в Никольском монастыре, после прихода в Ладугу шведов в 1610 г. бежали в Ярвосольский погост Водской пятины, также занятый шведами, но, видимо, более безопасный. Лишь после освобождения шведами Новгородского и Ладожского уездов эти крестьяне вернулись на русскую территорию, в Никольский Гостинопольский монастырь (НМ 1623).

Район Тихвина и Нагорного Обонежья в эти годы — также арена активных боевых действий. Именно на восточное, Тихвинское направление в 1612 г. были направлены усилия шведско-новгородской администрации на борьбу с Москвой. Именно после потери Тихвина в 1614 г. начинаются военные неудачи шведов и новгородцев. Само окончание Смутного времени также в той или иной степени связано с Приладожьем — мирный договор со Швецией был подписан в 1617 г. в д. Столбово на Сяси. Начался долгий период восстановления.

Литература

- Андряшнев 1913 — *Андряшнев А. М.* Материалы для исторической географии Новгородской земли: Списки селений. М., 1913.
- Башенькин 1985 — *Башенькин А. Н.* Юго-западное Белозерье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1985.
- Богуславский 1991 — *Богуславский О. И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации): Канд. дис. СПб., 1991.
- Богуславский 1995 — *Богуславский О. И.* Об одном круге древностей Юго-Восточного Приладожья (к проблеме распространения христианства на северо-западе Руси) // Церковная археология: Матер. 1-й Всерос. конф. Псков, 20-24 ноября 1995 г. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе, СПб.; Псков, 1995. (Археологические изыскания. Вып. 26. Ч. 1).
- Богуславский, Мачинская 1994 — *Богуславский О. И., Мачжская А. Д.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в Юго-Восточном Приладожье // Петербургский археологический вестник. 1994. Вып. 6.
- Богуславский Ябяник 1989 — *Богуславский О. И., Ябяник Д. Л.* Мужские трупоположения в Юго-Восточном Приладожье в X-XII веках // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. науч. конф. Вып. 2. Новгород, 1989.
- Брандебург 1896 — *Брандебург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.
- Браун 1859 — *Браун Ф.* Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб., 1859.
- Бартам 1590 — *Духовное завещание старца Варяама 1590 года* // Изв. русского генеалогического общества. Вып. 3. 1909.
- Веселовский 1945 — *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории // Исторические записки. 1945. Т. 15.
- ВОИДР 1851 — Переписная и окладная книга Водской пятины: Вторая половина / Публ. М. А. Оболенского // Вестник общества и древностей российских. Т. 11. М., 1851.
- Гурина 1961 — *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. М.; Л., 1961 (МИА. № 87).
- Гусева 1991 — *Гусева О. Г.* Никольский собор в Новой Ладогe — памятник новгородской архитектуры XVI в. // КСИА. Вып. 205. 1991.
- Делавилль 1841 — *Краткая записка о том, что происходило в Московии, от царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского, сочинения Петром Делавиллем де-Домбаль в 1611 году* // Русский вестник. 1841. Т. 1. № 3.

- Джаксон, Мачинский 1989 — Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальфдане сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в DC-XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989.
- Жекулин 1972 — Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.
- ИКСЗР 1994 — История крестьянства Северо-Западной России. СПб., 1994.
- Иордан 1960 — Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Кирпичников 1977 — Кирпичников А. Н. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1977.
- Кирпичников 1979 — Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979.
- Корзухина 1971 — Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин, 1971.
- Лыжин 1857 — Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.
- Мачинский, Мачинская 1988 — Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.
- Мейнандер 1982 — Мейнандер К. Финны — часть населения северо-востока Европы // Финноугорский сборник. М., 1982.
- Мусин 1988 — Мусин А. Е. Становление Обонежского ряда в IX-XIV вв. // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988.
- Мятлев 1909 — Мятлев Н. В. Родство Квашниных с новгородцами // Изв. Русского генеалогического общества. 1909. Вып. 3.
- Насонов 1951 — Насонов А. Н. Русская земля и образование древнерусского государства. М., 1951.
- Неволин 1853 — Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских XVI века // Изв. Русского географического общества. 1853. Т. 8.
- Носов 1976 — Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII-X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Вып. 8.
- Носов 1982 — Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982.
- Ошибкина 1983 — Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- ПВЛ 1950 — Повесть временных лет. Т. 1. М.; Л., 1950.
- Петров 1993 — Петров Д. А. О непрерывности строительства в Новгороде и его земле в 1468-1510 гг. // Новгородские древности. М., 1993 (Архив архитектуры. Вып. 4).
- ПКВП 1917 — Писцовая книга Водской пятины 1539 г. Вып. 1 / Под ред. А. М. Гневушева. Новгород, 1917.
- Платонова 1984 — Платонова Н. И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Попов 1973 — Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973.
- Потин 1968 — Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.
- ПСРЛ 1859 — Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб., 1859.
- Самоковасов 1905 — Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVn столетий. Т. 1. Ч. 1. М., 1905.
- Самоковасов 1908 — Самоковасов Д. Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVII столетий. Т. 2. Ч. 2. М., 1908.
- Селин 1995 — Селин А. А. Об одном малоизвестном территориальном делении Новгородской земли в XVI веке // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995.
- Селин 1997 — Селин А. А. Церковный причт Новгородского и Ладожского уездов Водской пятины в XVI — первой половине XVIII в. // Ладога и религиозное сознание: Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20-22 декабря 1997 г.: Материалы к чтениям. СПб., 1997.

- Сети 1998а* — Селин А. А. Домосковское землевладение в Ладожском уезде // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998.
- Селин 1998б* — Селин А. А. Из истории Ладожского уезда в Смутное время // Ладога и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинек. Старая Ладога, 21-23 декабря 1998 г.: Материалы к чтениям. СПб., 1998.
- Сергий 1905* — архим. Сергий (Тихомиров). Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905.
- Спиридонов 1982* — Спиридонов А. М. Старая Ладога в истории Севера древней Руси XI-XII веков // Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР: Тез. докл. Архангельск, 1982.
- Средневековая Ладога 1985* — *Средневековая Ладога*: Новые открытия и исследования: Сб. статей. Л., 1985.
- Тацит 1969* — Тацит Корнелий. Сочинения. Т. 1. Л., 1969.
- Тимофеев 1985* — Тимофеев В. И. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области // Новое в археологии северо-запада СССР. Л., 1985.
- Третьяков 1971* — Третьяков П. Н. У историков древнерусской народности. Л., 1971 (МИА. № 179).
- Янин 1981* — Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Неопубликованные материалы

- НМ 1560 — Платежные книга Водской пятины // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 17142.
- НМ 1576/77 — Книга записей Софийской пошлыны. 7085 г. // ОР РНБ. Соф. 1548.
- НМ 1582 — Подписная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958.
- НМ 1583 — Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Обонежской пятины Заонежской половины письма и дозора А. В. Плещеева и подьяческого С. Кузьмина. 1583 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 963.
- НМ 1620 — Список писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 7128 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.
- НМ 1623 — Сыскная и допросная память в Никольском Гостинопольском монастыре о зарубежных крестьянах. 1623, 12.03 // АСПб ФИРИ. Кол. 109. Д. 3.
- НМ 1756 — Реэстр, учиненный в канцелярии межевания земель Новгородского уезда февраля 27 дня 1756 г. книги Вотской пятины письма О. Вышеславцова с товарищи 7059 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 708.
- НМ 1791 — Экономические примечания к плану Новолдожского уезда. 1791 // РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 124.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ ПО ДАННЫМ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Юго-Восточное Приладожье в языковом отношении не однородно. На основной территории распространена Ладого-Тихвинская группа говоров северного наречия русского языка. Восточное побережье Ладожского озера населяют карелы-ливвики, а северные притоки Свири — карелы-людики, на восточной же периферии ареала, в верховьях южных притоков Свири — Ояти и Капши — проживают вепсы, представители среднего диалекта вепсского языка. Сто лет назад граница карельского ареала проходила несколько южнее, спускаясь по северным притокам Свири до материнской реки [СНМ 1873]. Вепсский ареал, в свою очередь, простирался несколько дальше в западном и южном направлениях [СНМ 1876; Tunkelo 1946; Йоаланд 1989].

В целом за последнее столетие принципиальных изменений этнических границ в Юго-Восточном Приладожье не произошло. Надо полагать, что решающее значение в их формировании имели водные пути; ливвиковско-людиковская граница совпадает с северной границей бассейна р. Свирь, вепско-карельским рубежом на определенном историческом этапе служила непосредственно сама Свирь. На формировании западной границы вепсского ареала, проходящей со среднего течения Свири на среднюю Оять, а оттуда на среднюю Капшу, отразились, возможно, известные на Свири в районе города Подпорожье и на Ояти в районе села Надпорожье пороги, препятствовавшие продвижению в верховья реки, а также водно-волоковой путь с Ояти на Капшу через р. Аштина. Безусловные многочисленные прибалтийско-финские следы в русских говорах Юго-Восточного Приладожья свидетельствуют о прибалтийско-финском прошлом русского Присвирья. При этом прибалтийско-финское (*resp.* вепсское) наследие наиболее очевидно в русском Приолятье, что позволяет делать вывод об обрусении местного прибалтийско-финского населения на нижней Ояти [Герд 1975]. На Паше прибалтийско-финский пласт в лексике более размыт, а на Сяси и Тихвинке вообще обнаруживается с трудом. Его следы более определены в топонимии названных территорий.

Наибольшим этноисторическим содержанием в прибалтийско-финской топонимии Юго-Восточного Приладожья обладает, очевидно, тип ойконимов (названий населенных мест) с суффиксом *-la*. Эта модель известна всем прибалтийско-финским языкам. Основной ее ареал размещается вокруг Финского залива, так что *-la*-овая ойконимия Юго-Восточного Приладожья представляет собой юго-восточную окраину этого обширного ареала. В основе данной ойконимной модели лежит прибалтийско-финский дохристианский антропоним.

На разных участках Присвирья модель осваивалась русским языком по-разному. На Паше происходило фонетическое усвоение местных прибалтийско-финских ойконимов: **Kaibola* → *Кайбола*. На Ояти, Капше и средней Свири использовалась русская ойконимная модель на *-ичи/-ицы*: *Vmgli* → *Винницы*, **Himacal* → *Имоченицы*, а прибалтийско-финское *-la* сохранили лишь те названия, которые ко времени появления русского варианта утратили статус ойконимов и функционировали в качестве названий сельскохозяйственных угодий, лесных урочищ и т. д. (ср. в окрестностях села Тервиничи *вепс. ТеН*, покосы под названиями *Тумбала* и *Кожола*). Граница двух адаптационных моделей, совпадающая с границей, разделяющей единую Ладого-Тихвинскую диалектную зону на два микроареала, связана,

очевидно, со временем и характером русского освоения разных участков Юго-Восточного Приладожья [Муллонен 1996].

Что же касается общего ареала *-/-овой ойконимии*, то она была продуктивна на нижней Ожги, на Паше, особенно в нижнем и среднем течении, а также на Капше. Модель известна на средней Свири, в устьях рек Важинка и Усланка. Отмеченный ареал коррелирует в известной мере с археологическим ареалом курганов Юго-Восточного Приладожья, которые принято считать прибалтийско-финским наследием. Особенно показательно в плане наложения ареалов среднее Посвирье: всплеск активности *-/-ового ойконимного типа*, в целом не популярного на Свири, приходится именно на тот ограниченный участок среднего течения реки, на котором обнаружены наиболее ранние средневековые находки X-XI вв., принадлежащие приладожской курганной культуре. Отмеченная ойконимная модель сопутствует культуре приладожских курганов в Восточном Приладожье, в бассейнах рек, впадающих в Ладожское озеро с востока. Здесь, правда, топонимический ареал шире археологического и отмечен образованием от христианских имен, в то время как в Присвирье представлен исключительно дохристианский (нехристианский) именослов. Специфика ойконимии *-/-ового тала* в Восточном Приладожье связана с тем, что здесь на ареал древней модели наложилась идентичная: карельская модель, распространившаяся в Восточное Приладожье в связи с карельским потоком освоения региона. Карельская экспансия продлила жизнь и расширила ареал функционирования ойконимов с формантом *-la* в современном карельском Приладожье. Наиболее плотный ареал *-/-овой топонимии* приходится здесь на реки Олонка, Видлица, Тулокса — центр курганной культуры Восточного Приладожья.

Впрочем, отмечая корреляцию археологического и топонимного ареалов на значительном участке Юго-Восточного Приладожья, нельзя все же не видеть, что топонимия *-/-ового типа* не обнаружена на западной периферии ареала здешней курганной культуры — на реках Сясь и Тихвинка. Это обстоятельство, безусловно, существенно снижает вероятность отражения в названиях на *-la* языка носителей раннесредневековой археологической культуры, хотя и не исключает ее полностью. Прибалтийско-финская топонимия в бассейне Сяси перекрыта столь мощным русским пластом названий, что от нее сохранились лишь незначительные рудименты. К тому же по территории Сяси отсутствуют добротные полевые материалы, особенно на микротопонимном срезе, где, не исключено, могла сохраниться интересующая нас модель географических названий.

В любом случае, ойконимия на *-la* отражает западное (*resp.* прибалтийско-финское) освоение территории. Истоки модели располагаются к западу от Юго-Восточного Приладожья, и ареал ее не выходит на восток за пределы свирского бассейна. У данной модели почтенный возраст: она фиксируется в самом раннем письменном документе по территории Юго-Восточного Приладожья — приписке к Уставу Святослава Ольговича. Она, добавим, рано утрачивает свою продуктивность, поскольку практически не дает производных от христианских имен.

Вопрос об истоках приладожских прибалто-финнов остается в историческом языкознании открытым. Одни исследователи считают, что прибалтийско-финская языковая общность формировалась за западными пределами вепсской территории, а вепсский язык сформировался на основе двух праязыковых диалектов — восточного и северного — и не является, таким образом, древним образованием [Itkonen 1983]. Другие же исходят из того, что вепсы — окраина прибалтийско-финского мира, где сохранились древние прибалтийско-финские языковые особенности [Sammallahti 1977; Laanest 1982].

Вепсский язык занимает особое положение в системе прибалтийско-финских языков. С одной стороны, в нем на всех языковых уровнях присутствуют безусловные прибалтий-

ско-финские языковые признаки. С другой стороны, он имеет свою специфику. В нем, к примеру, отсутствует такая характерная черта прибалтийско-финской фонетики, как чередование ступеней согласных, что сближает вепсский язык с волжскими финно-угорскими языками. В нем также отмечается специфическая лексика, не свойственная другим прибалтийско-финским языкам (см. подробнее в разделе по Обонежью). В последнее время в лингвистической литературе высказывается предположение об участии в образовании вепсского этноса особого восточного компонента, родственного волжским финно-уграм [ptkonen 1971; Häkkinen 1996].

В топонимии Юго-Восточного Приладожья присутствует значительный пласт доприбалтийско-финских названий, прежде всего гидронимов. Часть из них этимологизируется с помощью саамских языковых данных [Муллонен 1988]. В вепсских говорах отмечены некоторые признаки, объясняемые саамским языковым воздействием (см. подробнее в разделе по Обонежью). Вместе с тем, существует значительное количество не этимологизирующихся из саамского языка названий. Уловить закономерность в распределении «саамское» — «несаамское» невозможно. Можно лишь говорить о том, что одни названия с помощью саамских языковых данных можно интерпретировать, а другие нет. Причины видятся в том, что «саамский язык» Приладожья периода доприбалтийско-финского освоения не являлся саамским в современном смысле этого слова, а представлял собой более ранний этап развития. Возможно, язык здешних «саамов» был несколько ближе к верхневолжским языкам, хотя определенные дифференцирующие саамские признаки в нем уже выделились [Матвеев 1995].

Как интерпретировать саамскую топонимию Юго-Восточного Приладожья? Считать ли ее действительно саамской или же видеть в ней следы языка того восточного населения, которое представляло собой, по мнению К. Хяккинен, звено в цепи народов, соединяющей прибалто-финнов Прибалтики с волжскими языковыми родственниками [Häkkinen 1996]? На сегодняшний день однозначного ответа нет, как без ответа остается и вопрос об истоках формантной гидронимии и о ее связях с топонимами прибалтийско-финско-саамского типа. Здесь же отметим, что в Юго-Восточном Приладожье, в отличие от Обонежья, просматривается определенная ареальная дистрибуция продуктивности отдельных «речных» суффиксов. Так, гидронимы на *-га* (*Андога, Воронега, Лицдега, Чалдога, Кондега, Сюнега*) преобладают в Присвирье (собственно Свирь, Оять, Паша), а также в Южном Прионежье и Южном Приладожье. В то же время за западными и юго-западными пределами Присвирья (Волхов, Мета, Молога) модель малопродуктивна. То же можно сказать и применительно к Белозерью. Судя по описанному ареалу, формант, скорее всего, имеет относительно поздние прибалтийско-финские истоки. Тот же самый центр — Присвирье — намечается и для форманта *-с/-кса*, свидетельствуя в пользу его прибалтийско-финских истоков. Формант *-ма/-ба* (*Каномма, Муромма, Палежма, Яндеба, Матимма*) объединяет Присвирье с расположенным от него на юго-восток Белозерьем, Онежско-Белозерским водоразделом. По мере продвижения от Присвирья на запад и юго-запад продуктивность модели резко падает, что, видимо, указывает на то, что в Присвирье модель пришла с юго-востока. Восточный (юго-восточный) ареал свойствен и гидроформанту *-ла* (*Пяжсела, Сондола, Поржсела, Мужсала*). Восточное Присвирье — своего рода западная граница распространения этой модели. Наоборот, формант *-ша/-жа* (*Сегежа, Кобожс, Ретеша*), а также *-ра* (*Кашира, Сябера, Хандера*) имеют, скорее, западный ареал, объединяя Юго-Восточное Приладожье с Волховом, Метой, Мологой. Видимо, за отмеченной ареальной дистрибуцией стоят разные

потоки освоения территории, хотя ее конкретное этноязыковое содержание в основном не ясно.

Из границ Юго-Восточного Приладожья наиболее выразительна, без сомнения, та, которая разделяет Приладожье и Обонежье и проходит в верхнем Посвирье, приблизительно в районе впадения в Свирь рек Важинка и Яндеба. Именно здесь располагается восточная граница посвирной -/-овой оймонимии, здесь же сосредоточен целый пучок «святых» (т.е. с основой *puhä-* 'святой') гидронимов, помечавших, согласно прибалтийско-финской топонимной традиции, древние границы (см. подробнее в обзоре по Обонежью). Существование отмеченной границы подтверждают и ареалы более древних топооснов. В качестве примера отметим гидронимную основу *илекс-* (ср. в названиях рек — *Илекса, Илеза*, озер — *Илексозеро, Илесозеро*), которая распространена в Белозерье, на Онежско-Белозерском водоразделе, в Обонежье, однако не выходит на запад за указанную посвирскую границу. Истоки ее, видимо, следует искать в древнем «финском», в широком смысле, слове со значением 'верх, верхний' [Муллонен 1995].

Из других границ можно отметить границу, отделяющую Присвирье от бассейна Сяси-Тихвинки (главным образом, по «речным» суффиксам), а также некоторое противостояние Паши и Ояти, отмеченное присутствием в субстратной прибалтийско-финской топонимии Паши определенных топооснов, не свойственных прибалтийско-финской топонимии Ояти (*moste, valta* и нек. др.).

Литература

- Герд 1975 — Герд А. С. Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.
- Йоалайд 1989 — Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989.
- Матвеев 1995 — Матвеев А. К. Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // Вопр. языкознания. 1995. № 2.
- Муллонен 1988 — Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллонен 1995 — Муллонен И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1975.
- Муллонен 1996 — Муллонен И. И. Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: История и современность. СПб., 1996.
- СНМ 1876 — Список населенных мест Российской империи. XXVIX: Олонецкая губерния. СПб., 1880.
- СНМ1873 — Список населенных мест Российской империи. XXVII: Олонецкая губерния. СПб., 1879.
- Häkkinen 1996 — Häkkinen K. Suomalaisten esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996.
- Itkonen 1971 — Itkonen T. Aunuksen aanneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. №2.
- Шюнен 1983 — Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. № 2.
- Laanest 1982 — Lamest A. Einführung in die ostseefinnischen Sprachen. Hamburg, 1982.
- Sammallahti 1977 — Sammallahti P. Suomalaisten esihistorian kysymyksiä // Virittäjä. 1977.
- Tunkelo 1946 — Tunkelo E. A. Vepsan kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И АРЕАЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРО-ДВИНСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ И ВЕРХНЕЙ РУСИ ПО ДАННЫМ РАЗНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

По данным археологии, лингвистики, этнографии, этномузыковедения и истории в рамках целостной территории Верхней Руси выделяются следующие наиболее общие типы границ и ареальных зон.

Граница по Волхову и далее на юг на оз. Ильмень разделяет Новгородчину и Приильменье на западную и восточную части. Эта граница проходит далее по Ловати до Поддоря, Холма. Здесь к югу от Поддоря-Холма она перекрывается мощными границами, идущими с запада от Пскова (Середки), Порхова (Дедович), Себежа, Опочки и далее на Валдай, Селигер.

Граница Псков-Порхов (среднее течение Шелони) и далее на Ловать, на Холм, к Верхневолжским озерам, к Селигеру.

Граница по нижнему течению Шелони, разделяющая Поозерье и районы к югу от Сольцов, Шимска.

Граница в среднем течении Свири.

Отметим также следующие ареальные зоны.

Псковское ядро в его противопоставлении Себежу, Невелю, Великим Лукам, Торопцу, Холму. Ареальная зона Псковского ядра — это зона с границей на севере по линии Середка (Псков)-Порхов-Дно, на востоке — Порхов-Бежаницы-Кудеверь, на юге — южнее Новоржева, Опочки. Наиболее устойчивый характер восточная граница зоны Псковского ядра имеет на участке Порхов-Бежаницы-Кудеверь (Новоржев). При этом по всем данным выделяется самый центр Псковского ядра, объединяющий районы (уезды) вокруг Пскова, Печор, Порхова, чаще всего с расширением на север на Гдов, Принаровье.

Севернопсковская зона. К северу от линии Середка-Порхов-Дно.

Центральнопсковская (среднепсковская) зона. К югу от линии Середка-Порхов-Дно и к северу от Красногородского-Опочки (Локни)-Великих Лук.

Южнопсковская зона. К югу от Опочки-Великих Лук.

Восточнопсковская зона. Выделяет зону Псковского ядра с востока по линии Порхов-Бежаницы-Локия.

Гдовская (Гдово-Печорская) зона. Включает Восточное Причудье (Гдовский угол), нижнее течение Плюссы, Принаровье, в ряде случаев и бассейн нижней Луги. По данным историков, этнографов и лингвистов район Гдова прежде всего, а также Принаровье, тесно связаны с основной зоной Псковского ядра.

Западнопсковская зона. Запад и юго-запад Псковской области (губернии). Тянется от Принаровья и Гдова через Печоры на Опочку, Себеж.

Юго-западная зона. Юго-запад Псковской области (губернии).

Западноновгородская зона. Ее восточная граница проходит по Волхову через оз. Ильмень и по Ловати до Поддорья, Холма. Западная граница Западноновгородской зоны идет по рекам Нарова, Плюсса до пос. Ляды по р. Люта на Струги Красные, Порхов (среднее течение Шелони) и далее на Холм.

Таким образом, Западноновгородская зона охватывает Западное Поволховье, Западное Приильменье (Поозерье, течение нижней и средней Шелони), Верхнее Полужье, бассейн Плюссы и нижнее течение Ловати (преимущественно левобережье) южнее Холма. Центр ядра этой зоны — в Западном Приильменье. В ряде случаев именно граница между Западноновгородской и Восточноновгородской зонами предстает как особая переходная зона с расширением на севере до Тихвина, на юге до Великих Лук, Невеля.

Здесь же дополнительно выступает обособление бывшего Тихвинского уезда, тяготеющего к востоку и северо-востоку.

В рамках Западноновгородской зоны обособляются микрозоны: Поозерье, Верхнее Полужье, Среднее Полужье не севернее Ивановского, Ижорское плато, Нижнешелонская зона.

Восточноновгородская зона. Западная граница Восточноновгородской зоны — Волхов-Ильмень-Ловать; южная — широкая переходная зона от Поддорья-Холма и далее на восток до Верхневолжских озер; восточная граница идет от Ржева к верховьям Волги — на Торжок-Чагоду, к верхнему течению Мологи, Кабожи, Сяси, на север по Вепсовской возвышенности в междуречье Ояти и Свири; северная граница Восточноновгородской зоны проходит по линии рек Паша-Кондега (Новинка) и далее на р. Капша. Это одна из наиболее сильных границ Приладожья, разделяющая Пашско-Тихвинскую микрозону от Оятской.

Ингерманландская зона. К северу частично от южной границы Водской пятины, позднее Столбовского мира 1617 г. в бассейне р. Луга, с выходом этой границы к среднему течению Невы.

СеверноНовгородская зона. С продолжением на Западе в виде Северопсковской зоны.

Южноновгородская зона. Представляет собой восточное продолжение Среднепсковской зоны.

По-видимому, как следствие вторжения других ареалов выделяется Юго-восточная зона (Торопецкий, Великолукский, Демянский, Осташковский районы (уезды)).

Здесь же следует отметить некоторое обособление Валдайско-Демянского локального узла.

Валдайско-Боровичско-Крестецкая зона.

Мстинская зона.

Только по лингвистическим и этнографическим данным и по материалам этномузыкаведения выделяются такие микрозоны, как Себежско-Невельская, Себежская, Невельская, Осташковская, Торопецкая, Порховская.

Только по данным языкознания на востоке выделяются такие микрозоны как Пашско-Тихвинская, Оятская, Нижнесвирская, Верхнесвирская.

Отметим яркое обособление Оятской группы по данным о напевах типа ауканья.

Ойконимия на *-la* выделяет центральный ареал к западу от Юго-Восточного Приладожья, его восточная граница — бассейн р. Свирь. По данным исследований по архитектуре выделяются: Южно-Олонецкая зона в Приладожье; Юго-запад Олонецкого перешейка по рекам Тулокса, Олонка, Видлица; с этой зоной совпадает и ареал Приладожской курганной культуры X-XI вв.

В конечном счете, история многих границ ареальных зон восходит к эпохе мезолита и неолита.

ИКЗ Верхней Руси складывалась постепенно, тысячелетиями; позднее (с VIII-IX вв.) — по мере продвижения словен с верховьев Западной Двины и Днепра на Селигер и далее, с Верхневолжских озер на Полу, Полисть и Ловать, освоения ими бассейна Ловати, Приильменя, возвышения Ладоги и Новгорода, а впоследствии, по мере продвижения новгородцев на запад от Ильменя по Луге, Плюссе на Псков и снова на юг по Великой, — в атмосфере славяно-финского и славяно-скандинавского симбиоза.

ИКЗ Верхней Руси XI—XIII вв. и есть прародина всей севернорусской культуры в целом. Именно отсюда, от Чудского озера, от озер Ильмень и Селигер по Полисти и Ловати, Луге и Волхову, Мсте и Волге, по Чагоде, Мологе, Свири началось в XI-XII вв. освоение и Обонежья, и Заволочья, и Беломорья. Именно здесь лежат истоки большей части всех пластов материальной и духовной культуры Русского Севера.

Образованию столь прочного историко-культурного симбиоза способствовало единство географического ландшафта (обилие моренных холмов, равнинных лугов, лесов, рек, озер, болот) и климата.

Южная периферия Верхней Руси с самого начала была подвержена южным влияниям.

Юго-Восточное Приладожье в течение многих тысячелетий предстает в виде гигантского прохода, по которому почти каждое столетие, начиная с эпохи мезолита, устремлялись на север и северо-восток в Заволочье, в бассейн Онеги все новые и новые миграционные потоки.

Генетически народная культура Русского Севера возникла на базе Днепро-Двинской ИКЗ, а оформилась в рамках ИКЗ Верхней Руси и Приладожья. Позднее к северу от Новгорода, Тихвина она обрела новые черты, породила свои инновации.

Все сказанное свидетельствует, в частности, и о том, что с точки зрения историко-культурной понятие «Русский Север» включает в себя прежде всего свое историческое ядро — Верхнюю Русь, а также все территории, лежащие к северу от верховьев рек Великая, Ловать, Западная Двина, Днепр, Волга, Москва, Клязьма.

Таким образом, основные границы современных диалектов, археологических и этнографических зон в основном сложились задолго до прихода славян на территорию Верхней Руси, более того, и лингвистические, и этнографические ареалы росли и развивались вместе с эволюцией ИКЗ. Границы и ареалы, описанные выше в отдельных очерках, дополняют и детализируют эту общую картину.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И АРЕАЛЫ ОБОНЕЖЬЯ ПО ДАННЫМ РАЗНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Материалы очерков, представленные в этом разделе, позволяют выделить следующие типы границ и ареалов, так или иначе захватывающих Обонежье.

По данным о народной архитектуре выделяются, с одной стороны, северная и восточная части Карелии, а с другой — Южная и Западная Карелия. Северо-Западное Приладожье и Олонецкая Карелия противостоят Восточной Карелии и этнической территории людиков.

Этническая граница между людиками и ливвиками — это граница между Обонежьем и Юго-Восточным Приладожьем, которая доходит на юге до р. Свирь в ее среднем течении.

Зона людиков выделяется как смешанная (здесь встречаются и восточно-русские типы, и переходные формы). В этом же пограничье отметим особо ареал, охватывающий район Сямозера, по р. Шуя и оз. Вохтозеро. Как смешанная переходная карельско-русская зона обособляется и Северо-Восточное побережье Сямозера (Лахта, Чуйнаволох). Сходные явления отмечены и в районе Вохтозера.

Территория северных карел-людиков четко тяготеет к Северо-Западному побережью Онежского озера. Отметим здесь же особую группу русских говоров Северо-Западного Прионежья. Западная граница Кижского погоста XV-XVI вв. в значительной степени совпадала с восточной границей ареала людиков. Северный участок границы людиков и ливвиков отражает былую северо-западную границу вепсского ареала в Обонежье.

В ареале современных русских онежских диалектов также ярко выделяется Прионежье в целом, противопоставленное Восточному Заонежью и Восточному Приладожью.

При этом в самом Прионежье особо отметим ареал по р. Вазинка, который клином вдается с юга на север к Сямозеру. Этот клинообразный ареал хорошо коррелирует с обособлением русских диалектов в Юго-Западном Прионежье. Здесь же рядом, к востоку, в бассейне р. Ивина, проходит граница северных вепсов. В свою очередь Южное Прионежье разделяется границей в районе д. Рыбрека между Оштинским и Остречинским погостами.

По данным этномузыковедения выделяются:

- а) исключительно сильные связи Северо-Западного Прионежья и Заонежья в целом;
- б) единая обособленная группа, объединяющая Северо-Западное Прионежье и Северо-Западное Заонежье;
- в) особые связи Северо-Западного Прионежья, Кижей и Юго-Западного Пудожья.

Исследователи русских диалектов уже давно отметили не только обособление самого Заонежья, но и его разделение на две части — Западное и Восточное. В литературе описано особое заонежское ляпанье, его носители — ляпсаки.

Выше отмечено обособление Западного Заонежья (район Черкасы-Космозера), Юго-Восточного и Южного Прионежья, района Кижей и Шуньги. Об этом же свидетельствует граница гидронимов с основой **-свят**, выделяющая бывший Толвуйский погост. Особо следует отметить цепочку топонимов на **-матка** от Мелой-губы к Шуньге. Ареал ойконимии

¹Здесь под терминами «вепсы», «людики», «карелы» следует понимать ареалы проживания вепсов, карел и т. д.

с *l-овым* формантом, идущий из Приладожья по Важинке в зону прионежских вепсов и далее в Заонежье, не охватывая зону Сямозеро-Шотозеро, р. Шуя, Заонежье, Восточное Прионежье (Римское), Водлозеро.

У вепсов, карел-людигов и в Заонежье распространяется вепсская мелострофа. Вепсская мелострофа охватывает ареал вепсов, южных карел, ижоры. По типу напевов русская этническая традиция Обонежья противостоит мезенской, печорской, беломорской, но объединяет Заонежье и прибрежную часть Пудожья.

По всем данным как единый ареал выделяется Пудожье. Восточное Пудожье противостоит Западному. По материалам собственно русских диалектов выделяются говоры Восточного Заонежья и примыкающей к нему части Пудожского района.

В Восточном Обонежье выделяется бассейн р. Водла, здесь немало вепсских элементов, в особенности в южных частях Пудожья. Русские диалекты также свидетельствуют о достаточно глубокой противопоставленности Пудожья в целом Заонежью и Прионежью; при этом выделяется как раз ареал к югу от р. Пяльма и Водлозера на севере до оз. Муромское на юге, т.е. именно ареал бассейна р. Водла. Особо выделяется район среднего и нижнего течения р. Водла до р. Пяльма (с. Пяльма, Челмужи) на севере и по данным этномузыковедов на востоке этот ареал тянется к Колодозеру и Корбозеру.

По данным этномузыковедения также резко выделяются западная часть Пудожья, среднее течение р. Водла в противопоставлении верхнему течению р. Водла и Водлозеру. Отметим эксклюзивные связи нижнего течения Водлы и Северо-Западного Прионежья (исключая Заонежье).

Как по данным этномузыковедения, так и по материалам лингвистики особо выделяется юго-запад Пудожья. Юг Пудожского района и север Вытегорского объединяются в единый микроареал. Языковые данные свидетельствуют в пользу относительно недавнего обрусения южной части Обонежья и Вытегорского района. Данные русских диалектов свидетельствуют об определенной обособленности говоров верховьев Свири, Вытегорского и южной части Пудожского районов.

Исходя из приведенных данных, остановимся на границах, выделяющих Онежскую ИКЗ. Ареал Карельской археологической культуры довольно определенно выделяет Онежскую ИКЗ уже в эпоху мезолита (VIII—VII тыс. до н. э.). Ареал текстильной керамики в районе Обонежья также обособляет Обонежье, связывая его с верхней Волгой. Обонежье достаточно определенно выделяется группой границ с запада. Таким образом, на западе граница Онежской ИКЗ может быть проведена, начиная от среднего течения р. Свирь, далее на север по р. Важинка, на Святозеро, Шотозеро, восточный берег Сямозера по р. Малая Суна, на Лижмозеро и далее на севере к Выгозеру, через Выгозеро на восток на Вожма-гору. Таким образом, западная и северная границы Онежской ИКЗ сформировались как зоны межэтнического контактирования.

Границы Онежской ИКЗ на востоке опять-таки лучше определяются извне (археологические и лингвистические данные). Граница топомодели на -нгаАнга огибает Обонежье с востока и севера, проходя из Белозерья к Белому морю.

По материалам русских диалектов онежские говоры также хорошо выделяются извне. Большой пучок изоглосс отделяет говоры Обонежья от диалектов Южного Приладожья к югу от среднего течения Свири, Ояти, Белозерья, Каргополья и от говоров к северу от низовьев р. Онега и поморских диалектов Белого моря. При этом Онежская диалектная зона нередко захватывает Каргополье, район оз. Лача.

Определенно выделяются западно-севернорусские и восточно-севернорусские диалекты. Граница между ними проходит в междуречье бассейна рек Онега и Северная Двина и Вага. Выше уже была отмечена, по данным этномузыковедения, граница по водоразделу рек Водла и Онега.

Более размытой и открытой представляется юго-восточная граница Онежской ИКЗ. Мощная диалектная граница, пересекающая р. Свирь в среднем течении, южнее и восточнее выступает в виде широкого «горла с юга» — комплекса границ, разграничивающих отдельные локальные микрозоны (Верхнесвирская, Оятская, Пашская). Вновь стабилизируется граница Онежской ИКЗ только восточнее, в районе Анненского моста, где она встречается с границей между собственно русскими онежскими и белозерскими диалектами. На востоке граница Онежской ИКЗ следует от Анненского моста на оз. Лача, бассейн р. Онега, и по Онеге спускается ориентировочно до р. Ярнема, откуда поворачивает на запад, на Кожозеро и Выгозеро.

В целом Обонежье входит в более обширный историко-культурный ареал, от озер Средней Карелии на западе до междуречья Онеги и Северной Двины на востоке. Таким образом, Онежская ИКЗ формируется начиная с эпохи мезолита и стабилизируется в I тыс. н. э., в эпоху межэтнических контактов. В отличие от Верхней Руси отдельные локальные зоны внутри Онежской зоны не образуют таких цельных и замкнутых внутренних границ и микрозон, как, например, зона Псковского ядра или Ильменское Поозерье.

Онежская ИКЗ представляет собой как бы ковер, в котором один доминирующий цвет незаметно и плавно переходит в другой, а сами тона и краски разных частей этого ковра по-разному сочетаются между собой в разных его местах. Отсутствие стабильных зон и прочных границ во многом связано с тем, что на внутренней территории Обонежья позднее не возникло никаких прочных феодальных объединений, и зоны старых межэтнических контактов не переросли в зоны стабильного обособления и взаимопротивопоставления. В самый ранний период, с эпохи мезолита, Северное и Северо-Западное Прионежье тяготели к европейским археологическим культурам и противостояли Восточному Обонежью.

Восточное и Южное Обонежье уже с эпохи мезолита обнаруживают связи с Верхней Волгой и Сухоней. Во многом древние границы Онежской ИКЗ, в особенности на востоке, были подкреплены в XV в. границей Обонежской пятины Великого Новгорода и зоной противопоставленности интересов и влияний Новгорода и Ростово-Суздальской Руси.

В целом в пределах Онежской ИКЗ можно выделить следующие отдельные микрозоны:

1. Восточно-Онежская;
2. Западно-Онежская;
3. Южно-Онежская;
4. Заонежская.

Граница между ними проходит по Заонежью, разделяя его на Западное и Восточное Заонежье.

В пределах *Западно-Онежской* зоны выделяются Западное Заонежье и Прионежье в целом. В рамках Прионежья выделяются:

1. Северо-Западное Прионежье, не южнее Петрозаводска (Западное Заонежье к западу от Шуньги-Падмозеро-Великая Губа);
2. Южное Прионежье — от Петрозаводска на севере до Рыбреки на юге;
3. Сямозерско-Вохтозерскс—Важинская зона.

В пределах *Восточно-Онежской* зоны выделяются:

1. Восточное Заонежье и западная прибрежная часть Пудожья на юг от д. Челмужи;
2. Пудожье в целом.

В рамках Пудожья в свою очередь выделяются:

- 1) Западное Пудожье:
 - а) зона по среднему течению р. Водла;
 - б) зона по нижнему течению р. Водла;
- 2) Восточное Пудожье:
 - а) зона оз. Водлозеро;
 - б) зона озер Колодозеро, Корбозеро.

Южно-Онежская зона включает Юго-Восточное Обонежье, восток Вытегорского района и юг Пудожского района.

Микрозона Юго-Западного Прионежья охватывает:

1. Подпорожский район;
2. Прионежский район;
3. юго-запад Вытегорского района;
4. юго-запад Кондопожского района.

Выше, в каждом из очерков, авторы, исходя из своего материала, как правило, постарались выявить этническую историю тех или иных районов Обонежья. Постараемся, отправляясь от конкретных фактов, изложенных выше, представить общую картину этнодемографической эволюции Онежской ИКЗ до конца XVII столетия.

История Онежской ИКЗ и Обонежья своими корнями уходит в историю Юго-Восточного Приладожья. И здесь прежде всего обращают на себя внимание типы связей, объединяющих Обонежье с Поволховьем и Приладожьем. С древнейших времен Онежская ИКЗ была более всего открыта миграциям с юга и юго-востока. Весьма показательно, что русские онежские говоры на юге проявляют исключительно сильные связи именно с говорами Юго-Восточного Приладожья, прежде всего говорами бассейна рек Оять, Паша и Сясь, а также с новгородскими диалектами в бассейне Волхова и Ильменя. Конечно, начиная с XI-XII вв. эти связи отражают многоэтапное продвижение новгородцев на Русский Север. В то же время следует предположить, что сами по себе ареальные зоны сложились гораздо раньше и что новгородцы шли на север по путям, проложенным задолго до них другими племенами и народами. В более поздний период такие типы связей отражают также границу Обонежской пятины, усиление противостояния Великого Новгорода Москве, однако этот широкий проход, ведущий с юга в Обонежье и далее на восток, сложился, по-видимому, много ранее.

Более определенно, ориентировочно с V в. н. э., можно говорить о появлении в Южном Обонежье вепсов. Первоначально вепсы освоили восточный берег Ладожского озера, а затем по р. Важинка продвинулись до Святозера, Шуи, Мелой Губы, по р. Ивина или вверх по Свири — в Прионежье и к Онежскому озеру. Часть вепсов шла в Прионежье из Шимозерья.

С XIII-XIV вв. в верховьях Ивины, на Онежско-Ладожском перешейке и в районах проживания вепсов появляются карелы. В Южном Обонежье (Подпорожский, Вытегорский районы, юг Пудожского района) основной субстрат — вепсский. Отметим, по-видимому, весьма сильное продвижение вепсов вверх по р. Важинка к Святозеру и Сямозеру. Путь по Важинке сыграл решающую роль в формировании западной границы между людиками и

ливвиками: северная граница между ливвиками и людиками отражает старую северную границу вепсского ареала в Обонежье.

Возможно, что путь по Важинке был освоен вепсами раньше, чем путь по Ивине и по Свири к побережью Онежского озера. В определенный исторический период мы уже застаем вепсов на достаточно широких территориях в Южном Обонежье в бассейне рек Паша, Капша, Водла, Оять, Мегра, Вытегра, Андома, на Водлозере, а на западе по Важинке, Ивине, низовьям рек Шуя, Суна.

По материалам русских диалектов онежские говоры, с одной стороны, обнаруживают особо тесные связи с ладого-тихвинской группой говоров в целом, но преимущественно, не южнее р. Сясь, а с другой стороны, именно Заонежье проявляет ряд особых связей — только с говорами в бассейне р. Оять.

Выделение в Южном Обонежье двух старых погостов — Остречинского и Оштинского — отражает отдельные миграционные влияния из Южного Посвирья и с востока из Южного Обонежья. При этом северные вепсы Прионежья обнаруживают свои особые связи с оятскими и шимозерскими группами вепсов, с вепсами д. Ярославичи. Здесь весьма показательны следующие типы языковых связей:

- а) Поволховье, Приладожье, Посвирье и только Прионежье (исключая Заонежье, Пудожье, Белозерье, Каргополье);
- б) только Южное Приладожье и только Южная Вытегра;
- в) Поволховье, Приладожье и только Заонежье.

Вполне вероятно, что эти типы связей косвенно репрезентируют не только этапы цоприбалтийско-финского освоения Обонежья, но, прежде всего, этапы вепсского и смешанного вепско-славянского освоения. Тип связей идущий из Посвирья в Обонежье, Каргополье отражает как более древние переселения, в частности, один из этапов относительно позднего вепсского, так и новгородского продвижения на восток.

Около XIII в. в Южном Приладожье и Западном Прионежье появляются карелы — выходцы из Северо-Западного Приладожья. Карелы оказали большое влияние на вепсов. В свою очередь, оказавшись в Юго-Восточном Приладожье, карелы-ливвики сами испытали сильное влияние вепсского субстрата. В итоге вепско-карельской контаминации постепенно оформилась особая группа карел-людиков. Людиковский диалект сложился на основе взаимноравного вклада вепсского и карельского диалектов.

Карельское продвижение и воздействие шло из Северо-Западного Приладожья, с верховьев рек Шуя и Суна; в низовьях Шуи оно сталкивалось с потоком вепсов, шедших из Присвирья по р. Важинка на Святозеро и р. Шуя. Исследователи отмечают сильное влияние культуры карел на прионежских вепсов. В районе Сямозера, Вохтозера уже очень рано сформировалась особая переходная зона, совмещающая в себе вепские, ливвиковские, людиковские, а позднее и русские черты.

Впоследствии влияние людиков из Северо-Западного Прионежья распространилось восточнее в Заонежье. Возможно, что один из древних водно-волоковых путей из Западного Прионежья через Заонежье к Шуньге шел через Мелой-губу. Исторически людиковский ареал -- это зона постоянных этнокультурных контактов. Отмечено заметное продвижение языковой людизации, диалектологическое влияние карел-северных людиков в старых железорудных районах. Показательно, что современные русские говоры Прионежья выделяют такие типы ареальных микросвязей, как Западное Заонежье, Западное Прионежье, Северное Заонежье.

Граница между Восточным и Западным Заонежьем, в частности, между Толвуйским и Шунгским погостами, восходит, во всяком случае, ко времени расселения вепсов на восток. Людиковско-вепсский тип субстрата охватывает также и Кондопожский район и северную часть Прионежского района.

Заонежский полуостров — это особая, многослойная в этническом отношении территория. В русских говорах Заонежья присутствует мощный пласт прибалтийско-финской субстратной лексики. В Заонежье доминирует ливвиковско-людиковский субстрат. У русских Заонежья встречаются также элементы древневепских обрядов. По-видимому, именно этот этап вепско-людиковско-русских контаминации и сильное людиковское влияние представляет такой тип ареальной связи, как Посвирье, Прионежье, Заонежье, исключая Поволховье, Пудожье, Белозерье, Каргополье, т.е. тип, выделяющий собственно Западно-Онежскую ареальную зону.

Позднее, в XVI-XVII вв., еще более усиливается карельское влияние с запада, со стороны ливвиков и людей. В северной части Пудожского района доминирует ливвиовско-людиковский и частично саамский субстрат, в южной части Пудожского района и в Вытегорском районе преобладает вепсский субстрат, а людиковско-вепсский — в пунктах вокруг г. Пудож.

Наиболее ранние пути продвижения в Пудожье шли, по-видимому, по южному побережью Онежского озера, от Тудорова погоста по р. Водла к Вавдитову погосту. С самого раннего времени потоки эти были этнически неоднородны. В определенный исторический период в районах озер Колодозеро и Корбозеро этот поток переселения как бы остановился. Другой поток миграций шел прямо на север, вдоль восточного побережья Онежского озера к Выгозеру. Третий поток направлялся в Заволочье, на Корбозеро и оттуда на Лекшмозеро и на Кенозеро. Что касается относительно поздних этапов, то вепсы из Пудожя по р. Водла продвигались на восток к Лекшмозеру, Кенозеру и на Онегу. С XIII в. это был, в основном, поток уже новгородский.

Отметим тип связей, выделяющийся и по данным языкознания, и по данным музыковедения: Андома, Тудозеро, Пудожье, Заволочье,

Распространение карельского влияния и карельских черт в Заонежье, в низовьях р. Водла относится, по-видимому, уже к XVII в. — ко времени исхода карел из Северо-Западного Приладожья. В XV в. на Водле, Водлозере, скорее всего, было распространено двуязычие (вепско-русское).

Именно чистота, прозрачность и очевидность процессов, связанных с вепсами, карелами и северноруссами в Обонежье свидетельствует об относительно позднем характере самих этих процессов, которые вряд ли начались ранее XIII в.

С XI-XII вв. сначала на Ладожско-Онежском перешейке, а затем — в Обонежье появляются восточные славяне. По-видимому, это действительно были новгородские словене. В то же время следует сказать, что большинство типов языковых и культурных связей, отмеченных выше, сложилось задолго до прихода новгородцев.

В течение тысячелетий, веками, по тем же самым рекам Волхов, Сясь, Вытегра, Папа, Оять, Свирь, Важинка, Ивина, Водла, по охртам Северо-Запада шли все новые и новые миграционные потоки, нередко смешанные по своему этническому составу. Славяне, придя в Обонежье, селились, скорее всего, в тех же местах, где кто-то когда-то жил и до них, вблизи от своих иноязычных соседей, вписывались и вживались в ареальные этнокультурные

зоны, которые существовали и до них, а поселившись и вписавшись, выступили в качестве очередного нового этнического и культурного компонента в истории Онежской ИКЗ.

Отмеченные выше типы связей для XII-XVI вв. бесспорно отражают разные ступени многоэтапного новгородского продвижения на север. Отметим еще ряд сильных типов языковых связей:

а) онежские, новгородские, обще-западнорусские, свидетельствующие об определенном вкладе с XIV-XV вв. в Онежскую ИКЗ явлений, шедших с территории Белоруссии, Смоленщины;

б) онежские, новгородские — демонстрирующие особую роль единого новгородского влияния.

Отметим также особые связи онежско-псковские и эксклюзивные онежско-гдовские.

При всем при этом следует подчеркнуть, что, по-видимому, именно широкое и повсеместное расселение, шедшее с территории Верхней Руси, Новгорода и Пскова привело постепенно к формированию на огромных пространствах Русского Севера единой севернорусской этнокультурной зоны, единого культурного пространства, которое так или иначе проявилось и в фольклоре, и в народной музыке, и в архитектуре, и в искусстве, и в языке, и в материальной и духовной культуре в целом. Так называемые общесеве́рнорусские черты, сильное влияние придвинского варианта на всю Карелию отмечены исследователями у всех народов Русского Севера.

Каковы же основные этапы эволюции Онежской ИКЗ?

1. Огромный по протяженности доприбалтийско-финский период.

В течение этого периода происходила неоднократная смена языкового и этнокультурного ландшафта Онежской ИКЗ. Так, мезолитические культуры типа карельской культуры, культуры Кунда-Суомусъярви, палеоевропейские культуры, гребенчатой керамики, текстильной культуры медленно сменяли друг друга на протяжении тысячелетий.

2. Этап доминирующего прибалтийско-финского языкового и этнокультурного ландшафта.

3. Период неясного общечудского ландшафта.

4. Период вепсского ландшафта.

5. Первое карельское влияние.

1) Формирование зоны вепско-ливвиковского билингвизма.

2) Формирование людиковского ландшафта и смешанных этнокультурных зон.

6. Период миграций носителей единой новгородской культуры Верхней Руси.

7. Период возникновения билингвизма и смешанных форм в материальной и духовной культуре.

8. Этап особой миграции с территории древнего Пскова (XIV-XVI вв.) и в особенности с территории Причудья (Гдов).

9. Второе западно-карельское влияние.

10. Стабилизация и формирование Онежской ИКЗ.

Все выделенные выше отдельные зоны в пределах общей Онежской ИКЗ — итог многовековых разноэтничных контактов. На протяжении тысячелетий — это зона постоянного этнического, языкового и культурного смешения и существования рядом разных типов, зона билингвизма и постепенной смены одного языкового типа другим (финно-угорского — волжско-финским, саамского — вепским, вепского — ливвиковским, людиковским, вепского и карельского — восточнославянским), одного типа культуры другим.

Все зоны характеризуются следующими основными этапами эволюции:

- монокультура со следами субстрата;
- смешение;
- билингвизм в языке;
- переход к иной монокультуре и в языке и в материальной культуре с сохранением

большого числа явлений предшествующего состояния.

Исторически Обонежье предстает как своеобразный котел, который тысячелетиями втягивал в себя с юга и юго-востока различные племена и народы, пройдя через который,, они шли дальше на Север, к Белому морю, и на восток, к великим рекам Русского Севера

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Выбранная в качестве объекта исследования территория Ярославского и Костромского Поволжья входит в Волго-Окскую историко-культурную зону, которая обрисовывается в следующих границах: на севере — Верхневолжские озера вниз по Волге до Конаково, далее по Волге от Калягина через Углич, Ярославль, Кострому к Нижнему Новгороду, на востоке и юге — по Оке на Муром до устья р. Москва, по Протве на верхнее течение Москвы-реки. Отмеченные границы отличаются большей определенностью на севере, востоке и юге, а именно в бассейне Волги, Оки, Москвы-реки и Протвы [Булкин, Седых 1999; Булкин и др. 1999]. И выбор этот не случаен. Он обусловлен причинами географического и исторического порядка. Ярославское Поволжье (далее ЯП) — самая северная компактная территория в обширной ИКЗ Волго-Окского междуречья (ВОМ) и, одновременно, самая южная из предлагаемых к рассмотрению в данном проекте. Географическое положение ЯП способствовало тому, что этот район был включен в орбиту практически всех основных событий, происходивших на территории европейской части современной России в I—II тыс. н. э. Ростово-Суздальская Русь, в состав которой входила территория ЯП, была центром формирования древнерусской, а затем и великорусской народности. ЯП является уникальным средоточием путей водных сообщений — до 240 рек и речек, имеющих названия. По ним проходили крупные пути древности и средневековья, связывавшие ЯП с центральными районами Волго-Окского междуречья, а в эпоху раннего средневековья обеспечивавшие трансевропейскую торговлю с другими крупными регионами Восточной, а также странами Северной и Западной Европы. Вдоль них располагались многочисленные поселения различных эпох.

Территория Костромского Поволжья (далее КП) включает в себя основную часть Костромской и северные районы Ивановской области, прилегающие к р. Волга: это бассейн Волги от ее притоков Костромы, Солоницы и Костромской низменности на западе до р. Унжа и протекающему меридионально руслу Волги на востоке. Южная граница проходит по водоразделу Волги и Клязьмы, северная — волжскому и северодвинскому бассейнам [Рябинин 1986; 1997]. Археологические памятники расположены в пределах КП в основном, по обеим сторонам Волги и ее многочисленных притоков и почти не встречаются в глубинных районах Заволжья, т.е. левобережья. К западу от КП находятся памятники ЯП. Между курганными древностями КП и курганными могильниками ЯП существует обширная территориальная лакуна, к востоку — памятники древних марийцев, причем восточные рубежи КП совпадают с восточной границей ареала древнерусских курганов, а к юго-западу — памятники Суздальско-Юрьевского Ополя. В ландшафтном отношении территория КП неоднородна — Южное Приволжье в основном состоит из возвышенностей, Заволжье — низменное пространство, на котором часто встречаются болота и мелкие озера, а также дремучие леса. Все это отразилось на освоенности территории КП в древности и в настоящее время.

Ярославское и Костромское Поволжье входят в зону формирования финно-угорской этнокультурной общности. Древнейшими носителями «финской культуры» в Средней России были пришедшие из Волго-Камья волосовские племена, которые в течение 3 тыс.

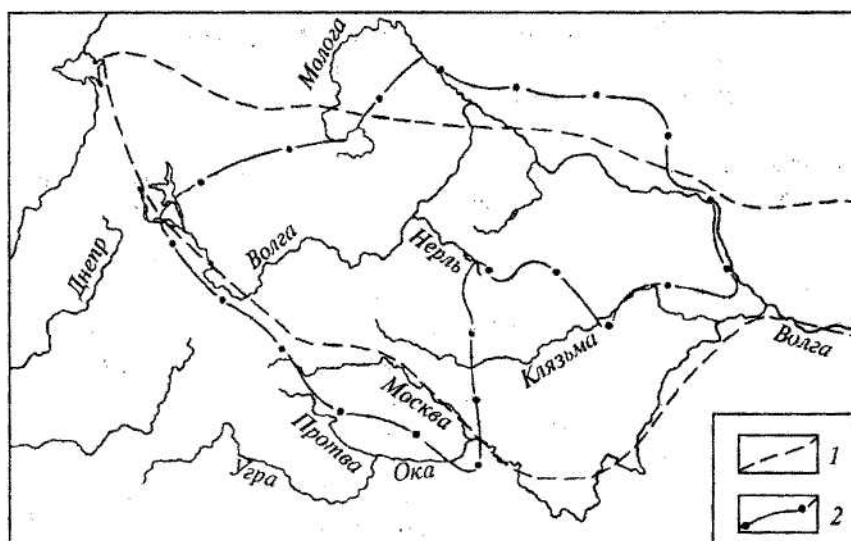

Рис. 1. Границы археологических культур эпохи камня (1) и ранней бронзы (2) в рамках Волго-Окской ИКЗ.

до н. э. полностью ассимилировали жившие в Волго-Окском междуречье неолитические племена, выделявшие ямочно-ребенчатую керамику. В волосовское время, как и в последующий фатьяновский период, территории ЯП и КП входили в ареалы указанных выше культурно-исторических общностей (рис. 1). Связь фатьяновской культуры с так называемыми культурами боевых топоров, распространенными на огромной территории от Рейна до Камы, а также связь последних с вопросами этногенеза славян, балтов и германцев, поставили фатьяновскую проблему ряд исторических проблем общеевропейского значения [Крайнов 1972]. В Волго-Окском крае фатьяновская культура была пришлой (из областей Белоруссии, Литвы и Восточной Латвии?) и оставила глубокие следы в хозяйственной и духовной жизни местных племен бронзового века. Не исключена известная роль фатьяновской культуры в процессе сложения культуры текстильной или сетчатой керамики эпохи поздней бронзы. Непосредственная историческая связь последней с раннежелезной культурой городищ дьякова типа (I тыс. до н. э. — сер.-вторая половина I тыс. н. э.) не подлежит сомнению, как и связь дьяковской культуры с раннеисторическими финноязычными племенами той же территории [Горюнова 1961]. Тем самым устанавливается фшгаязычность населения культуры с текстильной керамикой. Интересующие нас территории полностью входят в ареал древностей с сетчатой посудой, причем территория левобережья Волги от истока до впадения в нее р. Унжа является территорией распространения сетчатой керамики на раннем этапе ее существования (рис. 2). Поселения племен культуры с сетчатой керамикой можно рассматривать как памятники раннего этапа дьяковской культуры [Бадер 1966; 1972]. Итак, ранний железный век (I тыс. до н. э. — первые века н. э.) в ЯП и КП представлен памятниками дьяковской культуры, которая сложилась в западной части ВОМ на базе культуры текстильной или сетчатой керамики. Она входит в круг так называемых «городищенских» культур раннего железного века наряду с расположенными западнее и юго-западнее культурами штрихованной керамики, днепро-двинской, верхнеокской и юх-

новской. Перечисленные культуры могут быть отнесены к праславянской части балто-славянского этнического массива [Александров 1994; Вернер 1972; Лебедев 1982; 1985; 1989; Мачинский 1981; Щукин 1994]. Памятники дьяковской культуры также являются смешанными, но отражают балто-финно-угорское взаимодействие на западных рубежах распространения финно-угорских древностей [Розенфельдт 1982]. В этот период на рассматриваемой территории существовала густая сеть поселений по берегам Волги [Дьяковская культура 1974]. Кроме данных археологии, для этого времени мы располагаем письменными свидетельствами римского историка Корнелия Тацита о феннах, которых он помещает в лесной зоне Северо-Востока Европы. Между певкинами и феннами им названы венеты — праславяне, что не исключает какого-либо контакта между ними и феннами уже в первые века нашей эры. Более обширные сведения мы находим у Иордана (VI в.) для 50-70-х гг. IV в. н. э., т. е. времени существования дьяковской культуры. В этот период общее название — фенны — заменяется перечнем народов, в котором ясно угадываются известные нам по летописным источникам финно-угорские племена или союзы племен — чудь, весь, меря, мордва и, возможно, мешера.

Рассмотрение материалов археологии этого периода позволяет говорить о наличии двух групп памятников, различающихся по основным характеристикам культуры.

Западная группа представлена памятниками бассейна р. Москва, Верхней Волги и Верхней Оки, а восточная — памятниками Ярославской, Владимирской, Костромской и Ивановской областей. В последних работах исследователи [Вишневский 1991а; 1991б] сближают памятники дьяковской культуры Ярославской области с верхневолжскими (в Верхневолжский регион, помимо Ярославской области, входят прилегающие районы Тверской, Костромской, Московской и Вологодской областей), противопоставляя их москворецким по керамике и составу стада. Анализ материалов дьяковских памятников области (их 66) выявил картину повсеместного преобладания в стаде их жителей лошади (в москворецком регионе в стаде преобладает свинья). Карпологиический анализ отмывок культурного слоя памятников дьяковской культуры в Верхнем Поволжье свидетельствует о преобладании (наряду с находками зерен проса и пшеницы) возделывания ячменя, как и в более позднее время [Вишневский 1991б].

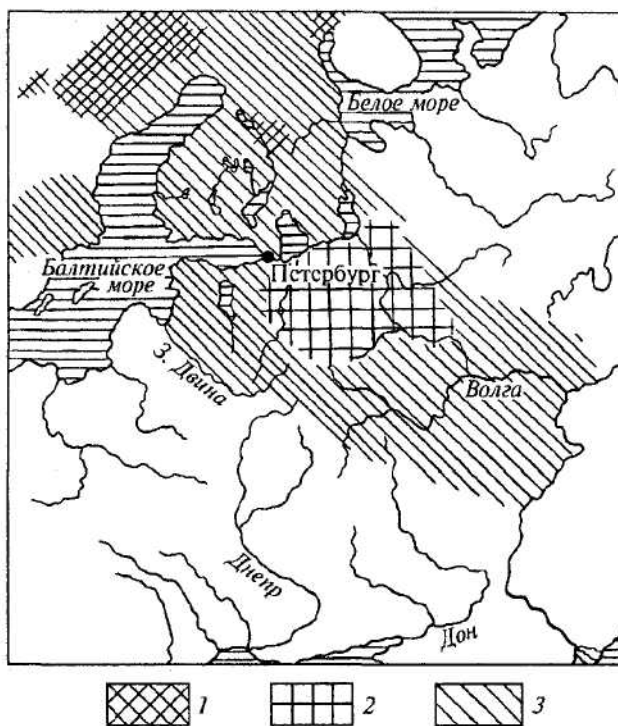

Рис. 2. Ареал древностей с сетчатой керамикой на севере Европы (по данным [Косменко 1996]).

1 — «вафельная» керамика, 2 — сетчатая керамика на раннем этапе, 3 — сетчатая керамика.

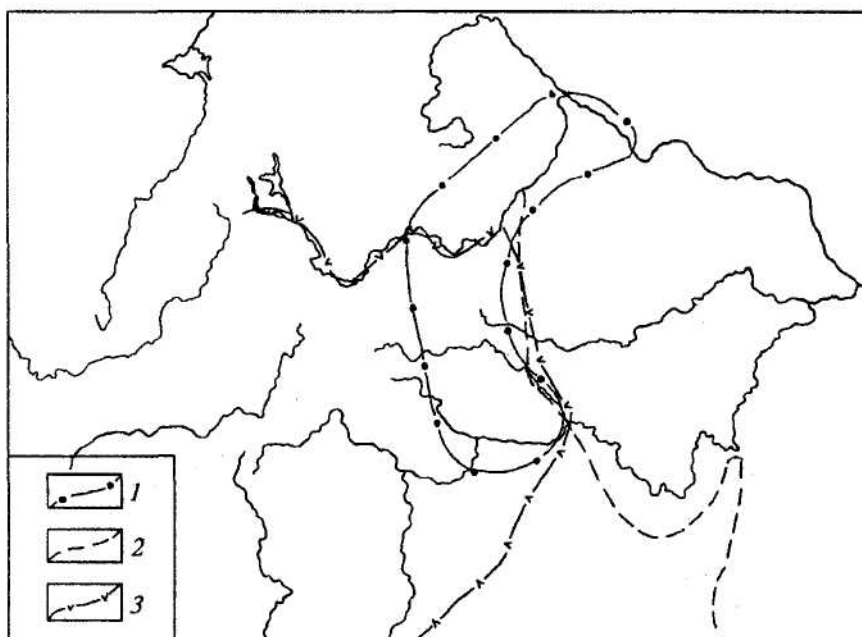

Рис. 3. Границы археологических культур эпохи раннего железа в рамках Волго-Окской ИКЗ.

1 — ареал распространения дьяковской культуры, 2 — Городецкой, 3 — восточная граница балтского гидронимического ареала.

Керамические комплексы городищ Верхнего Поволжья отличается необычайно высокий процент в их составе сетчатой керамики (на некоторых памятниках — до 100%, например, городище Филимоново), в то время как на московецких городищах эта величина не превышает 40%. Второй отличительный момент — больший, чем у памятников Московре-чья, процент орнаментированной керамики (как правило, более 10 и достигает 20%). Степень сходства орнамента керамики, отражающая степень этнической близости культур племен, изготовивших посуду, очень высока (60-80%) при сопоставлении между собой как памятников Верхнего Поволжья в целом, так и памятников ярославской группы (отклонения дают пограничные памятники, например, Кикинское и Кубринское городища). Родственные ярославская и верхневолжская группы памятников почти не имеют сходства с орнаментикой московецких городищ, и, кроме отмеченного выше, их отличает от дьяковских памятников западной части ВОМ низкий процент лощеной керамики или ее полное отсутствие, преобладание в орнаменте ямчатого, ямочно-гребенчатого, розеткового узоров при малом распространении гребенчатого, веревочного и зацепного [Вишневский 1991б].

Таким образом, в отличие от эпохи камня и бронзы, в раннем железном веке Волго-Окское пространство делится на две части: западную — территория распространения памятников дьяковской культуры и восточную — территория городищных памятников (рис. 3). Эта граница проходит неширокой полосой в меридиональном направлении от Волги чуть выше впадения в нее Нерли Волжской через верховья Клязьмы, нижнее течение и устье Москвы-реки. В последующее время эта же полоса служит восточной границей позднедьяковских памятников. И, наконец, по той же линии проходит восточная граница балтского гидронимического ареала [Розенфельд 1982; Седов 1970]. Памятники данного

периода на территории ЯП и КП относятся, в отличие от смешанных балто-финно-угорских, расположенных в западной части, к финно-угорским.

В период позднего железного века (середина—вторая половина I тыс. н. э.) в ВОМ происходит складывание племенных культур финно-угров (муромы, мери, мешеры и др.). В ЯП в этот период фиксируются два позднediaковских памятника, располагающихся в отрыве от основной компактной территории их распространения в западной части ВОМ. Одновременно с ними в ЯП и КП располагается значительное число памятников мери. Это одна из областей распространения мерянских древностей, занимавших обширные пространства Волго-Клязьминского междуречья и Поволжья. Выделяется (на основании региональных особенностей) четыре основных района мерянской территории — бассейны озер Неро и Плещеево, Суздальско-Юрьевское Ополье, Западное Поволжье и Костромское Заволжье [Леонтьев 1996].

Сразу же следует указать на отсутствие генетической связи мерянских памятников с населением дяковской культуры раннего железного века — нет преемственности в керамике, системе расселения и др. В отличие от западной части ВОМ, где с небольшими перерывами жизнь на городищах продолжалась вплоть до VI-VII вв. и даже дольше [Розенфельдт 1982], в восточной области дяковской культуры — в Поволжье ниже Углича и на левобережье бассейна р. Клязьма — уже в начале н. э. раннедяковские памятники прекращают свое существование — ранние слои с сетчатой керамикой либо не имеют хронологического продолжения (Кубринское), либо уничтожаются более поздними отложениями середины — второй половины I тыс. н. э., не связанными исторически с первоначальными (Березняки, «Копок», Попово на р. Унжа, Выжеша и др.) [Леонтьев 1996].

Археологические исследования подтвердили справедливость летописного указания на основные области расселения мери в районе озер на фоне мощного пласта данных финно-угорской гидронимии. Летопись указывает, что неславянские народы являлись древнейшими дославянскими обитателями северных регионов Восточной Европы, автохтонами. Славяне в процессе своего расселения в VIII-X вв. в лесной зоне Восточной Европы столкнулись с финно-угорским населением именно в районах, указанных Начальной летописью, как наиболее освоенных и густонаселенных. На остальной территории востока Волго-Окского края памятники местного населения располагались редко (обилие лесов и болот тому причина) и были невелики по размерам. Первоначально отдельные общины поселенцев-славян создавали «чересполосицу» поселений с мерянским населением в наиболее освоенных областях (районы озер Неро и Плещеево, Суздальское Ополье), впоследствии сыгравшую положительную роль в достаточно быстрой ассимиляции (славянизации) местного населения в ходе последующей «внутренней колонизации», которая шла параллельно с процессом христианизации края. В более редких случаях древнерусские поселения развивались на основе прежних финских памятников. Однако большинство местных поселков в районах озер в X в. оказались заброшенными [Леонтьев 1996]. Старейшие русские города и их обширные округа возникли в наиболее освоенных мерянских областях [Там же]. То же самое можно сказать о муромской земле.

Мерянская этническая общность, сложившаяся в VI-IX вв. в Верхнем Поволжье и Волго-Клязьминском междуречье, включала в себя различные по происхождению субэтносы. Границы «мерянской земли» (по А. Е. Леонтьеву) очерчиваются в следующих пределах: на юге и юго-востоке — реки Клязьма и Уводь; на западе и юго-западе — Волга, захватывая ее левобережье, и водораздел рек Нерль Волжская и Дубна; на севере граница неопределенна; мере, видимо, принадлежали земли в низовьях левых притоков Волги, от Шексны до Костромы; северо-восточная граница проходила по р. Унжа (рис. 4).

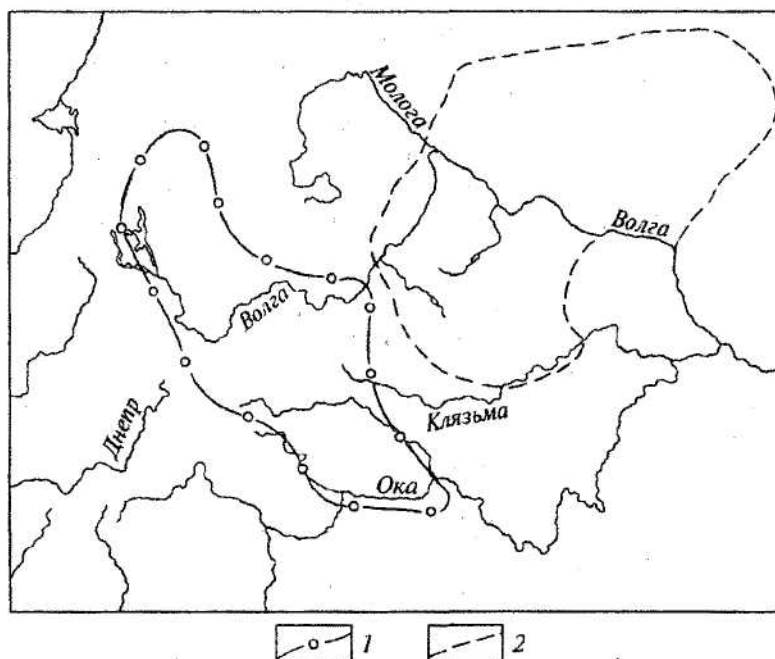

Рис 4. Границы мерянской земли по данным археологии.

1 — границы распространения позднедьяковских памятников (по данным [Розеи-фельдт 1974]), 2 — границы мерянских памятников (по данным [Леонтьев 1996]).

Говоря о памятниках Западного Поволжья, в состав которого входят территории ЯП и КП, необходимо отметить слабую изученность памятников второй половины I тыс. н. э., ибо большинство ранее открытых памятников Верхней Волги было затоплено после создания каскада верхневолжских водохранилищ, в том числе обширная Моложско-Шекснинская низина, затопленная Рыбинским водохранилищем. Это обстоятельство затрудняет реконструкцию локальных систем расселения, решение вопроса о преемственности разновременных поселений и др. По сведениям А. Е. Леонтьева, на отрезке Волги от Калязина до Юрьевца (более 400 км) известно 42 памятника VI-X вв., принадлежавших дорусскому населению. В некоторых местах поселения составляли локальные группы. В интересующих нас течениях Волги зафиксировано несколько отдельных небольших групп: городище Березняки и 3 селища поблизости; затем селища Попадьинское и Устье; в районе Диева городища — Черной заводи на участке 25 км известно 5 памятников по обоим берегам Волги, в том числе наиболее ранний памятник — стоянка Усть-Черная, датирующаяся третьей четвертью I тыс. н. э., причем, по мнению А. Е. Леонтьева, учитывая недостаточную изученность территории и зафиксированный здесь ареал группы топонимов с формантом на «бол», можно ожидать открытия новых памятников [Леонтьев 1996]. На участке от г. Кострома до Юрьевца известны 4 городища, 3 селища и 1 грунтовый могильник, не составляющие компактной группы.

В ярославском течении Волги полностью раскопаны Попадьинское селище и городище Березняки — памятники, находящиеся в соседних локальных группах. Селище твердо датируется VI-VII вв., состав находок в культурном и хронологическом отношениях

однороден и свидетельствует о принадлежности поселка позднедьяковскому населению. Вместе с тем в его материалах присутствуют предметы мерянского происхождения, отражающие, скорее, лишь внешние контакты дьяковского населения [Леонтьев 1996]. Материалы Попадышского селища, а также других памятников (Усть-Черная, Введенское, Пеньково), на которых отсутствуют слои позднедьяковского времени, свидетельствуют о появлении нового, мерянского населения в Верхнем Поволжье в VI-VII вв. Материалы городища не обнаруживают единства и более соответствуют многослойному памятнику. А. Е. Леонтьев выделяет три не связанных между собой периода в существовании памятника: поселок раннего железного века, уничтоженный в V в. н. э., позднедьяковское городище V-VI вв. (основной слой памятника) и недолговременный поселок периода IX-X вв. — один из наиболее поздних финских поселков Верхнего Поволжья [Там же]. Аналогичная ситуация зафиксирована в той же территориальной группе — остатки двух не связанных между собой поселков (рубежа нашей эры и VI-VIII вв.), занимавших один и тот же участок берега, на селище Пеньково на левом берегу Волги.

Новое население Поволжья не ограничилось собственно территорией поречья Волги, а распространило свое влияние на соседние регионы, в частности, на Юго-Восточное Белозерье, где известна керамика поволжско-финского (по Н. А. Макарову) типа, характерные поволжские шумящие украшения и другие предметы мерянского облика, причем в бассейне р. Суда (правый приток Шексны) волжское влияние начинает проявляться уже в последней четверти I тыс. н. э. [Леонтьев 1996]. Исследователи предполагают возможность появления на Шексне отдельных групп мерянского населения в связи с развитием пушной торговли по Волжскому торговому пути [Макаров 1990].

На территории Костромского Заволжья в бассейнах двух крупных левых притоков Волги — Костромы и Унжи — археологические памятники мерянского времени немногочисленны и составляют, как и в ЯП, несколько локальных групп. Наиболее крупная (5 селищ и городище Унорож) занимает 20-километровый участок северного побережья Галичского озера [Леонтьев 1996]. Вторая группа находится в среднем течении р. Унжа — малообжитом и неудобном для земледелия районе — на протяжении 22 км зафиксировано 3 городища, 3 селища и грунтовый могильник, с наибольшей концентрацией памятников на 2-километровом участке левого берега р. Унжа у д. Попово (полностью исследованное городище второй половины I тыс. н. э., 3 селища и могильник с сожжениями на стороне). Третья группа (городище и 3 селища) расположена в среднем течении р. Андоба, левого притока р. Кострома [Там же]. В других районах памятники, размещенные на мелких притоках Волги и Костромы, единичны [Рябинин 1997].

Наиболее изучены памятники унженской группы [Леонтьев, Рябинин 1981; Леонтьев 1983; 1984; 1986; 1989 и др.; Рябинин 1983; 1989; 1997; Археология Костромского края 1997 и др.]. Они датируются в рамках двух близких хронологических периодов: ранний — VI (?)–VII вв. и IX в. Могильник у д. Попово является самым ранним памятником в мерянском Заволжье и обладает рядом особенностей в погребальном обряде, которые могут быть отнесены к локальным особенностям населения региона в целом [Рябинин 1997] и, возможно, являются отражением общей погребальной традиции некоторых финно-угорских коллективов, заселявших в раннее средневековье левобережную часть волжского бассейна [Рябинин 1989]. Датируется могильник третьей четвертью Т тыс., вероятно, VI-VII вв.

В материальной культуре населения бассейна Унжи VI-VII вв. отчетливо выявляются два компонента — поволжский, представленный предметами быта, орудиями труда, вооружением, украшениями, керамикой, и прикамский или, шире, западноуральский, имеющий свои предметы быта, украшения и характерную округлодошгую орнаментирован-

ную керамику. По мнению Е. А. Рябина, на р. Унжа в VI-VII вв. переселилась группа финского населения из Поволжья, которая сохраняла традиции Поволжья не только на начальном этапе существования, но и в дальнейшем. В IX в. особенностью культуры поповской группы памятников по-прежнему являлось сочетание камских и волжских элементов с преобладанием последних в украшениях, бытовых предметах, орудиях труда и пр. Вместе с тем, в IX в. наблюдается синтез культурных традиций (вероятно, через механизм установления кровнородственных связей), наиболее отчетливо проявившийся в гончарном производстве [Самойлович 1989; Леонтьев 1996]. Браслетообразные височные кольца, изготовленные из двух перевитых бронзовых проволок с последующей проковкой концов, обнаруженные в унженском районе, свидетельствуют не только о сохранении традиционных элементов культуры, но и о достаточной этнической самостоятельности населения [Леонтьев 1996]. Несмотря на обособленное, пограничное положение в материалах Поповского городища были обнаружены привозные предметы, в том числе фрагмент стандартного свинцово-оловянистого слитка. Находки такого рода не единичны для территории Заволжья. Изначально в систему международных торговых связей было включено Унорожское городище — центральное поселение локальной финно-угорской группы в округе будущего Галича Мерьского [Рябинин 1997]. Об активном участии населения района в торговле через посредство Юго-Восточного Приладжья и Белозерья свидетельствуют многочисленные находки бус, ранних односторонних гребней «ладожского» типа, скандинавской застежки, дирхемов, болгарской керамики. Характер находок определяется близостью поселения к древнему Сухоно-Вычегодскому пути [Там же].

Процесс славяно-мерянского взаимодействия происходил довольно долго, о чем свидетельствуют материалы курганов и поселений практически на всей территории между речья и прилегающих областей [Леонтьев, Рябинин 1980; Седова 1978; Лапшин, Мухина 1988; Лапшин 1985; Михайлова 1988; Леонтьев 1996; Рябинин 1997 и др.]. Исследователи отмечают, что с началом широкой древнерусской колонизации центральных мерянских районов во второй половине X в. и одновременным усвоением общерусского инвентаря идет параллельное совершенствование традиционных этноопределяющих категорий и типов мерянских вещей, появляется новый тип коньковых украшений, т.е. оформляется материальная культура мери, которая впитывала в себя различные культурные импульсы и традиции [Леонтьев, Рябинин 1980; Лапшин 1985 и др.]. Одним из признаков развернувшейся ассимиляции мерянского населения является переход последнего к курганному способу захоронения [Третьяков 1970]. Процесс смешения и ассимиляции мери в различных микрорегионах проходил с различной интенсивностью. Упомянутые в поздних письменных источниках «мерские станы» (на левом берегу Волги около Кашина, к северо-западу от Плещеева озера по р. Нерль Волжская и ее притокам, близ Костромы), по мнению А. Е. Леонтьева, восходят к поселениям финского населения, вытесненного со своих исконных земель и вынужденного осваивать новые жизненные пространства. Археологически процесс смешения прослеживается лишь до конца существования курганной традиции захоронений.

Первая половина XI в. была переломным моментом в истории мери. После 1024 г. была разрушена племенная структура мери, перестают существовать ее укрепленные поселения и грунтовые могильники. «Устав» Ярослава, наряду с фиксацией дани, очевидно, окончательно узаконил отторжение исконных земель мери [Леонтьев 1996]. К XII в. в центральных областях расселения мери в основном прекращается местное производство финно-угорских типов изделий, а в течение XII в. меря уже перестает существовать как этнос [Леонтьев, Рябинин 1980; Леонтьев 1996; Рябинин 1997]. Ее существование в

дальнейшем археологически улавливается в виде субстратных черт в культуре Северо-Восточной Руси, а также фиксируется редкими упоминаниями в письменных источниках. Смешанные славяно-мерянские памятники X-XII вв. известны на всей территории Волго-Клязьминского междуречья и Верхнего Поволжья. Курганы с мерянскими элементами в инвентаре и обрядности отмечаются и вне границ собственно «мерянской земли». Эти памятники, открытые в низовьях Мологи, Шексны, Медведицы, Юхоти, угличском течении Волги и других районах, свидетельствуют об участии отдельных групп мери в общем колонизационном движении на север [Макаров 1990; Леонтьев 1996]. Антропологические данные, полученные из курганов ЯП и КП, отличают древнее население указанных районов от славянского населения XI-XII вв. Поднепровья и Белоруссии и, вместе с тем, сближают его с финским населением лесной зоны Восточной Европы, известным по синхронным грунтовым могильникам [Седов 1966]. Наиболее близкие связи обнаруживаются внутри мерянского племенного союза между населением района озер и жителями ополья, имевшими многие общие элементы культуры и традиционные связи с муромой, что, возможно, объясняется общностью происхождения (вспомним перечень народов у Иордана). По мнению А. Е. Леонтьева, сообщение Иордана косвенно указывает на «прародину» летописной мери где-то поблизости от мордовских земель, в Окском правобережье, возможно, в области рязанско-окских могильников [Леонтьев 1996]. В свою очередь, у финнов Костромского Заволжья прослеживаются тесные связи с соседними марийцами, а в северо-восточном пограничье на р. Унжа — с населением Прикамья. В VI-VII вв. в западных районах Верхневолжья ощущается влияние позднелужицкой культуры.

Древнерусская эпоха (IX-XIII вв.) представлена в ЯП и КП памятниками, отражающими процесс освоения ВОМ славяно-русским населением, складывания древнерусской народности, государственности и культуры на этих территориях. Это был сложный процесс взаимодействия местного финно-угорского, мерянского в своей основе, и пришлого, смешанного в этническом отношении, населения. Со стороны северо-запада шла волна, в которой были словене ильменские, финно-угры северо-запада, скандинавы; с запада двигались смоленско-полоцкие кривичи; со стороны юга и юго-запада расселялись вятичи; с востока — финны Прикамья. Этапы, хронология этих миграций различны. В период IX-X вв. этносоциальные границы изменяются под влиянием политического фактора.

Основными памятниками данного периода на территории ЯП являются известные в литературе памятники близ Ярославля (Тимерево, Михайловское и Петровское), а также памятники вокруг оз. Неро — Ростов и его округа. На ранних этапах функционирования славянский компонент в их материалах выражен слабо. Территория ЯП входила в историко-географическую общность, называемую Верхняя Русь или Русь Рюрика, ставшую ареной первых славяно-финно-скандинавских контактов середины IX в. По его территории проходил важный участок Балтийско-Волжского речного пути, здесь находились древнейшие политические центры — Ростов и Ярославль. Археологические памятники последних представлены комплексно (поселения, могильники, клады) и отражают процесс взаимодействия ряда этносоциальных организмов, результатами которого стали: сложение древнерусской этнотерриториальной общности — Верхней Руси; формирование новой археологической культуры — древнерусской, первым археологическим проявлением которой является пласт так называемых «дружинных» древностей; создание единой системы товарно-денежного и денежного обращения, что подтверждается наличием многочисленных кладов арабского серебра на указанной территории, разнообразных импортов и др.; развитие внутренних и внешних коммуникаций и урбанизация со становлением раннегородских центров; формирование древнерусской народности и государственности в регионе.

Наиболее полно эти процессы отразились в материалах крупнейшего и достаточно хорошо исследованного памятника — Тимеревского археологического комплекса IX-XII вв. Они отражают определенную ступень в развитии раннесредневекового города, которая характеризуется как ОТПП (аналог западноевропейского вика). «Восточноевропейские вики» составляли единую систему центров и путей, Тимерево являлось самым восточным звеном в цепи таких центров. Территория ЯП, наряду с другими областями Северной Руси (Приильменье, Приладожье и т. п.), была активным участником международных отношений в системе всего Балтийского культурно-экономического сообщества IX-XI вв., где роль консолидирующего фактора играла трансевропейская торговля [Кирпичников и др. 1986]. Протогорода способствовали вовлечению в интенсивные и многоступенчатые операции жителей территорий, по которым пролегали торговые пути раннего средневековья. Кроме того, Тимерево и Сарское городище (на определенном этапе своего развития) были опорными пунктами в ходе дальнейшего заселения финно-угорских земель. Вместе с тем можно отметить различия в хронологии, местоположении, сущности (на начальных этапах) этих памятников. На примере мерянского племенного центра — Сарского городища — может быть прослежен процесс перерастания племенного центра (VII-IX вв.) в протогородское образование (в течение X в.), его упадка — с образованием в конце X в. княжеского феодального центра (Ростова) и в связи с общим запустением всех финских археологических памятников Волго-Клязьминского междуречья, и превращения в феодальный замок [Дубов 1982; Леонтьев 1996].

В настоящее время материалы Тимеревского археологического комплекса под Ярославлем прочно вошли в отечественную и зарубежную историко-археологическую науку. Исследование Тимеревского поселения, входящего в состав комплекса памятников IX-XII вв., началось в 1972 г., ровно через 100 лет после первых раскопок могильника [Aspelin 1874]. За время своей «жизни в науке» оно проделало путь от обычной древнерусской деревни [Фехнер 1963] до протогородского центра [Дубов 1982; Даркевич 1985] и одного из возможных центров Арсы — одной из «трех групп Руси» арабских источников [Дубов 1982, 1989]. Вместе с тем не все в истории поселения достаточно ясно. Прежде всего это касается времени его основания.

Существует несколько точек зрения по вопросу о времени возникновения Тимерева: IX в., возможно, его первая половина (Дубов); последняя треть IX в. [Куза и др. 1982] и конец IX в. (Фехнер). В отличие от комплексов некрополя, где возможны датировки с точностью до полустолетия (в первую очередь, на основании датировок импортных вещей), поселенческие комплексы датируются в более широких пределах. Как показали специальные исследования [Седых 1985, 1988], лепная керамика не может являться надежным хронологическим индикатором, так как в достаточном количестве продолжает выделяться и использоваться на поселениях Ярославского Поволжья, в том числе и в Тимереве, довольно поздно — г- во второй половине XI — первой половине XIII в., составляя от 2 до 20% всех керамических материалов. Наиболее ранние комплексы поселения, раскрытые к настоящему времени, очевидно, располагались на северо-западной его окраине, вблизи самого раннего из комплексов могильника кургана № 95. Они содержат чистый комплекс лепной керамики, украшения и бытовые вещи, кусочки янтаря, монету Идриса II конца VIII — начала IX вв. [Седых 1986]. Впоследствии они были перекрыты комплексами могильника с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, затем вновь комплексами поселения, среди которых остатки уникальной обжигательной печи X столетия, и, наконец, верхний горизонт этого «слоеного пирога» представлен погребениями по обряду трупоположения на горизонте, датирующимися концом X — началом XI в. (по монете), и в ямах — XI-XII (?) вв. Уточнить

время, когда поселение уже безусловно существовало и функционировало, позволяют клады восточного серебра. На закономерность расположения кладов либо на территории поселений, либо в непосредственной близости от них указывал В. М. Потин (1962). Раскопки памятников IX-XI вв. в Восточной Европе подтверждают это [Носов 1990; Седых 1994 и др.]. Один клад (865 г.) был найден непосредственно на основной площадке поселения, два других (867 г. и последняя треть IX в. — по С. А. Яниной) — на противоположном берегу

р. Сечка, напротив могильника [Добровольский и др. 1996]. Датировка кладов 60-ми гг. IX в. указывает на наиболее вероятное время основания центра. Эта дата отчасти может быть подтверждена датировкой основного погребения кургана № 95.

Вторым дискуссионным вопросом является вопрос об этническом составе населения Тимерева в начальный период его существования — в IX-X вв. Практически все исследователи отмечают смешанный состав первых поселенцев. В колонизационном потоке с Северо-Запада изначально усматривают новгородских словен и западных финнов или ослабянившихся чудь и весь, а также скандинавов (Горюнова, Третьяков, Дубов); местное же финно-угорское население начинает принимать активное участие в процессе формирования древнерусской народности с середины X в. (Дубов). Исследования керамического материала показали, что в комплексах поселения (как и некрополя) ясно прослеживается высокая степень смешанности населения, оставившего их. Древнейшие типы лепной посуды датируются IX (не позднее середины) — X столетиями и имеют аналогии в памятниках тех районов, население которых приняло участие в освоении Ярославского Поволжья на ранних этапах и в сложении древнерусского населения этого региона в IX-XI вв. [Седых 1988]. Преобладающим, очевидно, являлось финно-угорское население, которое было сложным по составу. По существу мы имеем ряд разрозненных элементов материальной культуры финно-угорского происхождения, фиксируемых в Волго-Окском междуречье, что не позволяет соотнести их с конкретной финно-угорской группировкой. Однако среди смешанного финского населения Тимерева отчетливо фиксируется местное население волжско-финского происхождения — аналогии некоторым формам сосудов известны только в древностях волго-окских группировок. Взаимодействие финно-угров с пришлым, смешанным в этническом плане населением, судя по керамическим материалам, началось достаточно рано — в IX в. Присутствие скандинавов в Тимереве, прежде всего, очевидно, выходцев с Аландских островов, отразилось в инвентаре, керамическом комплексе памятника, в погребальном обряде и, возможно, на монетах из клада. Скандинавские комплексы могильника являются древнейшими. Движение с Северо-Запада, видимо, осуществлялось не из центральных, коренных земель словен новгородских, а с северных и северо-восточных окраин. В керамическом комплексе практически полностью отсутствуют ребристые сосуды и лепная керамика с линейно-волнистым орнаментом. Антропологический материал также указывает на родство древнего населения Ярославского Поволжья с населением окраинных районов Новгородской земли [Седов 1966]. В этом движении, кроме скандинавов, принимали участие западные финны — весь и кривичи, возможно переселившиеся на Северо-Запад с территории Поднепровья [Давидан и др. 1985]. Появление урнового обряда и определенных форм керамики в IX-X вв., очевидно, указывают на движение на Волгу из земель смоленско-полоцких кривичей. Об этом же, вероятно, свидетельствуют некоторые насыпи некрополя с плоской вершиной [Седых 1997]. Факт появления в середине X в. сосудов с округло-уплощенным дном свидетельствует о притоке пермского населения из более восточных районов (Прикамья и Камско-Вычегодского бассейна), принесшего свою технологию изготовления посуды, своеобразные формы и орнаментацию [Седых 1988].

О присутствии собственно славян на основании керамического материала можно говорить лишь начиная с середины — второй половины X в. Признавая в составе первопоселенцев скандинавов, М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина, тем не менее, датируют проникновение славян в Ярославское Поволжье временем не ранее второй половины X в. (1985, 1987). По мнению А. Е. Леонтьева, древнерусская колонизация Волго-Клязьминского междуречья начинается в середине X в. (1996). В материалах Тимеревского поселения, как и древнерусских селищ IX — начала XI в. на Северо-Востоке Руси, трудно выявить «славянский комплекс» материальной культуры. Вместе с тем его наличие и безусловный приоритет в сложении древнерусского населения ни у кого сомнений не вызывают. Исход из этого, А. Е. Леонтьев подразделяет погребения ярославских курганов на скандинавские, ярко выделяющиеся на общем фоне, и древнерусские, «что предполагает славянский приоритет среди населения» [Леонтьев 1996]. Такой упрощенный подход не может быть принят при определении этнической принадлежности погребенных в полиэтнических некрополях. Многоэтнический состав населения Ярославского Поволжья в IX-X вв. отражает процесс освоения новых земель, на первых порах, очевидно, без участия в нем славянского населения. Тимерево — первое поселение в Волго-Клязьминском междуречье, основанное выходцами извне. Территория Ярославского Поволжья выступает в качестве своеобразной контактной зоны (вспомним сообщение Начальной летописи). В отличие от более поздних поселений региона, Тимерево возникло на необжитом месте и не связано напрямую с памятниками предшествующего времени, как это имеет место в мерянской земле [Леонтьев 1996]. Оно отстоит от крупной речной магистрали, но, вместе с тем, его жители уже в ранний период были вовлечены в сферу циркумбалтийской торговли, свидетельством чего являются клады куфических монет и предметы европейского происхождения. На раннем этапе весьма заметна роль выходцев из Фенноскандии, принесших в регион, наряду с предметами быта и украшениями, элементы духовной культуры — курганный способ захоронения и предметы культа — глиняные лапы [Седых 1995].

Независимо от первоначальных целей основателей поселка, в нем получили развитие ремесла и торговля, и его связь с одним из участков Великого Волжского пути несомненна. С включением территории Ярославского Поволжья в состав Древнерусского государства Тимерево, учитывая имевшийся потенциал, могло играть роль опорного пункта княжеской власти на местах — погоста и, одновременно, опорного пункта для дальнейшего освоения финно-угорских земель, которое в массовом порядке началось во второй половине XI в. переселением крестьян-земледельцев уже с помощью формирующейся феодальной власти. Наличие богатых дружинных захоронений некрополя Тимерева (более 20%), в том числе совершенных в деревянных камерах и срубных могилах [Дубов, Седых 1989, 1993], захоронений женщин и детей в больших и богатых курганах [Седых 1996, 1997], отдельных «усадеб» на поселении отражают процесс дальнейшего расслоения общества в середине-второй половине X столетия и начало процесса формирования древнерусской народности на этой территории. Специальное исследование показало, что военная традиция и социальный состав населения Тимерева остаются в целом неизменными на протяжении X—первой половины XI в. [Недошивина 1991].

Тимерево обладает всеми признаками протогорода и является не единственным поселением такого типа в окрестностях Ярославля. Отсутствие материалов из раскопок Михайловского и Петровского поселений не позволяет выявить их соотношение между собой и реконструировать механизм «передачи функций» поселению нового типа — княжескому городу Ярославль. В первой половине XI в., в силу прежде всего ряда внешних

причин, активная жизнь на Тимеревском поселении замирает. Во второй половине XI–XII в. Тимерево продолжает существовать как рядовое древнерусское поселение. На первом этапе (IX в.) освоение Северо-Востока осуществляли, в основном, группы однородных по социальному статусу свободных общинников, что характерно для периода племенных княжений — одной из стадий становления феодального общества. В то же время наличие дружинных захоронений в комплексах X в. служит показателем социального расслоения в среде пришлого населения. Отсюда миграция должна рассматриваться как следствие процесса распространения феодальных отношений на новые территории и влияния раннефеодального Новгорода. Комплексы этого времени (середина — вторая половина X в.), характеризующиеся высокой степенью смешанности в этническом плане, являются отражением процесса формирования древнерусской народности в ЯП. Активное участие в этом процессе принимает местное финно-угорское население.

Новый этап колонизации, начавшийся во второй половине XI в. и зафиксированный топографически на всей территории ЯП, шел параллельно с христианизацией населения региона. Этому в значительной степени способствовали благоприятные климатические условия жизни в регионе Верхней Волги [Олейников 1992]. Основное движение идет на данном этапе с юго-запада. В период интенсивного освоения древнерусским населением (сельским, прежде всего) земель ВОМ снова возрастает влияние хозяйственного фактора, что ведет к расширению территориальной сферы общерусской культуры. Анализ материалов памятников ЯП фиксирует постепенную ассимиляцию мери пришлым населением, свидетельством чего является чересполосное расположение славянских (древнерусских) памятников и памятников мери со второй половины X в., насыщение комплексов общерусским инвентарем и др. (см., напр., [Станкевич 1987 и др.]). Окончательное разрушение племенной организации мери произошло в конце X в. с возникновением княжеского стола в Ростове, которое означало рост феодализации на территории Северо-Восточной Руси, и было оформлено около 1024 г. «уставом» Ярослава [Кучкин 1984].

Широкое освоение новых земель зафиксировано в КП сгустками курганных могильников и поселений, образующих микрорегионы [Третьяков 1931; Успенская, Фехнер 1956; Рябинин 1986, 1997; Глазов 1977]. Проникновение отдельных групп населения на территорию КП началось еще в конце XI — начале XII в., о чем свидетельствуют материалы Коряковского могильника [Леонтьев 1984; Рябинин 1997; Археология Костромского края]. Широкое же распространение курганов в регионе датируется серединой — второй половиной XII в., их продолжают насыпать до XIII в. включительно. Особенностью курганов КП является их малочисленность в курганных группах. Исследователи (В. П. Глазов, А. Е. Леонтьев, Е. А. Рябинин) выделяют три территориальные группы курганов — западную (Костромскую), центральную (Колдомо-Сунжинскую) и восточную (Кинешемскую) (рис. 5).

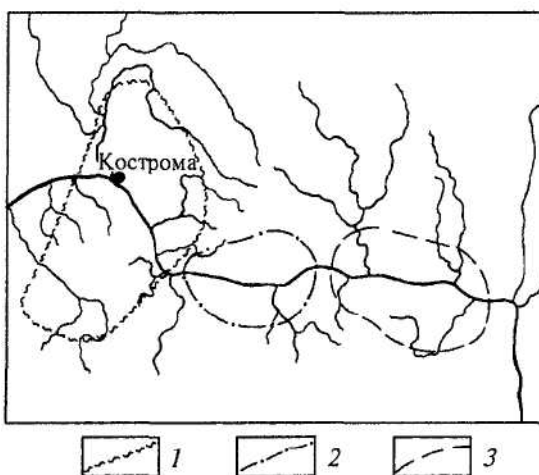

Рис 5. Карта этнографических регионов Костромского Поволжья по данным раскопок курганов [Глазов 1977].

1 — западная группа курганов, 2 — центральная группа курганов, 3 — восточная группа курганов.

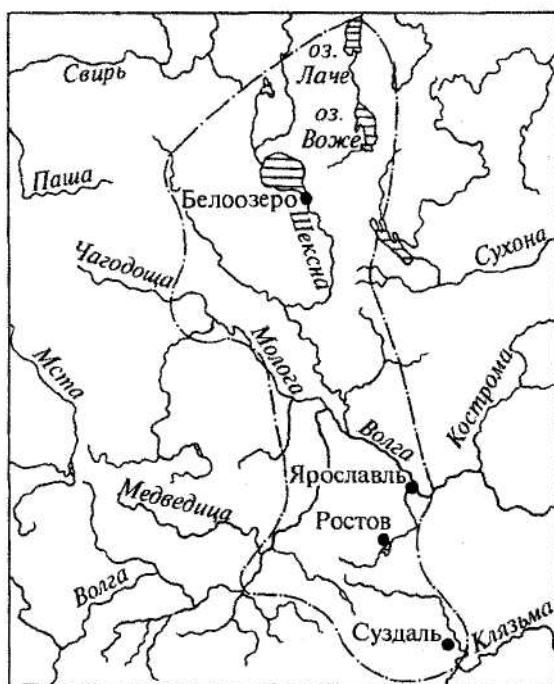

Рис. 6. Ростовская земля в конце XI в. друг от друга племенных группировок, которые, в свою очередь, могут быть сближены с древнесмари́йскими племенами, связи с которыми у северо-восточной мери прослеживаются с эпохи железа [Рябинин 1997]. Анализ материалов курганов КП свидетельствует об этнической неоднородности населения окраин Ростово-Суздальской земли.

Система расселения и территориальные связи мери определили формирование основных районов Ростовского княжества, а также его первоначальные границы. Еще во второй половине XI в. ростовские рубежи проходили в тех же местах, где некогда проходили границы мери с позднелядовскими племенами и муромой [Кучкин 1984; Леонтьев 1996] (рис. 6).

В XII в. вновь усиливается влияние политического фактора в ущерб хозяйственному и особенно этнокультурному. Реальностью становятся не границы мери, муромы и т.п., а рубежи новых государственных образований на этой территории — княжеств.

Литература

- Александров 1994 — Александров А. А. Венеды Тацита и ставаны Птолемея // Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. Псков, 1994.
- Археология Костромского края 1997 — Археология Костромского края. Кострома, 1997.
- Бадер 1966 — Бадер О. Н. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // Сов. археология. 1966. № 3.
- Бадер 1972 — Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Особенности региональных группировок отразили различия в этническом составе колонизационных потоков. В материалах западного региона ощутимо присутствие выходцев из северных и северо-восточных районов Новгородской земли, где проживало в XII-XIII вв. смешанное славяно-финское население [Глазов 1977; Рябинин 1986; 1997; Леонтьев 1996]. В центральной группе фиксируется присутствие выходцев из центральных, «низовских» районов Ростово-Суздальской земли при явных еще следах новгородского присутствия. В восточном регионе исследователи предполагают сохранение относительно целостного финского населения с местными особенностями погребальной обрядности (глиняные «своды» и «заливки», расчленение умерших, своеобразная керамика). Е. А. Рябинин предполагает наличие в курганном ареале КП трех существенно отличающихся

- Булкин и др. 1999 — Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999.
- Булкин, Седых 1999 — Булкин В. А., Седых В. Н. Историко-культурные зоны Волго-Окского междуречья, верхнего Поднепровья и Подвинья // История и культура древних и средневековых славян; Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. М., 1999.
- Вернер 1972 — Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенов // Сов. археология. 1972. №4.
- Вишневский 1991a — Вишневский В. И. Дьяковская культура в верхнем Поволжье: Автореф. канд. дис. М., 1991.
- Вишневский 1991b — Вишневский В. И. Об особенностях городищ дьяковской культуры в Верхнем Поволжье // Краеведческие записки. Вып. VII. Ярославль, 1991.
- Глазов 1977 — Глазов В. П. О курганах Костромского Поволжья // КСИА. 1977. Вып. 150.
- Горюнова 1961 — Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. III 94. М., 1961.
- Давидан и др. 1985 — Давидан О. И., Мачинеша А. Д., Мачинский Д. А. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VII-X вв.: (По данным летописей и археологии) // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985.
- Даркевич 1985 — Даркевич В. П. Международные связи // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР.)
- Добровольский и др. 1996 — Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. М., 1996.
- Дубов 1982 — Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: (Историко-археологические очерки). Л., 1982.
- Дубов 1989 — Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989.
- Дубов, Седых 1989 — Дубов И. В., Седых В. Н. Камерные гробницы Ярославского Поволжья // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 1989.
- Дубов, Седых 1993 — Дубов И. В., Седых В. Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография: Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4. СПб., 1993.
- Дьяковская культура 1974 — Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М., 1974.
- Кирпичников и др. 1986 — Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Крайнов 1972 — Крайнев Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Куза и др. 1982 — Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. [Рец.:] Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978 // Сов. археология. 1982. № 2.
- Кучкин 1984 — Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.
- Лапишин 1985 — Лапишин В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв.: (По археологическим материалам): Автореф. канд. дис. Л., 1985.
- Лапишин, Мухина 1988 — Лапишин В. А., Мухина Т. Ф. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры: (Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.
- Лебедев 1982 — Лебедев Г. С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982.
- Лебедев 1985 — Лебедев Г. С. Северо-Восток Европейской части России в середине I тыс. н. э.; (Состояние письменных и археологических данных) // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985.

- Лебедев 1989 — Лебедев Г. С. Лингво-археологическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: Этногенез и этническая история: Междисциплинарные исследования. Л., 1989.
- Леонтьев 1983 — Леонтьев А. Е. Работы в Ярославской и Костромской областях // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.
- Леонтьев 1984 — Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179.
- Леонтьев 1986 — Леонтьев А. Е. Волго-Окская экспедиция // Археологические открытия 1984 года. М., 1986.
- Леонтьев 1989 — Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М., 1989.
- Леонтьев 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери: К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Леонтьев, Рябинин 1980 — Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса) // Сов. археология. 1980. № 2.
- Леонтьев, Рябинин 1981 — Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Могильник и городище у д. Попово на р. Унже // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.
- Макаров 1990 — Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI-XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990.
- Мачинский 1981 — Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Михайлова 1988 — Михайлова Л. А. Дьяковское городище у села Пировы городища // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.
- Недошивина 1991 — Недошивина И. Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси, М., 1991.
- Недошивина, Фехнер 1985 — Недошивина И. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // Сов. археология. 1985. № 2.
- Носов 1990 — Носов Е. И. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Олейников 1992 — Олейников О. М. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. науч. конф. Вып. 6. Новгород, 1992.
- Потин 1962 — Потин В. М. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962.
- Розенфельдт 1974 — Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
- Розенфельдт 1982 — Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
- Рябинин 1983 — Рябинин Е. А. Исследования в бассейне р. Унжи // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.
- Рябинин 1986 — Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
- Рябинин 1989 — Рябинин Е. А. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М., 1989.
- Рябинин 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
- Самойлович 1989 — Самойлович Н. Г. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М., 1989.
- Седов 1966 — Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М., 1966.
- Седов 1970 — Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. М., 1970.
- Седова 1978 — Седова М. В. Ярополк Залесский, М., 1978.

- Седых 1985* — *Седых В. Н.* К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985.
- Седых 1986* — *Седых В. Н.* Исследования у д. Большое Тимерево // Археологические открытия 1984 года. М., 1986.
- Седых 1988* — *Седых В. Н.* Керамическое производство Ярославского Поволжья IX-XIII вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1988.
- Седых 1994* — *Седых В. Н.* Монеты в торговле Северной Руси эпохи раннего средневековья // Культурные трансляции и исторический процесс: Тематич. сб. науч. статей. СПб., 1994.
- Седых 1995* — *Седых В. Н.* Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX-XI вв. // Проблемы истории северо-запада Руси: Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995.
- Седых 1996* — *Седых В. Н.* Большие курганы в культуре Древней Руси // Курганы: Историко-культурные исследования и реконструкции: Тез. докл. тематич. науч. конф. СПб., 1996.
- Седых 1997* — *Седых В. Н.* Большие курганы Древней Руси // Беларусь у астаўне еўрапейскай культурнай сувязі: Пастарычна-археалагічны зборшч. № 11. Мшск, 1997.
- Смирнов, Трубникова 1965* — *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура // Свод археологических источников. Вып. Д1-14. М., 1965.
- Станкевич 1987* — *Станкевич И. Л.* Мерянский компонент древнерусского поселения Введенского // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1987.
- Третьяков 1931* — *Третьяков П. Н.* Костромские курганы // Изв. гос. академии истории материальной культуры. 1931. Т. X. Вып. 6-7.
- Третьяков 1970* — *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л., 1970.
- Успенская, Фехнер 1956* — *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения Древней Руси // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды Государственного исторического музея. 1956.
- Фехнер 1963* — *Фехнер М. В.* Тимереvский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963.
- Фехнер, Недошивина 1987* — *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимереvского могильника по материалам погребального инвентаря // Сов. археология. 1987. № 2.
- Щукин 1994* — *Щукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Aspelin 1874* — *Aspelin J. R.* KumpukaLmisto Timerevon kylän luona Jaroslavin läänissä // Finska Fomminnesfareningens Fidskrift. I. Helsingfors, 1874.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И АРЕАЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ДАННЫМ РАЗНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

По данным археологии, этнографии, языкознания, во-первых, отметим обособление таких крупных сопредельных ареалов, как Верхняя Волга, бассейн р. Москва, верхняя Ока в их противопоставлении Ярославско-Костромскому Поволжью, Волга вверх от устья Нерли, верховья р. Клязьма, нижнее течение р. Москва.

Ярославская и Костромская области в их современных границах вместе, но не восточнее р. Ушка, в целом противопоставляются районам к востоку от р. Унжа; по археологическим данным — это ареал культуры сетчатой керамики. Ярославское Поволжье объединяется с Костромским Поволжьем с IV—III тыс. до н. э. (культура ямочно-гребенчатой керамики, волоховская, фатьяновская культуры).

Восточная граница Ростовской земли конца XI в. близка к границам Ярославской и Костромской губерний.

В пределах Ярославской области (губернии) обособляется:

- левый и правый берега Волги от Углича до Рыбинска;
- отдельно левый и правый берег Волги от Рыбинска до Костромы;
- левый и правый берега Волги от Углича до Костромы в целом.

Весьма показательно, что левый берег Волги выделяется и по данным древнейшей финно-угорской топонимии.

- Ростовский (уезд) район;
- Ростовский, Переславль-Залесский районы к югу от Ростова;
- Брейтово, Некоуз, Маслово;
- Ярославский район (уезд), ареал к западу от Ярославля;
- район Углича и юг Ярославской области,
- Пошехонье-Володарское, Ермаково, Кукобой,
- Любим.

В пределах Костромской области обособляются:

- правый и левый берега Волги;
- бассейн р. Кострома, вверх по Костроме;
- район Нерехты — в его противопоставлении Юрьеву;
- запад Костромской области к западу от р. Унжа, противопоставленный районам к востоку от р. Унжа;
- бассейн р. Ветлуга, Поветлужье;
- север Костромской области в его противопоставлении южным и юго-западным районам;
- северо-запад Костромской области (Солигалич, Чухлома, Галич);
- район Буя;
- юго-запад Костромской области вместе с северо-западными районами.

Все приведенные в этом разделе материалы свидетельствуют о том, что на территории Ярославско-Костромского Поволжья в эпоху, предшествовавшую появлению здесь славян, доминировал финно-угорский историко-культурный тип.

Что касается более древних периодов, то, скорее всего, в Верхнем Поволжье в разное время сменяли друг друга волны различных древнейших финно-угорских племен.

Наиболее определенно можно говорить только о таких периодах, как финско-пермский период, волжско-финский, прибалтийско-финский, когда Ярославско-Костромское Поволжье выступает как восточная периферия прибалтийско-финского ареала; мерянский (предславянский), вобравший в себя наследие различных финно-угорских языковых общностей.

Западная часть русских ярославско-костромских говоров левобережья Волги сложилась в итоге новгородской (словенской) колонизации, а Угличское Верхневолжье — под влиянием колонизации кривичской.

В истории Ярославско-Костромского Поволжья большую роль сыграли новгородские словене из районов Белозерья, двигавшиеся по направлению к Ростову и далее по р. Сухона; из районов Великих Лук и Торжка вдоль Волги по направлению к Юрьевцу и далее по Унже на восток. При этом новгородские словене селились в основном по левому берегу, кривичи по правую берег Волги.

В целом именно псковско-новгородский тип историко-культурных связей во многом является доминирующим в Ярославско-Костромском Поволжье.

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ФЕННОСКАНДИИ

Проблема происхождения населения территории Северо-Запада России и Фенноскандии на протяжении длительного времени вызывает устойчивый интерес исследователей — специалистов в разнообразных областях исторического знания — археологов, лингвистов, этнографов, антропологов. Такой интерес обуславливается, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых — значительным культурным, языковым, антропологическим разнообразием народов, населяющих этот регион. Во-вторых — неполнотой фактологической базы, влекущей за собой дискуссионность различных гипотез о первоначальном заселении Северной Европы, этнической истории живущего на этой территории населения.

Антропологическая наука накопила значительную информацию об антропологическом составе населения Фенноскандии, Восточной Прибалтики и Северо-Запада России, а также о путях его формирования во времени и пространстве. Изучались различные системы антропологических признаков: соматические, дерматоглифические, одонтологические, гено-географические. Ниже остановимся на результатах исследования одной из них, а именно — краниологии.

В российской антропологической школе под краниологическими материалами подразумеваются близкие к современности серии черепов, относящиеся к XVIII — началу XX в. н. э., в отличие от более ранних палеоантропологических. Основным итогом сбора и изучения краниологических материалов является, во-первых, построение синхронной таксономической классификации, базирующейся на определении степени сходства (генетического родства) между различными близкими по времени популяциями. Во-вторых, строится диахронная классификация, при этом краниологические данные сопоставляются с палеоантропологическими. Очевидно, что первостепенное значение в таком процессе имеет изучение географической вариабельности признаков, выделение антропологических комплексов (расовых вариантов) в составе разных групп населения, определение этнической локализации этих комплексов.

Антропологические исследования в данной области базируются на значительном материале, хранящемся в музеях Северной Европы и России. Основной краниологический материал из западных районов Фенноскандии происходит из Норвегии. Он охватывает как западные, так и восточные группы норвежского народа. Детальное описание этого материала в сравнительном освещении сделано К. Скрайнером [Schreiner 1939, 1946]. Близкие к современности серии черепов шведов происходят не с территории собственно Швеции, а из Юго-Западной Финляндии [Алексеев 1974; Khartanovich 1993] и с Эстонского острова [Алексеев 1974]. Из Швеции имеются только средневековые черепа [Geivall 1960]. Коллекции по исландцам также относятся только к началу нашего тысячелетия [Steffensen 1953].

Близкие к современности данные о черепах финнов впервые были опубликованы в конце XIX в. Ч. Ретциусом [Retsius 1874] и К. Хэльстеном [Hallsten 1881, 1887, 1893]. Впоследствии они были изучены Дж. Морантом [Morant 1931]. По принятой в российской антропологии программе коллекции финнов Финляндии были измерены в 1960-х гг. Г. Ф. Дебецом, и суммарные данные о черепах опубликованы В. П. Алексеевым [Алексеев 1974]. На основании измерений А. Г. Козинцева финские материалы удалось сгруппировать

по провинциям [Khartanovich 1993]. С территории России были получены черепа ингерманландцев [Алексеев 1969] и финнов Северо-Западного Приладожья [Хартанович 1990].

Многочисленные материалы по краниологии норвежских саамов опубликовал К. Скрайнер [Schreiner 1931, 1935; 1945]. В этих же работах содержится полная библиография предшествующих исследований. Черепа саамов Финляндии измерены Г. Ф. Дебецом и опубликованы В. П. Алексеевым [Алексеев 1974]. До последнего времени краниологический материал по российским саамам был крайне мал и происходил из случайных сборов [Алексеев 1969; 1974]. В 1970-х гг. были получены представительные серии черепов саамов Кольского полуострова [Хартанович 1980].

Первые данные по краниологии карел были опубликованы В. П. Алексеевым [Алексеев 1969]. Серия была малочисленна и происходила из случайных сборов. Сам автор публикации отметил, «что этот малочисленный материал, по-видимому, не может быть использован безоговорочно для характеристики краниологического типа карел и требует осторожного к себе отношения» [Алексеев 1969]. К настоящему времени по краниологии карел введены в научный оборот данные о более чем четырехстах черепах, происходящих из разных районов Республики Карелия и представляющих все основные группы карельского народа [Хартанович 1986].

Краниология ижоры, с известными оговорками, описывалась на основании серии черепов из средневекового могильника XIII-XV вв. в Гатчине [Жиров 1937; Алексеев 1969; 1974]. Учитывая, что эти материалы отстоят от современности на значительное время и этническая принадлежность могильника вызывает большие сомнения, мы рассматриваем как представительные для ижор черепа, полученные О. И. Коньковой при раскопках близких к современности могильников на Курголовском и Сойкинском полуостровах (неопубликованные данные автора данной статьи). По эстонцам имеются краниологические серии нескольких территориальных групп [Марк 1956] и общая серия по населению XVII-XVIII вв. [Алексеев 1969].

В материалах по прибалтийским финнам отсутствуют краниологические данные по вепсам и води. Следует добавить, что в программах западноевропейских краниологов не измерялись некоторые признаки, которые российские антропологи считают чрезвычайно важными для антропологической диагностики. Это прежде всего признаки, связанные с характеристикой горизонтальной профилировки лицевого скелета, переноса и носовых костей, степени выступления носовых костей к линии профиля. Из-за этого для краниологической классификации мы можем использовать зарубежные публикации материалов лишь в ограниченной степени. Более полное представление об антропологических особенностях ряда народов можно получить только на основании российских сводок, менее объемных в количественном отношении, но более информативных в методическом. Такие разночтения, естественно, ограничивают возможности анализа, но ограничения, как правило, затрагивают не общую антропологическую характеристику того или иного народа, а выявление специфических черт территориальных и этнографических групп.

Достаточно яркой иллюстрацией приведенных замечаний представляется ситуация с краниологическим описанием шведов и норвежцев. По шведам имеются, как уже отмечалось выше, лишь две близкие к современности группы. Норвежцы представлены большим количеством материала, но программа, по которой они изучались, ограничена. Тем не менее, В. П. Алексееву, использовавшему как прямые, так и косвенные аргументы, удалось дать детальную общую краниологическую характеристику этих народов [Алексеев 1974]. Шведы обнаружили типичное для северных европейцев сочетание длинной и крупной, но низкой

черепной коробки с узким и резко профилированным лицевым скелетом. Выступайте носовых костей, по европейскому масштабу, скорее среднее, но переносье отличается значительным развитием. При сравнении синхронных материалов видно, что норвежцы очень сходны со шведами, отличаясь лишь несколько большими диаметрами черепной коробки и большей шириной лица. Характеризуя население Западной Фенноскандии в целом, В. П. Алексеев подчеркивает большую однородность комплекса краниологических особенностей на этой территории, где местные варианты не отличаются никакими специфическими комбинациями.

Как и в случае со шведами и норвежцами, по саамам Финляндии имеется одна краниологическая серия, исследованная по широкой программе, а по норвежским саамам — несколько, представляющих разные территориальные группы, но не содержащих ряда важнейших признаков [Schreiner 1931, 1935; Алексеев 1974]. Изучивший эти группы В. П. Алексеев не нашел каких-либо систематических различий между черепами из разных кладбищ. Он же отметил, что для саамов характерна крайняя степень брахикрании, минимальная высота лица в сочетании с близкой к максимуму его шириной.

В дополнение к отмеченным краниологическим отличиям между антропологическими вариантами, проявляющимися как в территориальной изменчивости, так и в географическом сочетании признаков этот исследователь подчеркнул разницу в горизонтальной профилировке лицевого скелета и угле выступления носа. Саамы оказались наиболее плосколицы и плосконосы, в отличие от наиболее прогнатных шведов. Этническая локализация комплексов признаков на территории Фенноскандии, согласно В. П. Алексееву [Алексеев 1974], выражена вполне отчетливо. Один из них представлен у населения северо-запада этого региона — норвежцев и исландцев. Второй — у шведов и датчан. Третий — у саамов. Норвежцы и исландцы, объединяющиеся в одну антропологическую группу, — самое широколицее и массивное население в пределах Фенноскандии. Такая близость целиком соответствует информации других исторических источников о заселении Исландии из Западной Норвегии и формировании исландского народа и его культуры под воздействием и при прямом контакте с норвежцами.

Шведы являются носителями этого же комплекса признаков, но в гораздо менее массивном и более узколицем варианте.

Для саамских черепов характерен противоположный, по сравнению с первыми двумя, комплекс. Они наиболее грацильны, брахикранны, с низким, но широким лицом.

Финны занимают по всем основным показателям промежуточное положение между грацильным вариантом северной расы (шведами) и лапоноидным краниологическим типом (саамы), но ближе к первому.

Краниологическая характеристика финнов была сделана В. П. Алексеевым лишь на основании имевшихся в его распоряжении данных об одной сборной серии черепов. В настоящее время появилась возможность осуществить разбивку краниологических материалов из Финляндии по провинциям, из которых они происходят, и рассмотреть географическую изменчивость признаков черепов финнов [Khartanovich 1993]. Оказалось, что для финских серий в целом характерна средней длины, широкая, мезокранная черепная коробка. Высота черепа небольшая. Лоб средней ширины, слабо наклонный. Лицо средней ширины, невысокое, ортогнатное по общему и среднему лицевым углам и мезогнатное по указателю. Горизонтальная профилировка лица по европейскому масштабу средняя. Носовые вдсти к линии профиля выступают сильно. Переносье средней ширины, высокое. Носовые кости

довольно широкие, высокие. Грушевидное отверстие узкое, невысокое. Орбиты широкие, низкие и по абсолютной высоте и по указателю.

Между территориальными группами финнов имеются статистически значимые различия по ряду признаков, таким как ширина черепа и черепной указатель, высота черепа, высота носа и назомалярный угол. В краниологических сериях финнов наблюдается высокая межгрупповая вариабельность показателей, наиболее отчетливо проявляющаяся в различиях по ширине лица, высоте черепа, лица и грушевидного отверстия.

Сопоставление средних величин признаков краниологических серий с территории Финляндии позволяет выделить в их составе два основных морфологических варианта. Первый включает мезобрахикранные группы с низким лицом из провинций Саво, Уусимаа, Хяме, Варсинайс-Суоми и Северная Похъянмаа. Второй — более длинноголовые, высоколицые и клиногнатные черепа из Хельсинки и Южной Похъянмаа. Материалы из Хельсинки и Южной Похъянмаа по многим признакам близки к черепам из кладбища близ шведоязычного населенного пункта Петерсере. Очень своеобразна небольшая серия из провинции Сатакунта. Здесь проявляется ослабление горизонтальной профилировки лица, умеренное выступание носовых костей к линии профиля, тенденция к прогнатизму. Эти особенности сближают черепа из Сатакунта с саамскими. Очевидно, что эта малочисленная серия не может характеризовать все население провинции. Но очевидно также, что в составе финских серий присутствуют материалы с вполне выраженными лапоноидными особенностями. В целом новые данные подтверждают наблюдение В. П. Алексеева о промежуточности морфологических особенностей финнов по сравнению с таковыми у шведов — с одной стороны, и саамов — с другой.

С территории Северо-Запада России имеются значительные краниологические материалы, позволяющие не только провести антропологическую характеристику финноязычных народов, но и проследить динамику антропологических вариантов территориальных групп. В 1976-1977 гг. были собраны четыре серии черепов саамов Кольского полуострова, представляющие и тундровых саамов, и население, жившее в центральной части полуострова [Хартанович 1980]. Эти группы обладают рядом характеристик, сближающих их как между собой, так и с саамами из Норвегии и Финляндии. Это грацильная, короткая и широкая, очень низкая черепная коробка брахикранной формы; низкое, широкое, несколько уплощенное по европейскому масштабу лицо и на уровне точки назион и на уровне субспинале. Вместе с тем в антропологическом составе Кольских саамов удалось выделить локальные варианты, различия между которыми не велики и не выходят за рамки одного антропологического типа. Наиболее специфическим комплексом признаков обладают черепа из Чальмны-Варрэ, саамского погоста, расположенного в центральной, наиболее труднодоступной части полуострова. Саамов из Чальмны-Варрэ отличает самое низкое и уплощенное среди Кольских групп лицо, слабо выступающий нос, ряд других показателей. Черепа из Варзино и Иоканги — погостов, расположенных на побережье Баренцева моря, менее широколицые, чем чальмны-варрские, с более высоким и профилированным лицевым скелетом, сильнее выступающим носом. Материалы из Пулозера самые массивные среди саамских.

Величины и направление различий между признаками территориальных групп саамов Кольского полуострова дают основания для предположения о присутствии в составе тундровых саамов европейской примеси. Однако остается неясным вопрос о времени и причинах появления такой примеси. Более европейский (антропологически) облик черепов из Варзино и Иоканги можно считать результатом древнего смешения. Возможно также,

что он является результатом относительно недавних контактов саамов на побережье Баренцева моря. Такие контакты могли происходить с разнообразным в антропологическом и этническом планах временным и постоянным несаамским населением Кольского полуострова — поморами, норвежцами, финнами. Наиболее представительным для характеристики собственно лапоноидных особенностей, свободным от инородных примесей, по всей вероятности можно считать краниологический вариант черепов из Чальмны-Варрэ.

Краниология карел представлена десятью сериями черепов, относящихся ко всем основным группам карельского народа — карелам-ливвикам, карелам-людикам, группам собственно-карельского диалекта, сегозерским карелам [Хартанович 1986]. Черепа карел в целом имеют небольшой продольный и значительный поперечный диаметры, брахикранную черепную коробку. Существенная их особенность — очень большая высота черепа по измерениям как от порионов, так и от точки базион. При недлинном, но широком черепе высотно-продольный указатель большой, высотно-поперечный — средний. Лоб прямой, довольно широкий. Длина основания черепа средняя, лица — значительная, а их отношение свидетельствует о мезогнатности лицевого скелета. Лицо неширокое, а в соотношении с широкой черепной коробкой узкое, средневысокое. Величина назомаллярного угла говорит о некоторой (в масштабах вариаций этого признака на территории Европы) уплощенности лица на верхнем уровне. Величина же зигомаксиллярного угла — о достаточно резкой клиногнатности — на среднем. В вертикальном плане лицевой скелет резко ортогнатен и в общем, и в альвеолярной части. Орбиты неширокие, низкие. Отражающие строение грушевидного отверстия размеры и указатель средней величины. Угол выступания носа к линии профиля большой. Носовые кости и переносье довольно широкие, высокие как по указателю, так и, особенно, по абсолютным размерам.

Таким образом, основные параметры у карельских краниологических материалов свидетельствуют о чрезвычайной специфичности присущего этим черепам антропологического комплекса. Его основные особенности заключаются в сочетании очень высокой, брахикранной формы черепной коробки, средневысокого и неширокого, ортогнатного по углу и мезогнатного по указателю лица со средней горизонтальной профилировкой на верхнем уровне и резкой — на среднем, высокого переносья и сильно выступающих носовых костей. Этот комплекс характеристик резко отличает карельские черепа от краниологических материалов других народов Евразии, как финноязычных, так и относящихся к иным языковым группам.

Среди краниологических серий карел наряду с общими чертами отмечаются специфические особенности, позволяющие выделить ряд вариантов в пределах общего антропологического типа. Черепа из Северной Карелии, с территории распространения собственно-карельского диалекта — наиболее массивные, с очень большой высотой черепа, очень широким лицом, узким, сильно выступающим носом, высокими костями и переносьем — относятся к одному из них. Второй составляют группы карел-ливвиков и людиков из Средней Карелии. Они отличаются от северных преимущественно более узким лицом.

Особый интерес представляют краниологические серии, происходящие из районов расселения сегозерских карел. В культуре этой этнографической группы данные фольклористики и этнографии фиксируют элементы саамского влияния [Конкка, Конкка 1981]. По сравнению с другими карельскими сегозерские черепа имеют наиболее плоское переносье и носовые кости, несколько меньший угол выступания носа и больший зигомаксиллярный угол. Эти особенности дают основания для отнесения черепов сегозерских карел к третьему антропологическому варианту и сближают их с черепами саамов. Однако в целом вариации

признаков черепов карел Сегозерья не выходят за рамки изменчивости показателей в пределах общего для карел антропологического типа, и говорить о сходстве с лапоноидным комплексом можно только как о проявленной тенденции.

Среди материалов с территории Карелии присутствуют и серии, существенно отличающиеся по своему антропологическому типу от остальных карельских. Это, во-первых, одна из групп Северного Приладожья. В этом районе был раскопан могильник Суйстамо, погребения которого различались по типу надмогильных сооружений с православным восьмиконечным крестом и лютеранским четырехконечным. Черепа из лютеранских погребений, по сравнению с православными, имеют гораздо более низкую черепную коробку, высокое лицо, орбиты и грушевидное отверстие. Лицевой скелет у них менее уплощен на обоих уровнях, дакриальный и симотический указатели больше, как и угол выступления носа. По основным характеристикам материалы из лютеранских погребений явно отличны от черепов из захоронений с православным обрядом. Первые близки к финским, тогда как черепа из православных погребений близки к карельским. Такой факт подтверждает аргументы этнографов о том, что карелы в этом регионе сохраняли свое религиозное и культурное своеобразие в среде финских переселенцев. Но он говорит и о том, что карелы в Северном Приладожье сохраняли и специфику антропологического типа.

Судя по данным краниологии, иные процессы имели место при формировании антропологического состава населения Северо-Западного Приладожья [Хартанович 1990]. Переселенцы из Финляндии стали преобладать на этой территории с XVII в. В это же время началась массовая эмиграция карел с Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья в северные районы современной Карелии и Тверскую губернию. Краниологическая серия из Северо-Западного Приладожья оказалась однородной в антропологическом отношении и промежуточной по многим признакам между финскими и карельскими черепами, но ближе к последним. Такая однородность свидетельствует о законченности процессов метисации финского и карельского населения в этом регионе, а промежуточность, при сдвиге в карельскую сторону, — о значительной доле участия карельского субстрата в сложении антропологического типа довоенных жителей Юго-Западной Карелии.

Вторая серия черепов, по своим особенностям резко отличающаяся от остальных карельских, происходит с территории Беломорского района и была получена из могильника близ д. Компаково. Материалы из Компаково имеют гораздо более низкую черепную коробку, низкое и менее профилированное, особенно на среднем уровне, лицо. Они заметно грацильнее остальных групп. Все эти характерные черты дают основания для сближения черепов из этого пункта с саамскими. Антропологический комплекс черепов из Компаково наиболее близок саамскому антропологическому варианту, представленному в тундровых, прибрежных группах саамов Кольского полуострова.

Учитывая особое положение черепов из Компаково в составе карельских серий, а также некоторые «лапоноидные» тенденции групп сегозерских карел, следует, вероятно, несколько подробнее остановиться на историческом аспекте проблемы взаимодействия саамского и карельского населения в последние столетия. В лингвистических, исторических, этнографических источниках содержится достоверная информация о том, что в недалеком прошлом территория расселения саамов и карел существенно отличалась от современной. Лингвистические исследования выявили топонимы саамского происхождения на всей территории Карелии, вплоть до р. Свирь [Керт 1960; Лескинен 1967]. Финляндские лингвисты обнаружили саамскую топонимику и на Карельском перешейке. Писцовые книги и акты XVI в. проводят южную границу лопских погостов по Северному Прионежью [Лукиянченко

1979]. Существуют исторические свидетельства о присутствии лопских погостов в XVI в. и в Южном Приладожье [Кирпичников 1984]. Все эти данные говорят о распространении в прошлом на всей территории Карелии населения, каким-то образом связанного с «лопарями».

С другой стороны, известно, что в Средней и Северной Карелии постоянное карельское население в небольшом количестве стало появляться только начиная с XI-XII вв. н. э. Продвижение карел на север продолжалось и позже, но до конца XVI в. оно не было массовым. Большие группы карел продвинулись на север Карелии в начале XVII в. Тогда, после неудачной для России войны со Швецией, к Швеции отошли Корельский уезд и Северо-Западное Приладожье. Из этих мест в Россию перешло около 50 тыс. карел. К этому же времени, вероятно, следует относить окончательное оттеснение саамского населения из Карелии на Кольский полуостров и (или) его частичную ассимиляцию. О том, что карельские саамы в какой-то степени оказали влияние на формирование Кольских, свидетельствуют элементы традиционной культуры терских саамов — одной из групп саамов Кольского полуострова. Эти элементы связывают терских саамов с лешей лопью, отмечаемой в Карелии документами XVI-XVII вв., остатки которой в XVIII в. еще проживали в северных районах Карелии [Лукьянченко 1979].

Можно допустить, что часть саамского населения Карелии осталась на местах прежнего обитания и вошла в состав карельского народа. Такое предположение подтверждают данные о языке и этнографии сегозерских карел. Несмотря на то что лингвисты относят местный говор к собственно-карельскому диалекту карельского языка, карелы в Сегозерье считают свой язык лопарским. Особенности материальной и духовной культуры карел этой группы отчетливо указывают на связь с саамской культурой, а в их самоназвании вплоть до недавнего времени сохранялся этноним «лаппи» [Бубрих 1947; Конкка, Конкка 1981; Никольская, Косменко 1981].

Следует ожидать, что длительные контакты саамов и карел оставили следы не только в языке и культуре, но и в антропологическом облике обоих народов. У саамов на результаты таких влияний еще в середине XIX в. во время фольклорных и лингвистических экспедиций обратил внимание Эдиас Ленрот. Он отметил сходство саамов восточных районов Кольского полуострова — потомков упомянутой выше «лешей лопи» — с карелами [Путешествия... 1985]. Наблюдение Ленрота подтверждают неопубликованные соматологические материалы М. В. Витова. Согласно этим данным, в антропологическом типе восточных Кольских саамов содержится значительная карельская примесь (цит. по [Лукьянченко 1971]). Некоторое сходство с карельскими краниологическими сериями проявляют черепа саамов из Пулозера.

С другой стороны, приведенные факты антропологической специфики карельских краниологических материалов из Сегозерья и, особенно из Компаково, можно рассматривать как достаточно весомое доказательство сохранения в той или иной степени в отдельных группах карел сходных с лапоноидным комплексом признаков, по-видимому, генетически связанных с ранним саамским населением Карелии. Однако это население вряд ли оказывало существенное влияние на формирование антропологического типа карел в целом, а сами такие группы, скорее всего, существовали в массе карел в виде отдельных островков. Даже в XVI в. население занимавших огромную часть территории современной Карелии лопских погостов было очень невелико в численном отношении и составляло около 6-7 тыс. человек [Жербин, Морозов 1983]. Незначительную роль саамского субстрата в антропологическом составе карел подтверждает и отсутствие меридионального градиента нарастания лапоно-

идности с юга на север в карельских краниологических сериях. Самые северные карельские группы, из Калевальского района Карелии, напротив, отличаются наиболее специфичным по отношению к саамам краниологическим комплексом.

Из финноязычного населения Северо-Запада России в нашем распоряжении еще имеются краниологические материалы ижор (неопубликованные данные автора). Мужские черепа ижор отличаются короткой и широкой, брахикранной по указателю черепной коробкой. Высота черепа очень большая. Лицо невысокое, довольно широкое, несколько уплощенное на уровне точки назион и резко профилированное на уровне точки субспинале. Носовые кости и переносье высокие и по абсолютным размерам и по указателям. Нос к линии профиля выступает сильно. Очевидно, что по всем основным характеристикам ижорские материалы очень близки антропологическому типу карел.

По финноязычному населению Восточной Прибалтики в научный оборот введен ряд краниологических серий эстонцев из разных районов республики [Марк 1956]. Анализ этих материалов показал, что в составе эстонцев присутствуют представители нескольких антропологических типов. В целом краниологические характеристики эстонцев аналогичны таковым у населения Финляндии. Однако отдельные группы имеют тенденцию к сближению как с саамами, так и с карелами.

Морфологические особенности серий черепов населения Фенноскандии, Северо-Запада России и Восточной Прибалтики позволяют выделить в их составе несколько антропологических типов. К первому относятся краниологические материалы шведов и норвежцев. Второй составляют саамы. Финны и эстонцы образуют третий краниологический тип, по многим показателям занимающий промежуточное положение между первыми двумя. И, наконец, у карел и ижор выявлен четвертый, очень специфичный комплекс. Эти подразделения по составу входящих в них народов аналогичны антропологическим типам, выделенным на основании изучения соматологических признаков (см.: [Марк 1975]) и получивших названия скандинавского, лапоноидного, западнобалтийского и восточнобалтийского, соответственно. Такое совпадение результатов таксономической классификации по независимым в целом системам признаков (краниологической и соматологической) подтверждает достоверность результатов исследования, реальность существования выделенных антропологических группировок.

Необходимо отметить, что все народы, составляющие перечисленные антропологические комплексы, отличаются сложностью происхождения. В процессе формирования они включали в себя различные в этническом и антропологическом планах компоненты, как древнейшие субстратные, так и пришлые. Основные, преимущественно поздние этапы сложения антропологического состава населяющих этот ареал народов изучены достаточно подробно. Наиболее дискуссионными и сейчас остаются проблемы первоначального заселения рассматриваемой территории.

Литература

- Алексеев 1969 — Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
Алексеев 1974 — Алексеев В. П. Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
Бубрих 1947 — Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
Жербин, Морозов 1983 — Жербин А. С., Морозов К. А. Введение // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

- Жиров 1937 — Жиров Е. В. Древние ижорские черепа // Сов. археология. 1937. Т. П.
- Керт 1960 — Керт Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопр. языкознания. 1960. № 2.
- Кирпичников 1984 — Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Конкка, Конкка 1981 — Котка У. С, Конкка А. П. Духовная культура сегозерских карел. Л., 1981.
- Лескинен 1967 — Лескинен В. О. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967.
- Лукьянченко 1979 — Лукьянченко Т. В. Расселение Кольских саамов в XVI-XVII вв. // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
- Марк 1956 — Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Марк 1975 — Марк К. Ю. Антропология прибалтийско-финских народов, Таллин, 1975.
- Никольская, Косменко 1981 — Никольская Р. Ф., Косменко А. П. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л., 1981.
- Путешествия... 1985 — Путешествия Элиаса Ленрота. Петрозаводск, 1985.
- Хартанович 1980 — Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 36. Л., 1980.
- Хартанович 1986 — Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.
- Хартанович 1990 — Хартанович В. И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX-начала XX вв. // Балты. Славяне. Прибалтийские финны. Рига, 1990.
- Geivall 1960 — Geivall G. Westershus. Lund, 1960.
- Halteten 1881, 1887, 1893 — Hallsten K. Matériaux pour servir a la connaissance des cranes des peuples finnois. H. XXXV. Helsinki, 1881; H. XL. 1887; H. LII. 1893.
- Khartanovich 1993 — Khartanovich V. Origin of the Baltic-Finns on the bases of the craniological series // Physical anthropology and population genetics of Vologda Russians. Helsinki, 1993.
- Morant 1931 — Morant G. A study of the recently excavated Spitalfield crania // Biometrika. 1931. Vol. XXIII. P. I-II.
- Retsius 1874 — Retsius G. Matériaux pour servir a la connaissance des caracteres ethniques des races finnoises // Congres international d'anthropologie et d'archeologie prehistoriques. 7-e session. Stockholm, 1874.
- Schreiner 1931, 1935 — Schreiner K. Zur Osteologie der Lappen. Bd I. Oslo, 1931; Bd II. 1935.
- Schreiner 1939, 1946 — Schreiner K. Crania Norvegica. Bd I. Oslo, 1939; Bd II. 1946.
- Schreiner 1945 — Schreiner K. Further note on the craniology of the Lapps. Oslo, 1945.
- Steffensen 1953 — Steffensen J. The physical anthropology of the Viking // The journal of the Royal anthropological institute of the Great Britain and Ireland. 1953. Vol. LXXXIII.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>А. С. Герд, Г. С. Лебедев, С.-Петербург</i>).....	5
Введение (<i>А. С. Герд, С.-Петербург</i>).....	8

Древняя Фенноскандия

Древнейшее население Фенноскандии (<i>Я Я. Шумкин, С.-Петербург</i>).....	17
---	----

Верхнее Поднепровье, Подвинье и Верхняя Русь как древнейшие зоны славяно-финского взаимодействия

Днепро-Двинская историко-культурная зона по данным археологии (<i>В. А. Булкин, С.-Петербург</i>)	25
Верхняя Русь по данным археологии и древней истории (<i>Г. С. Лебедев, С.-Петербург</i>)	31
Верхняя Русь в свете данных русистики (<i>А. С. Герд, С.-Петербург</i>)	59
История расселения на территории Верхней Руси (<i>А. А. Селин, С.-Петербург</i>)	72
Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI-XVII вв. (<i>А. А. Селин, С.-Петербург</i>)	86
Верхняя Русь по данным этнографии (<i>И. И. Шапгина, Т. А. Зимина, С.-Петербург</i>)	100
Культура вокальных мелодий-сигналов (лесных кличей) на Северо-Западе России (<i>М. А. Лобанов, С.-Петербург</i>)	120
Некоторые музыкально-фольклорные ареалы и границы Верхней Руси (<i>В. А. Лапин, С.-Петербург</i>)	132
Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвинья (<i>А. А. Гаджиева, С.-Петербург</i>)	139
Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук (<i>О. И. Конькова, С.-Петербург</i>)	188
Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников (<i>В. А. Назаренко, А. А. Селин, С.-Петербург</i>)	232
Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания (<i>И. Муллонен, Петрозаводск</i>)	248
Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук (<i>А. С. Герд, С.-Петербург</i>)	252

Приладожская Карелия

История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. (<i>А. И. Сакса, С.-Петербург</i>)	257
Валаамский и Коневский (Коневецкий) монастыри (<i>Л. Сиилин, Йоэнсуу, Финляндия</i>)	272
Приладожская Карелия по данным этнографии (<i>К. Хейкинен, Йоэнсуу, Финляндия</i>)	292

Проблема выделения ареала Приладожской зоны (Карельское Приладожье, Приладожская пограничная Карелия) (А. С. Герд, С.-Петербург).....	299
---	-----

Обонежье

Археологические культуры Прионежья от эпохи неолита до средневековья (А. М. Спиридонов, Петрозаводск).....	303
Прионежье: этническая история ареала (И. Ю. Винокурова, Петрозаводск).....	310
Основные моменты монастырской колонизации Прионежья (Т. П. Дмитриева (Амелина), Петрозаводск).....	325
Этнолингвистическая история Обонежья (Я. Муллонен, Петрозаводск).....	332
Обонежье в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург).....	349
Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья (А. М. Спиридонов, Петрозаводск).....	352
Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья (К. К. Логинов, Петрозаводск).....	360
Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья ХГХ — начала XX в. (К. К. Логинов, Петрозаводск).....	370
Историко-культурное зонирование Юго-Западной Карелии по архитектурным данным (В. П. Орфинский, И. Е. Гришина, Петрозаводск).....	375
Северное Обонежье в свете данных этномузыковедения (Т. В. Краснопольская, Петрозаводск).....	390
Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук {А. С. Герд, С.-Петербург).....	409

Ярославско-Костромское Поволжье

Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья (В. Н. Седых, С.-Петербург).....	419
Субстратная топонимия Ярославского Поволжья (Л. Алквист, Хельсинки, Финляндия)	436
Диалектное членение Ярославской и Костромской областей в свете данных русистики (М. М. Кондратенко, Ярославль).....	468
Ярославско-Костромской край по данным этнографии (Я. И. Шангина, С.-Петербург)	477
Исторические границы и ареалы на территории Ярославско-Костромского Поволжья по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург).....	495

Древние и современные антропологические типы

Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии (В. И. Хартанович, С.-Петербург).....	499
---	-----

SISÄLLYS

Alkulause.....	5
Johdanto (<i>A. S. Gerd, Pietari</i>)	8

Fennoskandian muinaisväestö

Fennoskandian muinaisväestö (<i>V. Ja. Shumkin, Pietari</i>).....	17
---	----

Dneprin yläjuoksun seut, Väinajoen yläjuoksun seutu Ylä-Venäjä slaavilais-suomalaistcii kontaktien muinaisimpana alueena

Dneprin ja Väinajoen historiallinen kulttuurialue arkeologian tutkimustulosten valossa (<i>V. A. Bulkm, Pietari</i>)	25
Ylä-Venäjä arkeologian ja muinaishistorian tutkimuskohteena (<i>G. 5. Lebedev, Pietari</i>) ...	31
Ylä-Venäjä russistiikan tutkimustulosten valossa (<i>A. S. Gerd, Pietari</i>).....	59
Ylä-Venäjän asuttamisen liistoria (<i>A. A. Sehn, Pietari</i>)	72
Novgorodin alueen luoteisosan päätiet 1500—1600-luvulia (<i>A. A. Selin, Pietari</i>)	86
Ylä-Venäjä etnografian tutkimustulosten valossa (<i>/ I. Shangina, T. A. Zimina, Pietari</i>) ..	100
Venäjän luoteisosan merkkisävelmien (metsäliuhuilun) kulttuuri (<i>M A. Lohanov, Pietari</i>)..	120
Muutaniia Yla- Venäjän musiikki- ja kansatiperinnealueita ja iajoja (<i>V. A. Lapin, Pietari</i>)	132
Dneprin yläjuoksun seudun ja Väinajoen yläjuoksun seudun kalenterisävelmiä (<i>A. A. Gadihjeva, Pietari</i>)	139
Inkerinmaan lüstoriallinen kulttuurialue humanitaaristen tieteiden tutkimustulosten valossa (<i>O. I. Konkova, Pietari</i>).....	188
Kaakois-Laatokan alue raimikkoalue arkeologisten tutkimusten ja kirjallisten lähteiden valossa (<i>V. A. Nazarenko, A. A. Selin, Pietari</i>).....	232
Kaakkois-Laatokan alue itömerensuomalaisen kielieteen tutkimustulosten valossa (<i>/ I. Millionen, Petroskoi</i>).....	248
Dneprin ja Väinajoen historiallisen kulttuurialueen ja Ylä-Venäjän historialliset rajat ja kiekialueet humanitaaristen tieteiden tutkimustulosten valossa (<i>/I. S. Gerd, Pietari</i>)..	252

Laatokan Karjala

Laatokan Karjalan ja Savon väestön lustoria muinaisajoilta 1300-luvulle asti (<i>A. I. Sakset, Pietari</i>)	257
Valamon ja Konevetsan luostarit (<i>L. Siilin, Joensuu</i>).....	272
Laatokan Karjala kansatieteen valossa (<i>K. Heikkinen, Joensuu</i>).....	292
Laatokan kielialueen rajojen selvittämisen ongelmia (Karjalan Laatokka, Raja-Karjala) (<i>A. S. Gerd, Pietari</i>)	299

Äänisjärven seutu

Äänisenrannan arkeologisia kulttuureja neoliitin kaudelta keskiajalle asti (<i>A. M. Spiridonov, Petroskoi</i>)	303
Äänisenranta: kielialueen etnohistoria (<i>J. Vmokurova, Petroskoi</i>)	310
Äänisenrannan luostariasutusten pääpiirteitä (<i>T. P. Dmitrijeva (Amelina), Petroskoi</i>)	325
Äänisjärven seudun etnolongvistinen historia (<i>7. Mullonen, Petroskoi</i>)	332
Äänisjärven seutu russistiikan tutkimustulosten valossa (<i>A. S. Gerd, Pietari</i>)	349
Äänisjärven seudun keskiaikaiset hallinnolliset rajat (<i>A. M. Spiridonov, Petroskoi</i>)	352
Itäsen Äänisjärven seudun ja «etnograafisen» Äänisniemen etnohistoria (<i>K. K. Loginov, Petroskoi</i>)	360
1900-luvun vaihteen Äänisniemen keskeiset ja pienet etnograafiset vyöhykkeet (<i>K. K. Loginov, Petroskoi</i>)	370
Lounais-Karjalan jako historiallisiin ja kulttuurivyöhykkeisiin arkkitehtonisten ominaispiirteiden perusteella (<i>V P. Orfinskii, I. E. Grishina, Petroskoi</i>)	375
Pohjoinen Äänisjärven seutu etnomusiikkitutkimuksen valossa (<i>T. V. Krctsnopolskaja, Petroskoi</i>)	390
Äänisjärven seudun historialliset rajat ja kielialueet humanitaaristen tieteiden tutkimusten valossa (<i>A. S. Gerd, Pietari</i>)	409

Jaroslavlin ja Kostroman Volganranta

Jaroslavlin ja Kostroman Volganrannan arkeologia ja muinaishistoria (<i>V. N. Sedyh, Pietari</i>)	419
Jaroslavlin Volganrannan substraatti paikannimistö (<i>A. Ahlqvist, Helsinki</i>)	436
Jaroslavlin ja Kostroman alueiden jako murrevyöhykkeisiin russistiikan tutkimustulosten valossa (<i>M. M. Kondratenko, Jaroslavl</i>)	468
Jaroslavlin ja Kostroman alue etnografian tutkimustulosten valossa (<i>I. I. Shangina, Pietari</i>)	477
Jaroslavlin ja Kostroman Volganrannan historialliset rajat ja kielialueet humanitaaristen tieteiden tutkimusten valossa (<i>A. S. Gerd, Pietari</i>)	495

Muinaisia ja nykyaikaisia antropologisia tyyppejä

Venäjäin luoteisosan ja Fennoskandian muinaisia ja nykyaikaisia antropologisia tyyppejä (<i>V. I. Hartcmovitsh, Pietari</i>)	499
--	-----

Научное издание

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ
СЛАВЯНЕ И ФИННЫ

Зав. редакцией *Г. И. Чередниченко*
Редактор *И. А. Сеина*
Корректор *М. С. Юдович*
Худож. оформление *Е. А. Соловьевой*
Техн. редактор *Л. Н. Иванова*
Подготовка рисунков *В. Е. Корольковой, У. В. Буторовой*
Оригинал-макет *Г. А. Курбановой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать с оригинала-макета 29.11.2001.
Ф-т 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,28.
Уч.-изд. л. 50,38. Тираж 500 экз. Заказ № 510

РОПИ Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб.. 7/9.

Центр оперативной полиграфии
типографии Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.